

ДЕТИ:
в языке и культуре

Институт языкознания
Российской академии наук

ДЕТИ: В языке и культуре

(избранные) материалы конференции

23–24 ноября 2023 г.

Москва – 2023

УДК 811.1-053.2

ББК 81:74.27

Д38

<https://elibrary.ru/wjejlh>

*Конференция проводится в рамках работы над проектом
РНФ № 22-28-00072*

*«Стратегии номинации в области базовой зоо- и антропонимической
лексики в языках Евразии»*

Д38 **Дети: в языке и культуре** : (избранные) материалы конференции. 23–24 ноября 2023 г. / Отв. ред. Т.А. Михайлова. – Москва : МАКС Пресс, 2023. – 152 с.

ISBN 978-5-317-07068-7

<https://doi.org/10.29003/m3572.978-5-317-07068-7>

Конференция посвящена двум фокусам восприятия ребенка в языке и культуре. В основе первого лежит проблема номинации ребенка в языках мира в синхронном и диахронном аспекте. Особое внимание уделено оппозиции «дети – взрослые», а также «дети-младенцы» – «мальчики-девочки». В качестве материала привлекаются как нормативные данные, так и диалектные. Также прослеживается эволюция семантического поля «ребенок» в языках Евразии. Другой фокус исследования – коннотативное поле «ребенок» в культуре (фольклоре, родильной обрядности, психоанализе).

Ключевые слова: номинация ребенка, семантические переходы, традиционная культура, речевые стратегии, детская речь.

УДК 811.1-053.2

ББК 81:74.27

На первой стороне обложки:
рисунок японской художницы Тихиро Ивасаки (1918–1974)

На задней стороне обложки:
фрагмент картины Питера Брейгеля «Игры детей» (1560)

ISBN 978-5-317-07068-7

© Коллектив авторов, 2023

© Оформление. ООО «МАКС Пресс», 2023

Содержание

<i>В. М. Алпатов</i> Как дети воспринимают язык	5
<i>Н. Н. Воропаев</i> Классические сюжеты дянгу Китая для воспитания детей.....	15
<i>Горячева М.А.</i> Современные тенденции заимствования англоязычной лексики на примере функционирования в российском интернет- пространстве слов «сиблинг» и «тоддлер».....	25
<i>Л.Р. Додыхудоева</i> К обозначению возрастных групп и семантическому наполнению поля <i>ребенок</i> в иранских языках Таджикистана.....	36
<i>А.А. Евдокимова</i> Византийские детские погребальные надписи: формулы и другие особенности.....	45
<i>В.В. Каприелова</i> Способы номинации детей в сербском языке.....	60
<i>И.Б. Качинская</i> Номинация детей в архангельских говорах.....	68
<i>А.Б. Коконова</i> Номинации незаконнорожденных детей по локальному признаку (на материале архангельских говоров).....	77
<i>Т.А. Михайлова</i> Кельтские дети: эволюция возрастной класси- фикации в зеркале языка.....	84
<i>Руднев В. П.</i> Маленький Ганс и другие: Дети в психоанализе.....	92
<i>М.М. Руссо</i> Дети в базе данных семантических переходов (DatSemShifts)....	99
<i>И.А. Седакова</i> Категория пространства в «тексте рождения» болгар.....	107
<i>А. А. Смирнитская</i> Понятие <i>child</i> в дравидийских языках и его семантическое развитие.....	115

<i>И.В. Федотова</i>	
Дети и детеныши в уральских языках.....	128
<i>О.В. Чёха</i>	
Луна и ребенок в языке балканского фольклора.....	136
<i>Е. Б. Яковенко</i>	
Обозначения ребенка в древнеанглийском языке.....	145

В. М. Алпатов
Институт языкознания РАН, Москва
(v-alpatov@iling-ran.ru)

Как дети воспринимают язык

Дети, по-видимому, начинают раздумывать о языке начиная с того времени, когда у них уже сформировались основные характеристики языкового механизма и наступает этап его отладки, параллельно с которой идет очень быстрое пополнение словарного запаса, то есть примерно с трех-четырёх лет. Они уже научились свободно говорить, но еще не овладели языком во всех его деталях. При этом представления детей отражают «наивное сознание», которое свойственно и народам на определенной стадии их развития (что отражается на ранних стадиях развития любых лингвистических традиций), и необразованным людям, и даже людям, образованным в какой-то другой области знаний вплоть до академиков (два ярких примера - Н.Я. Марр и А.Т. Фоменко).

Много примеров детских представлений о языке собрано в известной книге К.И. Чуковского «От двух до пяти». Хотя К.И. Чуковский считал, что к пяти годам такое обращение с языком обычно проходит, но оно может остаться еще на некоторое время, даже на всю жизнь, подвергаясь модификации после обучения грамоте: с этого времени ребенку, а затем взрослому «основной единицей речи обычно представляется графическое слово» [Шор 1928/2009: 56]. Конечно, всё здесь индивидуально, и степень склонности к рефлексии у разных детей (и взрослых) различна.

В раннем детстве, а во многом и позже господствуют достаточно наивные представления о языке. Встречаясь с новым словом, значение которого не всегда понятно, ребенку хочется найти ему место среди уже известных слов. При этом действуют два основных принципа: какое-то звуковое сходство среди того, что уже освоено, и попытка объяснить неизвестное через известное.

О таких представлениях еще в 1926 г. писала Р.О. Шор: «Слово представляется тождественным с обозначаемым им предметом. Связь между именем и обозначаемым этим именем лицом или между названием и соответствующей вещью мыслится не как произвольная и отвлеченная связь знака и значения, но как конкретное единство, как существенное их тождество» [Шор 1926/2009: 63]. Дети, разумеется, уже в этом возрасте обычно знают о существовании многих языков, но всё равно им, по формулировке той же Р.О. Шор, присуще «представление о естественной связи звуков со значением, которое выражается и в признании «естественными», «человеческими» только звуков *своего*. родного языка» [Шор 1926/2009: 42]. «С представлением о родном языке как естественном, а иностранном языке как каком-то отклонении от естественности, психологически расстаться трудно». Поэтому «тот факт, что в различных языках для обозначения одной и той же вещи применяются совершенно различные звуковые комплексы, прежде всего поражает рефлектирующее над языковыми фактами наивное сознание» [Шор 1926/2009: 6], в том числе сознание ребенка.

К тому же в этом возрасте благодаря знакомству со сказками дети считают, что языками обладают и животные, а язык волков или зайцев может рассматриваться в одном ряду с иностранным (но не родным) языком, которым я не владею, но кто-то из взрослых может владеть. Ср. сопоставление бормотания варваров с криками животных у древнегреческих грамматистов (из-за чего они не изучали никакие языки, кроме своего). Наиболее ярко такие представления свойственны детям-монолингвам, но и билингвы всё равно могут столкнуться с чужими языками. И сложнее всего для детского сознания представить, что кто-то (в том числе иностранец) мог бы не знать самые простые и понятные для меня слова.

То, что называют народными этимологиями, - естественное явление для детей и взрослых, но особо склонны к народным этимологиям дети дошкольного возраста, у которых идет особо быстрое расширение лексического запаса.

Вот такой пример. Бабушка ребенка – пожилая больная женщина, смолоду привыкшая к частнопрактикующим врачам и

презиравшая участкового врача поликлиники по фамилии *Востокова*. Но если надо было всего лишь померять давление или выписать рецепт, приглашали востокову (не Востокову!). Ребенок принимал фамилию за обозначение низшего класса врачей, иерархия выражалась в бабушкиных интонациях.. Но почему она так названа? А потому, что *Востокова* *выстукивала* больных.

Значимыми могут казаться любые лексемы, в том числе фамилии, напоминающие какие угодно фонетически похожие слова, которые уже освоены. Ребенок забыл фамилию певца, объявленную по радио, но помнил, что она похожа на слово *портрет*, потом выяснилось, что это был *Понтрягин*. Любопытно, что, кажется, данная фамилия действительно образована метатезой от фамилии *Портнягин*. Фамилия *Шувалов* кажется производной от слова *штурвал* и далее до бесконечности. Для ребенка слово *юрист* может казаться производным от имени *Юрий*, а слово *физика* - от имени татарки-уборщицы *Физа* (*Файла*). Ассоциации могут быть самыми неожиданными и изощренными. Встретившись с именованьем «фабрика имени Веры Слуцкой» (была такая всё советское время в Ленинграде) и узнав от взрослых, что это была погибшая в 1917 г. революционерка, ребенку этого оказывалось недостаточным и хотелось понять, почему у нее была такая фамилия. Пришло в голову, что она потому *Слуцкая*, что хорошо *стелила* постель (ребенка как раз в это время учили это делать, и, вероятно он познакомился и со словом *стлать*, воспринятым как *стать*). Очевидны принципы создания таких «этимологий»: объяснение неизвестного через известное и какое-то фонетическое сходство. «Непонятное... по происхождению, а часто чуждое и по звукам, слово ассимилируется к какому-нибудь известному, хоть сколько-нибудь близкому по звукам» [Крушевский 1879/1998: 53].

Направление именованья осознается как соответствующее порядку узнавания слов: фамилию *Шувалов* ребенок узнал позже, чем слово *штурвал*, с *Физой* познакомился раньше, чем с *физикой*. Показателен и пример у Чуковского: «Почему он тополь, если не топаёт», к которому я еще вернусь. Для звукового же сходства точных критериев быть не может, но оно должно быть очевидным.

Воспринимая то или иное целое высказывание на слух, ребенок осознанно или чаще неосознанно подверстывает его к своим привычкам, слыша то, что он хочет слышать. Появляются так называемые ослышки. Вот пример из книги Р.О. Шор, относящийся, по-видимому, к ребенку: строка из «Интернационала» *Воспрянет род людской* была услышана как *Воз пряников в рот людской* [Шор 1928/2009: 57]. Даже помимо не так расшифрованной омофонии, слушающий не воспринял (или оценил как *к*) конечный согласный в слове *воспрянет* и домыслил отсутствующий предлог *в*.

Ослышки встречаются и у детей, и у взрослых, см. недавно появившееся их исследование на материале речи взрослых [Мустайоки, Протасова 2023]. Но представляется, что между детьми, особенно в дошкольном возрасте, и взрослыми есть различие. Взрослые бессознательно стараются воспринять некоторую имеющую значение последовательность слов, что демонстрируется в вышеупомянутой статье, ребенок может вести себя так же, но он привык и к неизвестным словам в речи взрослых. Вот он услышал фразу *Барабаны эпохи бьют, бьют, бьют* и воспринял ее как *Барабанные поки бьют, бьют, бьют*. Разумеется, он не знает, что такое *поки*, но запоминает его как еще одно освоенное слово. А вот он слышит в речи взрослого фразу *Я ранжа, индусоверный покровитель*. Он не знает, что такое *ранжа* и что такое *индусоверный*. А потом он узнает, что *ронжа* – это птица и производит отождествление, хотя общий смысл остается загадочным. После обучения грамоте к ослышкам добавляются очитки, которые могут быть устойчивыми. В Москве когда-то висели афиши с перечислением текущего репертуара кинотеатров, и название одного из них ребенок запомнил как *Театр кинотеатра* (там днем крутили кино, а вечером играли спектакли). И лишь спустя несколько лет он присмотрелся и понял, что реальное название – *Театр киноактера*. Очевидно, когда он впервые рассматривал аналогичную афишу, он уже знал слово *кинотеатр* и не знал слово *киноактер*. Взрослые обычно не сохраняют в памяти ослышки и очитки, а у детей они часто закрепляются надолго.

При этом из приведенных примеров видно, что нет никакого, даже стихийного представления о какой-либо регулярности

отношений между словами; один принцип - связываются два похожие по звучанию слова, одно для меня новое, другое я знаю. Звуковые ассоциации могут быть весьма изощренными. Взрослый, даже не зная реальную этимологию фамилии *Слуцкая*, вряд ли найдет какое-то сходство между ней и глаголом *стелить / стлать*. Так что такие детские представления далеки от идеи о том, что линейность морфем в слове является нормой, свойственной лингвистике (особенно в XX в.)¹. Ничего нет и от идеи о морфемном членении слова. Зато вполне нормальным кажется образование слов путем любой перестановки звуков или букв.

Вот пример, относящийся уже к младшему школьному возрасту: прочитав, что во главе восстания *кабошьенов* во Франции стоял человек по прозвищу *Кабош*, что значит 'башка', ребенок может предположить, что в слове *башка* переставили звуки или буквы. Реально такой способ словообразования (речь сейчас не идет о метатезе) крайне маргинален, изредка встречаясь лишь в особых случаях перемены фамилии для тьяне незаконнорожденных (*Шубин - Пибуш*) или сменивших гражданство: *Сушард - Драшус(ов)*, а также в псевдонимах: *Иван Крылов - Нави Вольрк*. Но характерно, что он встречается у дилетантов: А.А. Зализняк в полемике с А.Т. Фоменко наличие у своего оппонента таких этимологий расценивает как признак некомпетентности. И, разумеется, ребенок не подумал, откуда французские крестьяне XV в. могли знать слово *башка*. Ребенок уже знал, как пишется это слово, и понял, что предводитель восстания должен был бы именоваться *Кабаш*. Но счел, что, видимо, его соратники были не очень грамотны.

¹ «Разные модели морфологии отличаются друг от друга прежде всего тем, что ориентированы на языки разных типов»; один тип считается эталонным, а прочие типы - отклонениями от эталона; в отличие от восходящей к античности традиции структурная лингвистика, особенно дескриптивная, более всего ориентируется на «агглютинативный идеал» [Плунгян 2000: 71-72]. Вряд ли это объясняется привычкой работать с такими языками, которой может и не быть; «системоцентрическая», по выражению Е.В. Рахилиной [Рахилина 1989], наука считает (сознательно или бессознательно) нормой то, что наиболее регулярно.

Примеры, в том числе приведенные выше, также показывают, что у детей связываются не слова как лексические единицы и тем более не корни, а целые словоформы. В примере: *Востокова - выстукивала* - связаны были именно данные словоформы, и значимо было в обоих словах конечное *а*. Слова могут быть в их основной форме, но и это не обязательно, особенно в глаголе, что показывают примеры. Другая особенность: важно, чтобы у слов были сходные по звучанию части, а что значит остаток, неизвестно и неинтересно. Обе эти особенности сохраняются и в народных этимологиях взрослых.

В морфологии бывают два подхода, которые иногда называют моделями «слово - парадигма» и «морфема - слово» [Робинс 1967/2010: 48]. В первой модели слово не делится на значимые части, грамматические процессы рассматриваются как изменение всего слова, а грамматическое значение (как и лексическое) приписывается слову в целом. Эта модель господствовала в античной науке, а ее реликты сохраняются в русистике, где могут и сейчас писать о «неразрывности» грамматического и лексического значения в слове. Модель «морфема - слово» исходит из членения слова на основу и аффиксы, находя грамматическое значение лишь у последних; она появилась в Европе уже в Новое время и в XX в. преобладала. Уже не раз отмечалось, что модель «слово - парадигма» психологически адекватнее, по крайней мере, для носителей русского языка; см., например, [Головастиков 1980]. Приведенные примеры скорее говорят в пользу этого.

Семантика играет подчиненную роль. Она может подкреплять ассоциацию, как в случае с врачом Востоковой, но может и не присутствовать, как в ряде других примеров. Чем похожа неграмотная женщина на ученого-физика, кроме звукового сходства ее имени с названием науки? Однако отсутствие явной семантической связи слов может создавать дискомфорт, поэтому дети этого возраста склонны к описанным у Чуковского «словесным бунтам»: *Почему тополь, если он не топает?* Ясно, что ребенок сначала освоил глагол *топать*, а узнав слово *тополь*, хотел бы, чтобы его семантика была в привычных рамках.

Любое звуковое сходство, даже то, где ребенку всё вроде бы понятно, может вызывать самые неожиданные ассоциации. Про-

читав стихи под названием «Я и дом», ребенок вдруг обнаруживает, что слова *я* и *дом*, приставленные друг к другу, дают слово *ядом* (характерно, что и здесь фигурирует одна из словоформ), что приводит к разным ассоциативным «открытиям». Отсюда уже не так далеко от представлений о языковой магии и силе слова.

Родной (или не родной, но хорошо знакомый) язык кажется, как отмечала еще Р.О. Шор, единственной естественной формой выражения, что свойственно и детям, и авторам народных этимологий. Встретившись с топонимом *Уч-Курган*, ребенку представляется странная для него ситуация обучения кургана², а происхождение фамилии *Конгрив* ему очевидна (у коня есть грива), и его не смущает, что она английская. Но нет разницы между такой детской рефлексией и построениями взрослых авторов вроде *этруски - это русские* или (Н.Я. Марр) *сумерки - шумеры*. Владение несколькими языками здесь принципиально ничего не меняет, разве что ассоциации могут идти более чем от одного языка и становиться богаче. Типичные примеры - А.Т. Фоменко, знающий русский и английский языки и полиглот Н.Я. Марр. Но то же может быть и у двуязычного ребенка.

Рефлексией может сопровождаться и освоение сложных грамматических правил своего языка. По-видимому, полностью синтаксис усваивается лишь в школьном возрасте. Вот примеры синтаксической рефлексии у ребенка 6-7 лет.

Оказывалась не совсем понятной песенная строка: *Горят огни победы над страной*. Возникал вопрос: над какой страной? В другой песне были строки: *Наш оркестр играет лихо для своих ребят'*, он воспринимался как: *Наш оркестр играет «Лихо» для своих ребят* (*лихо* понято здесь как сказочный персонаж, о котором идет речь в воображаемом произведении). Наконец, ощущалась двусмысленность строки из стихотворения какого-то поэта: *Педагог в руках с указкой'*, получалось, что кто-то держит в руках одновременно указку и педагога.

² Случайно одна из этих этимологий верна: вторая часть действительно родственна русскому *курган*, тогда как *уч* в ряде тюркских языков значит 'три'. Но это, конечно, чистая случайность.

Такие примеры показывают, что в этом возрасте порядок слов в русском языке представляется более строгим, чем на самом деле, по крайней мере, в случае устойчивых синтаксических конструкций. Словосочетание *победа над* предполагает, что вслед за предлогом идет наименование побежденного. Слово *оркестр* снимает неоднозначность глагола *играть*, но обычно, если непосредственно после него в данном значении идет существительное в винительном падеже, то это название исполняемой. Последняя фраза двусмысленна, причем при данном порядке слов ее наиболее естественное понимание - как раз не то, которое имел в виду автор.

Во всех случаях ребенок ориентируется на наиболее стандартные синтаксические отношения в предложении, которые либо ведут к семантической аномалии (первый и третий примеры), либо к иному осмыслению предложения (второй пример). Везде авторы текстов используют грамматически допустимый, но отличающийся от базового порядок слов. Его восприятие при недостаточно отлаженном синтаксическом механизме вызывает затруднения. В примере с учителем предложение со значением, задуманным автором, видимо, стоит на грани правильности, но не замеченное взрослым автором другое прочтение сразу было понятно ребенку.

Хорошо известно и отмечаю многими исследователями большое значение роли порядка слов в русском языке и при афазиях [Спивак 1980: 146], и в детской речи. Пока до конца не освоено словоизменение, ребенок исходит из грамматической роли порядка слов. Русские дети (как и американские) на некоторых этапах развития не в состоянии правильно воспринять предложения с порядком «прямое дополнение + сказуемое + подлежащее»; они воспринимаются как предложения с более обычным для такого языка со свободным порядком слов, как русский, порядком «подлежащее + сказуемое + прямое дополнение» [Лурия, Юдович 1956: 59]. Лишь после обучения дети могут ощутить неправильность фразы: *Я кушал конфетками* [Лурия, Юдович 1956: 89]. В данном случае речь шла о ребенке, уже полностью овладевшем склонением и спряжением; влияние порядка слов здесь скорее связано с недостаточным освоением нестандартных воз-

возможностей русского словопорядка. Интуитивно ребенку всё еще хочется считать, что рядом стоящие слова должны быть синтаксически связаны (положение, являющееся аксиомой для англоязычной лингвистики, что отражено в грамматике составляющих). Но *победа над страной* - семантически странное сочетание, а догадаться, что *победа* и *над* синтаксически не связаны, не так легко.

Разумеется, рассуждения ребенка, помимо недостаточного владения языком, отражают и недостаточный уровень знаний о мире. Взрослый, как бы дилетантски он ни этимологизировал, вряд ли придумает, что кто-то получил фамилию в награду за то, что хорошо стелил постель (вспоминается Хармс, часто отражавший в сочинениях представления детей). Но ребенку хочется проинтерпретировать любые примеры на основе того ограниченного запаса знаний, который он имеет.

Народные этимологии, видимо, естественны для детей в определённом возрасте, ребенку языковая рефлексия необходима для полноценного познания мира. Люди, склонные к рефлексии, могут сохранять такие склонности значительно дольше. Только нельзя это смешивать с научным анализом.

Литература

- Головастикова А.Н. К проблеме психологической адекватности моделей русского словоизменения // Тезисы рабочего совещания по морфеме (ноябрь 1980). М.: ИВРАН, 1980.
- Крушевский Н.В. Избранные работы по языкознанию. М.: Наследие, 1998.
- Лурия А.Р., Юдович Ф.Я. Речь и развитие психических процессов у ребенка. М.: Академия медицинских наук СССР, 1956.
- Мустайоки А., Протасова Е.Ю. Ослышки как повод для коммуникативных неудач // Язык как он есть. Сборник статей к 60-летию Андрея Александровича Кибрика. М.: Буки Веди, 2023.
- Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС. 2000.
- Рахилина Е.В. О концептуальном анализе в лексикографии А. Вежбицкой // Язык и когнитивная деятельность. М., 1989.

- Робинс Р.Х. Краткая история языкознания. М.; Высшая школа, 2010.
- Спивак Д.Л. Лингвистика измененных состояний сознания. Л.: Ювента, 1986.
- Шор Р.О. Язык и общество. М., 1926; изд. 3-е, М.: Эдиториал УРСС, 2009.

Н. Н. Воропаев

Институт языкознания РАН, Москва
(voropaev@vokitai.ru)

Классические сюжеты дяньгу Китая для воспитания детей

Китайский язык насыщен огромным количеством прецедентных фразеологических единиц, которые в традиционной китайской филологии относятся к сфере дяньгу (典故 diǎngù букв. классический прецедент). Дяньгу – это древние рассказы/сюжеты, упоминаемые посредством устойчивых выражений (фразеологических единиц) в разного рода текстах и известные слова или выражения из определённых источников, цитируемые в поэзии и прозе. Соответственно, в Китае выделяют два вида дяньгу: сюжетное/событийное дяньгу (事典 shìdiǎn ‘дяньгу-сюжет/событие’) – разнообразные по форме устойчивые выражения, которые в поэзии и прозе указывают на конкретную старинную историю/сюжет или событие. И цитатное/словесное дяньгу (语典 yǔdiǎn ‘дяньгу-высказывание/выражение’) – слова или выражения из конкретных источников, цитируемые в поэзии и прозе [Воропаев 2012: 40–47].

Предлагаем рассмотреть ряд сюжетных дяньгу, которые повествуют о событиях древности, связанных с воспитанием детей. Таких дяньгу достаточно много. Некоторые из этих сюжетов даже входят в самый важный текст для обучения детей в начальных школах Китая «Сань–цзы–цзин» или «Троесловие» (сост. в 13 веке). Этот текст китайские дети на протяжении веков заучивают наизусть.

Например, в самом начале этого канона упоминается мать философа Мэн-цзы (孟母), которая вошла в традицию Китая как образец мудрой матери. Она трижды переезжала с места на место, подальше от кладбища и рынка, но поближе к школе в поисках

благоприятных условий для воспитания сына. В тексте канона эти факты представлены ритмическими фразами по три иероглифа: 昔孟母, 择邻处, 子不学, 断机杼. 'В древности мать Мэн-цзы подбирала места для жительства с хорошими соседями (три раза переезжала, чтобы найти более подходящее окружение для воспитания сына), а когда узнала, что сын забросил учёбу, обрезала уже готовую ткань на своём ткацком станке, чтобы показать сыну, что нельзя прерывать учёбу'. Сейчас, например, первая часть этого пассажа 昔孟母, 择邻处 уже стала прецедентным высказыванием, и образно используется в значении «заботиться о воспитании детей» [Sanzijing 2010: 3].

Кроме того, что эти события упоминаются в «Троесловии», в китайском языке и словарях зафиксировано множество фразеологизмов-дяньгу, которые в дискурсе также постоянно актуализируют данные истории, а стандартная четырёхсложная структура некоторых из них более конкретно передаёт суть этих событий, например: 孟母三迁 'мать Мэн-цзы трижды переселяется' (подалеке от кладбища и рынка, но поближе к школе; обр. в знач.: заботиться о воспитании детей) [БКРС 1984 т. 2: 288], 孟母择邻 'мать Мэн-цзы выбирает хороших соседей' (мать Мэн-цзы три раза переезжала, чтобы найти более подходящее окружение для воспитания сына, обр. в знач.: отдавать все силы для создания благоприятных условий для воспитания детей) [Zhao 2014: 526].

Краткое содержание истории, зафиксированной в виде данных фразеологизмов таково. Отец Мэн-цзы умер, когда Мэн-цзы был маленьким. Мать Мэн-цзы осталась верной умершему мужу и больше замуж не вышла. Первое время они жили около кладбища. И Мэн-цзы вместе с соседскими детьми стал учиться подражать взрослым благоговейно преклонять колени и бить челом, рыдать, а также играть в похороны. Увидев это, мать Мэн-цзы сказала: «Это место не для моего ребёнка!» И они переехали жить ближе к рынку. Но здесь Мэн-цзы с соседскими детьми стал подражать и учиться тому, как взрослые ведут торговлю, как забивать свиней и баранов. Узнав об этом, мать Мэн-цзы снова сказала: «Это место тоже не для моего ребёнка!». Так они снова пе-

реехали. На этот раз они поселились около школы. В первый день каждого месяца разные официальные лица и чиновники приезжали в храм Конфуция, совершали церемонию и, благоговейно преклонив колени, били челом, и были друг к другу очень вежливы. Увидев это, Мэн-цзы всё это выучил и запомнил. Мать Мэн-цзы сказала: «Вот это место, где мой ребёнок может остаться!».

Когда в детстве Мэн-цзы забросил учёбу и вернулся домой раньше положенного времени, мать, работая на ткацком станке, ничего не сказав, схватила нож и разрежала незаконченный кусок ткани. Мэн-цзы испугался и спросил – зачем она это сделала? «А разве не то же самое сделал ты, забросив учёбу?» – ответила мать. И вот, благодаря этому, Мэн-цзы и получил урок, который запомнил на всю жизнь. Память об этом событии поддерживается в китайскоязычном дискурсе фразеологизмами-дяньгу 孟母断织 ‘мать Мэн-цзы обрезает ткань [с ткацкого станка]’, 孟母断机 ‘мать Мэн-цзы рвёт нити на ткацком станке (упрекая сына в плохой учёбе; обр. в знач.: хорошее воспитание; своевременно сделанный упрёк)’ [БКРС 1984 т. 2: 288], а также их вариантами 断织, 断机, 辄亲断机, 孟织 и другими [Zhao 2014: 526].

Однажды, когда Мэн-цзы был ребёнком, их сосед резал свинью. Мэн-цзы спросил мать: «Почему сосед режет свинью?». Мать ответила просто в шутку или чтобы ребёнок отстал от неё со своими вопросами: «Чтобы тебя мясом покормить». Это было просто красивое обещание (вроде современных завести собаку и т.п.). Но позже она пожалела об этом и сказала себе: «Когда я была беременна этим ребёнком, то если циновка была положена неправильно, я на неё не садилась, если мясо было нарезано неправильно, я его не ела. Я так поступала, чтобы уже в утробе его воспитывать. А сейчас, когда он только-только начинает мыслить и понимать, я его обманула. Это научит его не держать слово, и мне он доверять не будет. Поэтому она купила мяса у соседа и накормила им Мэн-цзы, чтобы показать сыну, что не обманула его. Память об этом событии в китайском языке поддерживается выражением 买肉啖子 ‘Купить мясо и накормить сына’ [Meng mu jiao zi 2023].

Три вышеупомянутых истории про мать Мэн-цзы («Мать Мэн-цзы трижды переселяется», «Порвать нити на ткацком станке» и «Купить мяса и накормить сына») с давних времён циркулируют в китайскоязычном культурном пространстве в форме древнего народного сказания 孟母教子 «Мать Мэн-цзы воспитывает сына». Мать Мэн-цзы применяла разного рода методы и меры для воспитания сына, и это оказало большое влияние на его взросление и развитие его идеологии. Благоприятная среда, созданная матерью, помогла ему очень рано начать воспитывать в себе правила приличия и нормы этикета. Он воспитал в себе истинную добропорядочность и прочный дух по преодолению трудностей и стремлению к знаниям. Всё это заложило прочную основу для его дальнейших исследований конфуцианской мысли. 11 ноября 2014 года сказание «Мать Мэн-цзы воспитывает сына» решением Государственного совета КНР было внесено в 4-й перечень нематериального культурного наследия государственного значения [Meng mu jiao zi 2023].

Мать Мэн-цзы придавала большое значение влиянию объективной среды на юного Мэн-цзы, но и каждым своим словом и делом вразумляла и воспитывала сына. Поэтому и само имя матери Мэн-цзы стало прецедентным именем китайскоязычного культурного пространства, прецедентной фразеологической единицей: 孟母 ‘мать Мэн-цзы’ (фамилия Чжан 仝. Вошла в традицию Китая как образец мудрой матери. Трижды переезжала, чтобы подобрать достойное окружение, которое могло оказать хорошее влияние на сына).

Дяньгу 岳母刺字 ‘как мать Юэ Фэя татуировала сына’ сообщает нам о другой мудрой матери Китая. Юэ Фэй 岳飞 (1103–1141 гг.) национальный герой Китая, возглавил оборону страны от вторжения чжурчжэней. «Когда он был ещё ребёнком, его семья жила чрезвычайно бедно. И хотя им приходилось туго, мать Юэ Фэя не пренебрегала воспитанием сына. Она сделала песочницу и заставляла его веткой писать на песке иероглифы. Она также отправила подростка в знаменитую школу боевых искусств в Чжоутун овладевать искусством боя. Мать хотела, чтобы Юэ Фэй был человеком, преданным своей Родине и никогда не забывал ста-

вить интересы государства на первое место» [Галенович 2012: 14].

В конце правления династии Северная Сун правительство было коррумпировано и некомпетентно. После своего возвышения царство Цзинь (династия чжурчжэней, 1115–1264 гг.) двинуло свои войска на юг и захватило столицу Бяньлян (ныне Кайфэн) и свергло императора Сун Цинь-цзуна (1100–1161) и императора Сун Хуэй-цзуна (1082–1135). Юэ Фэй отказался от уговоров различных сил и жил дома со своей матерью и женой в бедности, но с чистой совестью. Чтобы напомнить своему сыну о том, что он всегда должен быть верным государю сановником, мать Юэ Фэя однажды приказала ему установить столик для курительницы. После завершения церемонии поклонения предкам, Небу и Земле и выполнения жертвоприношений, она на его спине кистью написала четыре иероглифа 精忠报国 ‘Беззаветно и преданно служить Родине’, и вышивальной иглой наколола эти иероглифы, затем нанесла на татуировку уксусные чернила, чтобы эти слова никогда не выцвели. В это время император Гаоцзун из династии Южная Сун (1107–1187) наследовал престол и вызвал Юэ Фэя в столицу на службу. Юэ Фэй, командуя войсками, разгромил цзиньскую армию (армия государства Цзинь была многонациональной: она состояла из чжурчжэней, киданей и китайцев, а также из частей, составленных из покорённых народов) и попытался восстановить единый Китай. Неожиданно предатель Цинь Хуэй вступил с царством Цзинь в тайный сговор и, в конце концов, убил Юэ Фэя. Хотя Юэ Фэй погиб, история о том, как его мать наставляла сына служить Родине, и память о подвиге Юэ Фэя передаются в Китае из поколения в поколение.

Прецедентная фразеологическая единица 岳母刺字 ‘как мать Юэ Фэя татуировала сына’ является единицей словарей и зафиксирована в специальных сборниках, а данный сюжет присутствует в виде картины в галерее Чанлан парка Ихэюань в Пекине, которая представляет собой 728-метровый крытый переход, соединяющий важнейшие объекты парка (построена в 1750 г.). Галерея разделена на 273 секции с цветными пейзажами, изображениями батальных и жанровых сцен, многие из которых связаны с преце-

дентными ситуациями из китайской мифологии, литературы и истории. Общее количество картин составляет более 14 тыс. [Changlang 2008: 163].

Вернёмся к «Троесловию» и рассмотрим следующий пассаж: 香九齡，能溫席 ‘Сян в свои девять лет мог согреть постель’ [Sanzijing 2010: 7]. Хуан Сян 黃香 – образец сыновней почтительности, живший при династии Восточная Хань (25–220 гг.) талантливый чиновник (68–122 гг.). В свои девять лет проявлял заботу об отце, зимой каждый вечер согревая своим телом циновку, на которую тот ложился спать.

«Когда Хуан Сяну было всего девять лет, его мать покинула этот мир. Он выполнял всю работу по дому, проявляя чрезвычайное уважение и любовь к своему отцу. Летом он махал веером над постелью отца, создавая прохладу и давая отцу возможность спокойно поспать. А зимой он теплом своего тела согревал постель, в которую затем ложился его отец. О том, с каким уважением и любовью он относился к отцу, хорошо знали его соседи и односельчане. Когда ему было 12 лет, правитель той области наградил его почётным именем «Отпрыска, проявившего чрезвычайную почтительность к своим родителям». А император династии Хань по имени Хэ-ди (89 г. н.э.) также выдал ему награду. Хуан Сян уже в 9 лет понимал, что такое родственные чувства. Он должным образом проявлял почтение к отцу» [Галенович 2012: 18].

В китайском языке и словарях данная история зафиксирована в серии фразеологизмов дяньгу, например: 溫席扇枕 ‘согреть (зимой своим телом) лежанку и обмахивать веером изголовье (постели, на которой спит отец летом)’; (обр. в знач.: питать сыновнюю любовь; трепетно и почтительно заботиться о родителях), 黃香扇枕 ‘Хуан Сян обвеивает изголовье [постели, на которой спит отец]’ (обр. в знач.: питать сыновнюю любовь), 溫席 ‘в зимние холода теплом собственного тела согревать постель для родителей’ (в древности – одно из проявлений сыновней почтительности «сяо»), а также в их вариантах 扇枕, 扇席, 溫枕扇席, 溫扇 и других [Zhao 2014: 828].

В следующем пассаже речь идёт о другом ребёнке: 融四岁，能让梨。 ‘Жун в четыре года мог уступать груши’. «Кун Жун 孔融 – это потомок Кун-цзы (Конфуция) в 20-м поколении. Это был литератор, который жил во времена династии Восточная Хань. У него было семеро братьев. Когда ему было всего лишь 4 года, то он уже уразумел, что следует быть скромным и соблюдать правила приличия. Однажды их семье кто-то подарил корзину груш. Кун Жун по собственному разумению взял себе маленькую грушу, а большими грушами угостил своих старших братьев. Кто-то из взрослых спросил его, почему он так поступил. Он сказал: «Старшие братья – большие, поэтому они и должны есть крупные груши. Я – младший брат – должен есть маленькую». Вплоть до настоящего времени эту историю о том, как Кун Жун проявил скромность, люди рассказывают с неподдельным восхищением» [Галенович 2012: 19].

В языке эта история зафиксирована в виде прецедентных фразеологических единиц: 孔融让梨 ‘Кун Жун уступает груши’, 让梨 ‘уступать грушу (обр. в знач.: быть уступчивым, скромным, по притче о некоем Кун Жуне, который, будучи четырёхлетним ребёнком, всегда брал себе самую маленькую грушу, уступая братьям крупные)’, 推梨 ‘уступать (братьям) груши’ (большей величины; обр. в знач.: дружба между братьями), 让枣推梨 ‘уступать [братьям более крупные] финики и груши’ (обр. о дружбе между братьями) [Zhu 1985: 937–938]. В первой части последнего фразеологизма имеется в виду Ван Тай 王泰, живший во времена династии Лян (502–557 гг., в эпоху Южных династий). Когда ему было всего несколько лет, бабушка высыпала на стол финики и каштаны и сказала детям хватать, кто сколько сможет. Ван Тай не сдвинулся с места. На вопрос почему он не борется за финики и каштаны, он ответил, что считает за благо уступить их братьям.

Строка из «Троесловия» 如囊萤，如映雪 ‘собирать светлячков [чтобы освещать себе книгу] и [изучать книги] при свете, отражённом от снега’ сообщает нам о двух мальчиках, Чэ Ине 车胤 и Сунь Кане 孙康. Они жили во времена династии Цзинь (265–420 гг.). Чэ Инь родился в бедной семье. «У них не было денег даже

на то, чтобы купить масло и зажечь фитиль. Поэтому когда темнело, читать становилось невозможно. Однажды Чэ Инь заметил, что во дворе множество светлячков. И тут ему пришла мысль: а что если собрать их вместе, разве из этого не получится светильник? И тогда он поймал множество светлячков, поместил их в мешочек из кисеи, повесил его над столом и стал читать книги при этом свете. Впоследствии он стал важным чиновником в Министерстве личного состава и аттестаций» [Галенович 2012: 122]. В те же времена Сунь Кан учился при отсвете белого снега. Хотя они были бедны, но никогда не прекращали учиться.

Эти две истории про Чэ Иня и Сунь Кана навечно зафиксировались в китайском языке во множестве прецедентных фразеологических единиц дьянгу, например: 囊萤 ‘собирать в мешочек светлячков’ [чтобы освещать себе книгу] (обр. в знач.: использовать все возможности для учёбы) [БКРС 1984 т.3: 891], 囊萤照读 ‘посадить светлячков в мешочек и читать при их свете книгу’, 案头萤 ‘настольные светлячки’, 案头萤火 ‘настольный свет, излучаемый светлячком’, 车囊 ‘мешочек Чэ’, 车胤聚萤 ‘Чэ Инь собирает светлячков’ [чтобы освещать себе книгу] (обр. в знач.: использовать все возможности для учёбы), 萤窗雪案 ‘светлячок – окно, снег – стол’, 聚萤 ‘собирать светлячков’, 映雪 ‘[изучать книги] при свете, отражённом от снега’ (обр. о неудержимом стремлении бедняка к учёбе даже во время, когда не на что купить свечу), 孙康映雪 ‘Сунь Кан [читает] при свете, отражённом от снега’, 雪照 ‘снегом освещать’, 照雪 ‘освещать снегом’ и другие более 65 вариантов [Zhao 2014: 558–559].

Можно сделать вывод, что данные сюжеты как поведенческие установки для китайских родителей и детей циркулируют и поддерживаются в китайскоязычном культурном пространстве двумя важными средствами – каноническими текстами и стабильными языковыми единицами в виде фразеологизмов, посредством которых на протяжении веков в поэзии и прозе, а в современном мире и в устной речи на телевидении, радио, интернете, к ним постоянно обращаются носители китайского языка и культуры.

Полагаем, что наличие в китайском языке и культуре такого большого количества подобных прецедентных фразеологических

единиц и постоянное обращение к этим сюжетам говорит о неординарном подходе китайцев к воспитанию подрастающего поколения и требует более тщательного исследования и, возможно, некоторого заимствования в плане формирования соответствующих прецедентных фразеологических единиц в русском языке, например: ‘Михайло Ломоносов пошёл в Москву’, ‘Потешный Петров полк’ или ‘Потешные полки Петра Великого’, которые бы постепенно становились устойчивыми единицами языковых словарей, и обращение к ним в памяти и языке было бы простым и быстрым. Здесь требуется тесное взаимодействие историков и филологов.

Литература

- БКРС 1984 Большой китайско-русский словарь : в 4 т. / под ред. И.М. Ошанина. М. «Наука», 1984.
- Воропаев Н.Н. Прецедентные имена в китайскоязычном дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. М, 2012.
- Троесловие (САНЬ–ЦЗЫ–ЦЗИН) / Пер. с кит., предисловие и комментарии Ю.М. Галеновича. – М.: «СПСЛ», «Русская панорама», 2012. – на рус. и кит. яз. – 296 с. – (ANTIQUA: литературные памятники и источники).
- Changlang 2008 颐和园长廊彩画故事: 汉英对照/精典博雅编. – 北京: 五洲传播出版社, 2008 (Рассказы в цветных картинах Галереи Чанлан парка Ихэюань: параллельные тексты на китайском и английском языках/серия Эрудит. Пекин: Издательство Учжоу Чуаньбо, 2008, 208 с.).
- Meng mu jiao zi Мать Мэн-цзы воспитывает сына. Статья о сказании в электронной энциклопедии Китая. URL: <https://baike.baidu.com/item/孟母教子/6086324?fr=geala> (дата обращения: 26.08.2023).
- Sanzijing 2010 三字经/谢雨庭编. – 南昌: 二十一世纪出版社, 2010 (快乐小学堂) (Троесловие, сост. Се Юйтин. – Нанчан: Издательство Двадцать первый век, 2010, 96 с.) (Счастливая начальная школа).

- Zhao 2014 中国典故大辞典 / 赵应铎. – 上海: 上海辞书出版社, 2014. (Большой словарь дянью Китая / Чжао Индо. – Шанхай: Шанхайское лексикографическое издательство, 2014, 1359 с.).
- Zhu 1985 汉语成语大词典 // 朱祖延主编. – 郑州: 河南人民出版社, 1985年 (Большой словарь фразеологизмов чэньюй // Под ред. Чжу Цзуяня. – Чжэнчжоу: Народное издательство провинции Хэнань, 1985, 1774 с.).

Горячева М.А.
Институт языкознания РАН, Москва
(masha22275@list.ru)

**Современные тенденции заимствования
англоязычной лексики
на примере функционирования в российском интернет-
пространстве слов «сиблинг» и «тоддлер»**

В нашем небольшом исследовании мы постарались совместить лексикологический и социолингвистический подходы к материалу. Не претендуя на полноту, дадим краткую характеристику значения и этимологии рассматриваемых слов. Основное же внимание будет посвящено обзору их употребления на основе ряда источников и динамике частотности обращений к ним в поисковых системах.

Сиблинг

Википедия, к которой обычно обращаются пользователи интернета в поисках значения слова, объясняет его как «дети одних родителей» и отмечает, что термин используется в этнологии, социальной антропологии и других науках и употребляется в том числе и для того, «чтобы избежать необходимости уточнять пол братьев и сестер индивида» [Википедия: сиблинги]. Однако следует отметить, что, поскольку термин пришел из генетики (англ. *siblings, sibs* – брат или сестра), то оказалась не отмеченной одна составляющая его значения: братья и сестры должны быть родные, но не близнецы. В русскоязычном интернет-пространстве такое уточнение встречается редко (например, в посвященной сиблингам статье Яны Перепечиной на сайте «Материнство») и чаще всего во внимание не принимается. Так, в сообщении Центра репродукции говорится: «Если в роду у женщины были разнояйцевые близнецы, то вероятность, что одновременно будут зачаты два сиблинга для нее тоже выше» [Центр репродукции... 30 августа 2023]. Также не отмечено это ни в Англо-русском тол-

ковом словаре генетических терминов в статье «Сибс» [Арефьев, Лисовенко 1995], ни в «Большом медицинском словаре» на Академике, где слово определяется как «один из детей, родившихся у одних и тех же родителей, по отношению к другим детям (например, брат или сестра)» [Большой медицинский словарь. Академик]. Орфографический академический ресурс «АКАДЕМОС слово *сиблинг* не содержит, Ресурс «Толковый словарь иностранных слов», составленный на материале интернета, выявил двадцать три случая свободного или связанного употребления слова *сиблинг* в разных энциклопедических и справочных изданиях, в основном по психологии. Связанные словоупотребления следующие: *сиблингконфликт*, *сиблингов подсистема*, *сиблингов соперничество*, *сиблинговая группа*, *сиблинговая любовь*, *сиблинговая позиция*. В их определениях полнота значения не наблюдается, например, в издании «Критический словарь психоанализа» слова *сибсы*, *сиблинг* трактуется как «старые английские слова, обозначающие родственников или родню. Возрождены психологами и социологами, чтобы избежать необходимости уточнения пола» [Райкрофт 1995]. В «Словаре синонимов» В.Н. Тришина. 2013» слово приводится как синоним слова *сибс* и толкуется как «брат, сестра, потомок» [Словарь синонимов ASIS 2013]. Последнее толкование вовлекает не только горизонтальные, но и вертикальные связи, но поскольку в русском языке есть слово *дети*, то подобный оттенок значения встретился нам лишь один раз, в уже упоминаемой статье: «И тогда однажды вы сможете с умилением наблюдать, как ваши любимые сиблинги дружно в четыре руки пеленают собаку или все вместе перегораживают коридор верёвками <...> Это ли не родительское счастье?» [Перепечина 2016]. Что касается обязательного в медицинском употреблении признака родственности по крови, то у нас сложилось представление, что он в популярной психологической литературе и в подобных обсуждениях на интернет-площадках в расчет обычно не принимается. Случаи, где это учитывалось, касались обсуждения генетики, например, частотности рождения в семье с аутистом еще одного ребенка с подобными проблемами.

Наше небольшое исследование проведено с привлечением материалов Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru). В Национальном корпусе русского языка [НКРЯ] слово *сиблинг* встречается восемь раз в пяти примерах. Рассмотрим их подробнее. Поэт и литературный критик Л.В. Оборин (1987 года рождения, известен своими либеральными политическими убеждениями) писал: «классическая для индийской культуры история любви и соперничества сиблингов» [Оборин 2017 Пригов как Данте, цит. по: НКРЯ: Сиблинг]. Имеется несколько примеров из психологической литературы, как популярной (один пример из статьи в журнале «Психология на каждый день»), так и научной психологии (5 примеров из статей в журнале «Вопросы психологии»), а также пример из медицинской статьи. Во всех этих примерах слово используется как замена оборота «братья и сестры»: сиблинги конфликтуют, привязаны друг к другу, совместимы по биоматериалу и т. п.

Итак, в интернет-пространстве слово *сиблинг* употребляется или в научных медицинских статьях, и тогда оно обычно (но не обязательно) содержит всю полноту своего смысла, или же используется многочисленными психологами-популяризаторами. Слово часто становится полным синонимом оборота «братья и сестры», а факторы кровности родства и отсутствия близнецовости обычно не принимаются в расчет.

На этом сайте нет поиска внутри форума, но мы воспользовались таким инструментом, как поисковые возможности Google. В целом, на всем огромном форуме выявлены, помимо уже указанных примеров, всего пять случаев употребления в сообщениях данного слова: два как часть названия линейки детских колясок, одно в кавычках и только два собственно как естественная замена обороту «братья и сестры». Запрос же по сочетанию *братья и сестры* показал на том же форуме более тысячи результатов. Это является наглядным свидетельством того, что даже наиболее активное на материнском форуме поколение «миллениалов» и «хипстеров», несмотря на его славу «англофильского», не торопится упрощать себе языковую жизнь и занимать отсутствующую в русском языке нишу краткого внегендерного обозначения смысла «братья и сестры». Мы также воспользовались поисковой

системой «Крибрум. Публичный поиск», предназначенная для поиска информации внутри текстов семи социальных медиа [Крибрум]. На 30 августа 2023 года выявлено 98 случаев употребления слова *сиблинг* и, как выяснилось, большая их часть связана с такими темами, как психология и аниме. Теперь обратимся непосредственно к показателям частотности слова сиблинг на основе инструмента Яндекса Вордстат («wordstat») [Яндекс Вордстат]. Статистика доступна за последние два года, и в среднем по этому слову было 10 832 запросов в месяц. Интересно, что в мае запросов больше, вероятно, с активизацией деятельности студентов, которые читают во время подготовки курсовых и дипломных работ научные статьи и ищут значение этого слова в поисковике. В целом график показывает рост обращений: с 8 тысяч в 2021 году до 13 тыс. в 2023 году.

Попадались и случаи использования этого слова в сообщениях пользователей интернета, не связанных с детской психологической, генетической, или же аниме тематикой. Например, дизайнер и автор канала на Дзене про историю моды Ольга Таволга анализирует «диалог сиблингов-подростков из неплохого детектива "Залив"» [О чём нам говорит протестный стиль десятых, 12 августа 2023].

Слово воспринимается современными россиянами двояко. С одной стороны, оно оценивается как «красивое», «новое», «модное», «нейтральное», «не привязанное к полу», «научное» (определения из огромного множества похожих друг на друга и зачастую пустых и безграмотных статей по популярной психологии с названиями наподобие «Вкусная психология», авторы которых стремились привлечь внимание к своему тексту этим словом, попутно объясняя читателям его значение). Отметим, что приблизительно девять десятых обнаруженных словоупотреблений составили именно такие статьи, большинство из которых написаны в 2010-годах, чаще их второй половине. С другой стороны, обычные пользователи интернета не спешат «украшать» свои комментарии и высказывания этим словом. Даже на сайте «Материнство» участники ветки обсуждения статьи про сиблингов ни разу его не употребили безоценочно, а оценки были в основном отрицательные: «Все нравится кроме слова "сиблинги". Для моего уха

звучит как "родитель № 1 и родитель № 2" вместо мать и отец. Писали бы "братья и сестры"; «В русском языке слова закончились?»; «Но слово это не нравится, чужеродное какое-то». Смущают людей и ассоциации с генетикой: «Тоже не нравится применение слова "сиблинги" безотносительно генетики. Сколько у вас сиблингов в семье? Два сиблинга и два степ-сиблинга. Звучит, словно речь идет о домашних питомцах».

Были и осторожно положительные отзывы: «К сожалению, в русском языке такого слова нет... А в немецком есть прекрасное слово "гешвистер", мы так в детстве говорили, когда я начала немецкий изучать: "Эй вы, гешвистеры, пошли гулять", потому что "брат и сестра" длиннее»). Последний комментатор указал на важный аспект жизни слова в русском языке. С одной стороны, в русской системе терминов родства мало гендерно нейтральных слов с подобным значением: мы говорим «братья и сестры», «дяди и тети», «бабушки и дедушки» и т. п. (исключений немного и они в основном в вертикальной плоскости, например, «родители», «дети», «предки» и «потомки»), что может помешать прижиться «сиблингу». С другой стороны, русскоязычные при сравнении русского языка с рядом других языков могут ощущать эту невозможность как некую нехватку, которую было бы неплохо заполнить «модным» англоязычным словом.

Также следует учитывать фактор употребления слова в юмористической функции: «А мне нравится словечко! Употребляю его в юмористическом ключе – "Оля, иди с сиблингами поиграй, дай маме с папой чаю спокойно попить!"» (комментарий от 2016 года). Также участники обсуждения иронично вставляли это слово в стихи, например, вместо строчки песни «Нам с сестренкой каюк, наша мама на юг...» предлагалось «Нам, сиблингам, каюк», и т. п. Встречались и другие случаи использования слова для выражения людической функции языка. На том же форуме Материнство» в обсуждении проблемы феминитивов шутливо предлагалось говорить "вместо медсестры и медбрата – медсиблинг", а вместо "сестра-хозяйка – сиблинг-управляйло" [Материнство. Феминитивы].

Итак, наиболее часто встречаемой оценочной реакцией на слово является возмущение. Так, под статьей на Дзене «Такие

разные сиблинги» пользователь в 2021 году восклицает: «Что за "сиблинги"?! В русском языке что, нет нормальных слов? Зачем эти безликие англицизмы?» Ему вторит комментатор от августа 2023 года: «Слово-то какое мерзкое –"сиблинги"! Гадость... У меня и моих детей есть братья и сёстры, а своих "сиблингов" засуньте куда-нибудь, чтобы дети не слышали и плохому не учились» [Такие разные сиблинги 2021].

Тоддлер

Тоддлер – англоязычное обозначение детей, которые только начинают ходить, и примерно до трехлетнего возраста. Это еще одно слово, не имеющего точного аналога в русском языке. Официально данный возраст называется «ясельный» или «преддошкольный», а также «период раннего детства». В советское время активно использовалось разговорное слово «ясельник», то есть ребенок ясельной группы детского дошкольного учреждения или ясельного возраста, но оно, во-первых, не имеет точного возрастного соответствия рассматриваемому слову, во-вторых, обозначает ребенка прежде всего с точки зрения принадлежности к государственным и т. п. институтам вне семьи и, в-третьих, для многих современных родителей несет налет советского прошлого, когда большинство детей водили в ясли. Узкое распространение имеет и старое слово «ходунок», которая указывает на начало овладения ребенком способностью ходить, как этап его развития, то есть не охватывает весь период 1–3 лет. Отметим, что возрастная рубрикация ряда посвященных детям сайтов выделяет период 1–3 года отдельно.

В Орфографическом академическом ресурсе «АКАДЕМОС» данного слова нет, в Толковом словаре иностранных слов также.

В НКРЯ по запросу на это слово ничего не найдено. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений также не содержит этого слова [Словарь синонимов]. На форуме «Материнство» слово *тоддлер* встречается всего трижды, и во всех случаях в названиях: британской методики Тоддлер Сенс для малышей, детского рюкзака коалабэби тоддлер и американского реалити-шоу «Toddlers & Tiaras».

Инструмент Яндекс Вордстат показал следующие результаты. Слово *тоддлер* показывает значительно меньше запросов, чем *сиблинг*: 3 947 в месяц. Скачков графика в мае не обнаруживается. В целом показатель упал с 5 500 в 2021 году до 4 000 в 2023 году. Крибрум выявил 30 августа 2023 года 33 случая употребления в семи соцсетях слова *тоддлер*.

В статье на ресурсе «Мел» пишут: «Разберёмся, что за странные существа «тоддлеры», заполонившие соцсети и родительские форумы (нет, это не ругательство)» и призывают писать это слово правильно, то есть с двумя буквами «д». [Шесть иностранных слов...]. Участники дискуссии в комментариях приводили аналогии с судьбой слов «блогер» и «фитнес», которые в процессе освоения их русским языком утратили вторую парную букву. Это является косвенным свидетельством восприятия слова как чужеродного, еще не «обкатанного» в языке. Ощущение слова как обозначающего что-то нехорошее отражено не только в комментариях пользователей интернета, но даже, как видно из приведенной выше цитаты, обыгрывается в статьях про это слово. Приведем еще один характерный пример, также из популяризаторской статьи на сайте Plum.ru: «Мамы пишут, что водят детей в «тоддлер-группу», что их малыш «стал тоддлером» и т. д. И нет, они не ругаются и не ставят ребёнку какой-то диагноз».

В заключение хотелось бы привести некоторые соображения о вероятности официального вхождения данных слов в русский язык. Безусловно, язык не стоит на месте, и в него постоянно входят новые слова. Так, в 2022 года Орфографический словарь Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН [АКАДЕМОС] дополнили такими новыми словами иностранного происхождения, как «абьюз», «джетлаг», «коптер», «стендапер» и другие. Не исключено, что рассматриваемые нами слова также могут в него войти. Оценить точную вероятность этого не представляется возможным; мы думаем, что она не очень велика, причем не исключено, что у слова *сиблинг* она незначительно выше. Одним из значимых лингвистических факторов, препятствующих распространению слова *тоддлер*, как нам представляется, является восприятие его как неблагозвучного, грубого, неуместного при наименовании детей младшего возраста. Следует

отметить попутно, что в русской традиции концепт «дети» отмечен скорее ласковым отношением, что проявляется, в частности, в обилии диминутивов. На это указывают ряд исследователей (в частности, подробная статья «Ребенок как объект ласкового отношения в русской языковой картине мира [Алфалки 2021]).

Также имеется ряд экстралингвистических факторов, осложняющих этот процесс. Формат публикации не позволяет коснуться их всех, поэтому остановимся на главном – это серьезные изменения внешнеполитической обстановки после 24 февраля 2022 года и, как следствие, начало важных процессов в обществе и государстве, направленных на усиление патриотизма. На законодательном уровне это, прежде всего, изменения в Законе о государственном языке, когда часть 6 Ст. 1 теперь изложена в редакции «При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается употребление слов и выражений, не соответствующих нормам русского языка <...> за исключением иностранных слов, которые не имеют общепотребительных аналогов в русском языке и перечень которых содержится в нормативных словарях, предусмотренных частью 3 настоящей статьи» [Федеральный закон от 28.02.2023 № 52-ФЗ]. Также, например, обсуждаются ограничения, связанные с латиницей на вывесках и т. п. На уровне общественном наблюдаются процессы, аналогичные тем, что шли в русском высшем обществе во время нашествия Наполеона. Эта отдельная огромная тема, поэтому приведу лишь один маленький, но показательный пример. Как отметила блогер и политический обозреватель Наталья Ефимова, она и многие ее знакомые сознательно отказались при общении в телеграме и прочих каналах от употребления выражения «ок» и пишут вместо него русское «хорошо», несмотря на его громоздкость.

Как видим, заниматься прогнозированием в данный момент было бы слишком самонадеянным занятием, мы лишь отметили некоторые моменты и, возможно, начало новых тенденций или хотя бы замедление существующих, о которых писали огромное число исследователей (см, например, выводы к посвященной слову *бренд* статье 2019 года [Нейман, Дальке 2019: 70]).

Итак, мы надеемся, что наше небольшое исследование может внести вклад в изучение как заимствований в лексико-семантическом поле «дети», так и основных тенденций в процессе освоения русским языком англоязычных слов в целом, что находится в русле широкой проблематики «язык и общество».

Литература

АКАДЕМОС. Орфографический академический ресурс. (дата обращения: 30.08.2023) URL: <https://orfo.ruslang.ru/search/word> (дата обращения: 30.08.2023).

Алфалки С.К. Ребенок как объект ласкового отношения в русской языковой картине мира // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 1. С. 116–121. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rebenok-kak-obekt-laskovogo-otnosheniya-v-russkoy-yazykovoy-kartine-mira/viewer> (дата обращения: 30.08.2023).

Арефьев В.А., Лисовенко Л.А. Англо-русский толковый словарь генетических терминов. М.: Изд-во ВНИРО, 1995. 407 с.

Большой медицинский словарь. Академик. Сибсы. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/medic2/42735> (дата обращения: 30.08.2023).

Википедия: сиблинги. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>

Крибрум. Публичный поиск. URL: <https://kribrum.ru/pubsearch/> (дата обращения: 30.08.2023).

Кто таки тоддлеры. URL: <https://tlum.ru/news/kto-takie-toddlery/> (дата обращения: 30.08.2023).

Материнство. Феминитивы. URL: <https://forum.materinstvo.ru/index.php?showtopic=2308609&st=350> (дата обращения: 30.08.2023).

Национальный корпус русского языка. 2003–2023. Сиблинг. URL: <https://ruscorpora.ru/results?search> (дата обращения: 30.08.2023).

Нейман С.Ю., Дальке С.Г. Современные тенденции в процессе заимствования и унификации англоязычных слов в новых глобальных коммуникативных условиях // Гуманитарные

- исследования, 2019, № 2, 67–70. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-v-protseesse-zaimstvovaniya-i-unifikatsii-angloyazychnyh-slov-v-novyh-globalnyh-kommunikativnyh-usloviyah/viewer> (дата обращения: 30.08.2023).
- Орфографический академический ресурс «АКАДЕМОС». URL: <https://orfo.ruslang.ru/search/word> (дата обращения: 30.08.2023).
- О чём нам говорит протестный стиль десятих, 12 августа 2023. URL: <https://ta-volga.livejournal.com/10700150.html> (дата обращения: 30.08.2023).
- Райкрофт Ч. Критический словарь психоанализа. СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 1995. 288 с. Сибсы, сиблинг. URL: <https://995.slovaronline.com/379-%D1%81%D0%B8%D0%B1%D1%81%D1%8B,%D1%81%D0%B8%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B3> (дата обращения: 30.08.2023).
- Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений /Под ред. Н. Абрамова. М.: Русские словари, 1999. URL: <https://rus-synonim-dict.slovaronline.com/>
- Словарь синонимов ASIS. /под ред. В.Н. Тришина. 2013. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/fc/slovar-209-51.htm#zag-283461> (дата обращения: 30.08.2023).
- Такие разные сиблинги. Канал «Мама, не ори!» на Дзене, 17 апреля 2021. URL: <https://dzen.ru/a/YHIQ4jSDVmbWmlOe> (дата обращения: 30.08.2023).
- Толковый словарь иностранных слов. URL: <https://foreign.slovaronline.com/> (дата обращения: 30.08.2023).
- Федеральный закон от 28.02.2023 № 52-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О государственном языке Российской Федерации". URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302280028?index=3> (дата обращения: 30.08.2023).
- Шесть иностранных слов, которые захватили русский язык и заставляют нас ошибаться // Ресурс Мел URL:

https://mel.fm/gramotnost/kak-pisat/8472165-foreign_words
(дата обращения: 30.08.2023).

Центр репродукции «Линии жизни». Телеграм-канал. 30.08.2023.
URL: <https://t.me/lifelinemedcenter/594> (дата обращения:
30.08.2023).

Яндекс. Вордстат. Подбор слов. URL: <https://wordstat.yandex.ru/>
(дата обращения: 30.08.2023).

Л.Р. Додыхудоева
Институт языкознания РАН, Москва
(leiladod@yahoo.com)

**К обозначению возрастных групп
и семантическому наполнению поля *ребенок*
в иранских языках Таджикистана**

В современном обществе мир детства и сам ребенок считаются важными социокультурными феноменами, которые находят отражение в каждой конкретной лингвокультуре. При этом феномен детства еще требует изучения связанного с ним пласта лексики. Это особенно касается иранских языков и лексико-семантического поля *ребенок, дети* являющегося многокомпонентной сложной микросистемой. Целью настоящего исследования является описание особенностей структурирования данного лексико-семантического поля, – в частности описания младших возрастных групп, – в иранских языках и диалектах Таджикистана (памирские, таджикский языки), выявление лексического наполнения отдельных микрополей и анализ отношений, в которые вступают его составляющие в лингвокультурологическом аспекте. Лексико-семантическое поле *ребенок, дети* – открытое лексическое объединение, единицы которого обладают широким семантическим потенциалом.

Мы руководствуемся подходом в котором подчеркивается, что семантическое поле есть относительно компактный отрезок словаря, элементы которого покрывают заданную понятийную сферу. Наряду с этим в семантическом поле реализуется «картина мира» и «иерархия ценностей», специфическая для разных языков или одного языка в разные периоды его развития [Ахманова 1957; 1966: 334]. В задачу же исследователя входит определение специфических для конкретного языка распределения, связей и взаимообусловленности значений.

Выделение микрополей ориентировано на дефиницию *ребенок, дети* в современном таджикском толковом словаре [ФТЗТ]. Каждое микрополе содержит несколько лексических блоков, различных по объему и лексико-семантической структуре. Входящие в микрополе *ребенок* лексико-семантические группы представляют детей как социальную группу, члены которой связаны отношениями по возрасту. Источником материалов стали словари, фразы и тексты, публицистические контексты (электронные публикации таджикских интернет-изданий), а также наши полевые материалы и опросы.

Семантическое поле *ребенок* в языках региона – многочленная организованная структура, состоящая из нескольких, входящих в ядро, микрополей. Опираясь на традиционно принятые в социуме возрастные градации мы выделили микрополя: *ново-рожденный, младенец – ребенок младшего возраста (до 5 лет) – ребенок (мальчик, сын / девочка, дочь)*, к ним примыкает также микрополе *отпрыск, потомок, потомство*. Доминантой данного поля являются – лексемы *младенец – ребенок – мальчик – девочка*. Периферию составляют метафорические обозначения детей по возрастным группам и обобщенное обозначение детей как следующего поколения, *потомков*, продолжателей рода.

В таджикском обществе при семьях со значительным количеством детей к детям всегда относились с любовью и вниманием. Мягкое отношение к детям отмечают знатоки местной жизни Туркестана XIX– начала XX вв. [Семенов 1899; Андреев 1949; 1953; 1958]. Жизнь в патриархальном обществе накладывала отпечаток на особенности традиционного жизненного цикла и на терминологию, связанную с обозначением места каждого в обществе, с возрастной и/или гендерной принадлежностью индивида. В соответствии с возрастными градациями представитель каждой группы получал обозначение, соответствующее его биологическому возрасту, где основными периодами являются: детство, юность, зрелость и старость, (см. подробнее [Додыхудоева 2014]). Отдельные отрезки жизни выделялись на основе поворотных моментов жизненного цикла, хотя границы детства были относительно подвижны и маркером его окончания служил период овладения орудиями труда в первом десятилетии жизни ребенка.

Причем в раннем детстве дети обоих полов постоянно находились при матери, что определяло их статус ребенка.

Высокий социальный ранг мальчика проявлялся в традиционной культуре, в особенностях воспитания, обучения, социализации, распределения недвижимого имущества и др. Рождение ребенка мужского пола, первенца, широко и торжественно отмечалось. Появление ребенка на свет всегда ожидалось с радостью, но в то же время и с тревогой за жизнь матери и ребенка. В такие моменты предпринимались особые охраняющие меры и ряд апотропаических мер обережения матери и ребенка.

Для патриархального общества были характерны возрастные обычаи социализации, предписанные традицией представителям разных возрастных и/или гендерных групп. Так в начале жизни отмечались вынос на свежий воздух, надевание первой рубашки, головного убора, стрижка ногтей и стрижка волос, положение колыбель и др. См., например, [Назарова 2007].

Языковые материалы, связанные с миром детства

С учетом ряда традиционных для таджикского общества представлений при рассмотрении лексико-семантического поля *ребенок* нами выделены детские возрастные группы: младенчество (новорожденный, младенец без различения пола) – раннее детство (ребенок грудного возраста без различения пола, 1-3 года) – детство (ребенок до 5-6 лет) – дети младшего школьного возраста (мальчик/девочка). Несколько на периферии находится группа лексем, обозначающих более абстрактное понятие *отпрыск, потомок* и *потомство*. В настоящей работе рассматриваются первые две группы раннего детства.

При обозначении роли индивида в социуме в иранских языках Таджикистана основной удельный вес принадлежит исконной терминологии, однако высок и процент арабских заимствований. В таджикском языке термины для обозначения основных возрастных категорий имеют иранское происхождение (младенец, ребенок, мальчик, девочка), а более абстрактные понятия выражаются заимствованными или описательными терминами, во-

шедшими в язык позднее (отпрыск, потомок, потомство; домо-чадцы). Как отмечает Д. И. Эдельман, в иранских языках «не реконструируется единый термин для обозначения детей в целом, потомства. Обозначения этого понятия терминологизованы позднее, из разных основ и форм, главным образом, из образований от корня **žan-* ‘рождать’» [2012: 256].

То же характерно и для памирских языков, где базовые термины, обозначающие основные возрастные категории социума, исконные или усвоены на ранних этапах развития языков из таджикского языка, а более детализированные или абстрактные термины – вошли через таджикский, имеют переносное значение или передаются на основе описательных оборотов.

Изменение традиционного патриархального общества в процессе глобализации способствует пересмотру представлений общества, реструктуризации возрастных групп, размыванию их границ и сближению с социовозрастными канонами, известными повсеместно.

В патриархальном обществе существовала установка на вступление в брак, который не мыслился без потомства. Особенно приветствовалось появление сына, наследника по мужской линии. Знаковой маркировкой служили даже формулы поздравления отца, который обычно не присутствовал при рождении ребенка. Такая поздравительная формула содержала гендерные обозначения: для мальчика – «Поздравляю со стрелком (или охотником)» (тадж.бад. *muboraki tirandoz* (*tir* ‘стрела’ + *andoz, andoxtan* ‘стрелять’), ш. *muborak-i tīrandoz (tu-rd)* ‘поздравляю (тебя) со стрелком’, тадж.дарв. *muboraki-i šikorčī, naxčirkuš*) (*šikorčī* ‘охотник’, *naxčir* ‘горный козел’ + *kuš, kušidan* ‘убивать’). При рождении девочки отца приветствовали фразой «Поздравляю с мастерицей сладких блюд» (тадж.бад. *muboraki alwopaz* (*alwo* ‘халва’ + *paz, puxtan* ‘печь, готовить’). В одном из изолированных диалектов горного Таджикистана в поздравительной формуле сохранилось и другое обозначение детей по гендерному признаку: для девочки – тадж. Вахиё *duyí* ‘девочка’ от широко распространенного в пищевом потреблении кисломолочного напитка *duy*, а для мальчика – *uyúy*, от ярма (*uyú*), которое надевают на быка при запашке’.

Более современным обозначением новорожденного в поздравительной формуле в таджикском языке является переносное: *mehmon-i nav tuborak bošad* ‘поздравляю с новым гостем’, где пол ребенка не обозначается; или обобщенное *šodī tuborak* ‘поздравляю с радостью’.

1) *Младенчество – новорожденный, младенец, ребенок грудного возраста (без различия пола)*

Для данной лексико-семантической группы характерны лексемы в основном описательного порядка, метафорические обозначения:

т., дари, т.бад., т.гор. *uštuk* ‘ребенок, дитя’, т.дарв. *māštak*, ш. (w)ixtak, (w)uštuk, ишк. *uštuk*, вах. *wāštak* ‘новорожденный (ребенок), младенец’, букв. ‘запеленутый (ребенок)’; *¹darz-: dǫz- ‘закреплять, привязывать, завертывать’ [ЭСВЯ: 400; ЭСИЯ 2003: 365]. Данное обозначение связано с тем, что ребенок постоянно находился в люльке, где был крепко завернут в пеленки и перевязан, ср. перс. *gondāq(i)* ‘грудной, завернутый в пеленки (ребенок)’.

Ряд обозначений малыша дается описательными оборотами разного происхождения: т. *navzod/y* ‘новорожденный (ребенок)’, букв. ‘недавно рожденный’, возм. калька с русского; т. *širxū/or* ‘сосущий (грудное) молоко (ребенок)’, ш. *šīrxor* ‘грудной, питающийся молоком’ (т. *šīr* ‘молоко’, *xūr*, *xūrdan* ‘есть’); т. (ар.) *mavlud* ‘новорожденный (ребенок); день рождения’, перс. *mowlud* то же; т. разг., диал. *čaqaloq* ‘новорожденный, младенец’, перс. *jayla* ‘безбородый юноша’, гил. *jāqālæ* ‘дитя, ребенок’ [Hasandoust 2011: 497], ср. перс. *paзг. jāmqul* ‘внебрачный ребёнок’; т. *tifli noshusta* ‘новорожденный ребенок’, букв. ‘немытый ребенок’, т. *tifli raze* ‘грудной ребенок’, перс. *razi* ‘id.

В шугнанском языке весьма широко употребляются окказионализмы, например, ш. *bīnzak* ж. ‘огарок (лучины, свечи); перен. малютка, коротышка; женщина (девушка, девочка)’, ср. также т. юж. диал. (*gudaki*) *čənəkak* ‘малюсенький (ребенок)’.

2) Раннее детство – ребенок младшего возраста (до 3 лет без различения пола)

В данное микрополе входят лексемы, несущие значения, связанные с маленькими детьми, без различения пола:

т., т.бад. *k/gūdak*, т. юж. диал. *gud/lak*, ягн. *gudak*, ш. *k/gūdak* ‘ребенок, дитя; младенец, малыш; прил. маленький; в младенческом возрасте’, язг. *kudak* ‘ребенок, дитя’. Термин связывается с др.-ир. *k(a)uta- ‘маленький’, др.-инд. *kumara-* ‘мальчик, дитя, сын’ [ЭСИЯ 2011: 382].

т. *bača* ‘дитя; ребёнок, сын, мальчик; парень, детёныш (животного)’, *pisarbača* ‘мальчик, парень’, т. диал. *bača(yak)* ‘мальчик’, ср.-перс. *waččag* ‘дитя; ребёнок, детёныш (животного)’ (MacKenzie CPD 85), др.-перс. *vat-ča-ka-, *vata- ‘маленький’ (Hübschmann PSt. 26) [Hasandoust 2011 1: 411], т. юж. диал. *bačavu kača* ‘дети, семья’, ш. (из т.) *bačā* ‘дитя, ребенок; дети, ребята; мальчик; сын’, *maktab-bačā* ‘школьник, школьники’, *bāč-kāč* ‘дети, семья, домочадцы’, ишк. *baček* ‘ребенок’, вах. *bača*, язг. *bača*, *bəcək* ‘ребенок, мальчик’, язг. фольк. *počobača* ‘сын шаха’.

т., ш., ишк. *farzand* ‘ребенок, дитя; потомок’, ср. вторичное «табуистическое образование» – обозначение дочери в шугнано-рушанской группе языков: ш. *rizīn* от *fra-žanya- ‘(у)рожденная’, ср. корень *žan- ‘рождать’ [ЭСВЯ; ЭСИЯ 2003: 478].

В эту группу входят и два таджикско-арабских термина, также получивших широкое хождение в памирских языках:

т. (ар.) *tifl* ‘дитя, ребенок’, который бы принят в ряд памирских языков: ш. *tilf* (старое заимствование с метатезой) ‘дитя, ребенок, младенец ребенок; маленький’, ишк. *tifl* ‘ребенок’. Вторичное образование: т. *tifli*, ш. *tilfi* ‘детство, младенчество’.

т. (ар.) *valad*, мн. *avlod* ‘отпрыск, потомок, потомство; род; поколение’, ш. *walad* ‘дитя, ребенок, сын’, *awlod* ‘потомок; потомство; род; поколение; близкие, родня’, *awlodā* ‘потомки, потомство’, ишк. *awlod* ‘род; поколение; потомок; потомство’.

Ряд обозначений маленького ребенка или группы малышей дается на основе описательных оборотов: ш. *xīč* ‘мелочь; крошки;

щепки; перен. малыш, младенец, дитя’, бдж. *xīč-(at) xarič* ‘мальчишки; ребятишки, детвора’ [ШРС], бдж. *xarič* ‘дитя, ребенок; мальчуган’ [ШРС], барт. *xawrič* ‘ребенок; собир. детвора’, ср. перс. *xarče pazg.* ‘молокосос; неопытный’.

К описательным, метафорическим относятся также обозначения (иногда с добавлением термина ребенок/мальчик/девочка): ш. *rezgi* ‘мелкий, маленький ребенок’, из тадж. *rezgī* ‘крошки, обрезки’, *reza* ‘крошка, мелкий’, ср. перс. ‘дети, получающие только часть выплаты взрослого рабочего, при выполнении какие-л. строительных работ’; ш. *zulik* ‘маленький (ребенок)’; ишк. *čbt^(h)bk* ‘мелкий, маленький, ребенок, малыш’; вах. *zaxt* ‘мелкий; ребенок, дитя’.

В заключение можно отметить, что лексика, применяемая для обозначения социовозрастных групп в иранских языках Таджикистана, отражает традиционные народные представления, сложившиеся в ходе истории. В значения основных наименований заложены названия исторических социально-возрастных градаций. В нашем случае они связаны с младшими возрастными группами и отражают исходные значения «маленький, мелкий», «молодой, незрелый» или передают эти значения на основе описательных метафоризованных оборотов, подчеркивая наиболее характерные этапы жизненного цикла, возрастные границы.

Обозначения возрастных групп в лексико-семантических полях таджикского и памирских языков в целом уходят корнями в древние иранские языки, модифицируя оттенки значений в связи с социальными сдвигами, которым подвергались сообщества. В силу того, что памирские языки не имели письменной традиции, и языком администрации и литературы служил таджикско-персидский язык, памироязычные сообщества в высокой степени зависели от влияния этого языка, расширяя или сужая круг своей номенклатуры и ее значений, табуируя или легализуя терминологию под влиянием властных структур и официального языка. Абстрактная номенклатура, связанная с обозначением мира детства, как правило, имеет арабское происхождение.

Литература

- Андреев М. С. К характеристике древних таджикских семейных отошений // Известия ТФАН Сталинабад. 1949. № 15.
- Андреев М. С. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи). Вып. 1–2. Сталинабад, 1953; 1958.
- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966.
- Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии Изд. 2. М., 1957.
- Додыхудоева Л. Р. Особенности половой и социовозрастной терминологии в традиционных представлениях. Мужчины (на материале памирских и таджикского языков) // Динамика культурно-исторической парадигмы: человек, слово, текст: сборник статей / под ред. В. З. Демьянкова, В. Я. Порхомовского, И. И. Чельшевой. М., Калуга: Издательство Эйдос. 2014. 183-207.
- Назарова З. О. Этнолингвистический анализ лексики, связанной с рождением и наречением ребенка (на материале ишканимского языка) // Вопросы филологии. Москва, 2007. № 2 (26). 55–66.
- Семенов А. А. Отношение к детям у горных таджиков // Этнографическое обозрение 1899. № 3. 99–108.
- ТРС – Таджикско-русский словарь / Луғати тоҷикӣ русӣ. Душанбе, 2006.
- ШРС – Карамшоев Д. Шугнанско-русский словарь. М., 1988-1999.
- Эдельман Дж. И. К истории терминов родства в иранских языках // INDOLOGICA: Сборник статей памяти Т. Я. Елизаренковой. 2. Москва, 2012. 239–261.
- ЭСВЯ – Стеблин-Каменский И. М. Этимологический словарь ваханского языка. СПб., 1999.
- ЭСИЯ – Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. М. Т. 2. 2003; Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. М. Т. 4. 2011.

ФТЗТ – Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ (Толковый словарь таджикского языка) / Зери таҳрири С. Назарзода...: т. 1–2. Душанбе, 2010.

Hasandoust M. A Comparative-Thematic Dictionary of the New Iranian Languages and Dialects. Tehran, 2011.

Hasandoust M. Etymological Dictionary of the Persian Language: vol. 1–5. Tehran, 2014. Vol. 1.

А.А. Евдокимова
Институт языкознания РАН, Москва
(arochka@gmail.com)

Византийские детские погребальные надписи Формулы и другие особенности

В Византии детские погребальные надписи в некоторых аспектах построены по тем же принципам, что и взрослые, поскольку иногда дети хоронились вместе с матерями или обоими родителями, и надгробия были общими. При создании выборки среди обозначений детей учитывались такие греческие слова, как *παῖς*, *παιδός*, вариант от него *τὸ παιδίον* и *τό τέκνον*, а термины с учетом гендерной разницы: *υἱός* и *κόρη*, *θυγάτηρ* были исключены из обзора в этой статье. При анализе из эпиграфической базы РНИ 7 в надписях IV–XV вв. из разных регионов Византии собирались все вариации написания этих слов, возникшие под влиянием итализма и монофтонгизации дифтонгов.

Было рассмотрено 513 надписей, которые содержали лексемы *τέκνον* (477) и *παῖς/παιδίον* (24), и ту и другую (12). Среди них без даты 267 надписей, а остальные распределяются по датам так:

время	число надписей	время	число надписей
ран. христ.	2	VII в.	2
импер.	6	VIII в.	1
III–I вв. до н.э.	8	IX в.	3
I в.	1	IX–X в.	1
I–II в.	1	X в.	4
II в.	3	после X в.	1
II–III вв.	7	X–XI вв.	2
III в.	30	XI в.	6

III–IV вв.	24	XI–XII вв.	1
IV в.	48	XII в.	3
IV–V в.	15	XII–XIII вв.	1
IV–VI в.	1	XIII в.	9
V в.	19	XIV в.	8
V–VI вв.	5	XV в.	3
V–VII вв.	1	XVI в.	3
VI в.	26	после завоевания турками	1

Распределение географическое:

место	общее количество	надписи без даты	даты распространения
Фригия	74	27	II в. – 981 г.
Рим	52	50	III– IV вв.
Аравия	32	16	341 –635 гг.
Галатия	28	21	III–V вв.
Сирия	26	12	IV – VI вв.
Иония	24	18	II– V вв.
Писидия	23	20	III– IV вв.
Вифиния	21	13	III в. – после X в.
Ликаония	18	15	III– IV вв.
Македония	16	1	II в. – 1028 г.
Пелопоннес	16	1	III в. – 1430/1 г.
Палестина	16	7	ок. IV в. до 1187 г.
Египет	15	3	245 до н.э. – VI в.
греческие острова	14		к. II в. – 1327 г.
Киликия	11	9	V – VI вв.
Лидия	9	1	II в. –1320 гг.
Афины	7	4	IX–XIII вв.
Европа	6	4	IV – V вв.
Понт	6	5	1411
Кипр	5		ок. 500–16 в.,
Исаврия	5	4	ок. 500 г.?
Каппадокия	5	2	X–XI вв.
Тунис	5	3	188/9– VI в.
Сицилия	4		IV в. – 1149 г.
Кария	4	4	
Киренаика	4		ок. 70 – VI в.

Калабрия	4		1020–1329 гг.,
Памфилия	4		ок. IV в. – 912 г.
Константинополь	3	1	1025– 1120 гг.
Лакония	3	3	
Фракия	3		ок. IV в. – 1262 г.
Венеция	3	2	IV в.
Без места	3	2	1250 г.
Фессалия	2		IV в.
Ливан	2		V – VI вв.
Беотия	2		ок. III в. по 873/4 г.
Малая Скифия	2		нач. IV – V
Клазомены	2	2	
Галлия	2	2	
Португ	2	2	
Нубия	2		IV–V вв.
Гелеспонт	2	1	IV–V вв.

По одному случаю: Милет б/д, Крым 1272 г., Навплия ок. 375–378 гг., Пергам б/д, Одессос б/д.

Разберем, какие формулы представлены в собранной подборке надписей и встречаются в разных регионах. С классической погребальной формулой «ἐνθάδε κίτ[ε]» (здесь лежит) употреблено слово παιδείον с уточнением κόρ[η] и θυγάτηρ + имя матери в Р.п. в надписи из Филадельфии 531/546/561 г.? [Grégoire 1922: 343]. Со словом τέκνον формула «ἐνθάδε κεῖτε/ κατάκτε» употреблялась в 13 надписях б/д (здесь и далее = без даты) из Вифинии, Галатии, Рима и т.п. С ними дополнительно употребляются глаголы: ταφῆσα Неоклавдиополис [Recueil des inscriptions: 45], в двух надписях ἔστησαν (Лугдун [Mommsen 1863: 13], латинская антология [L.Ant.Lat 2267]), ἀνέστησαν также в двух надписях (Суверек [ΜΑΜΑ 1928–1962: 1,204], Галатия [ΜΑΜΑ 1928–1962: 7,240]), τελευτᾶ + дата в надписи из Паниона [Dumont 1892: 86k], в надписи из Одессоса ἐτελεύτησαν + дата [Beşevliev 1964: 94], «εἰθ>ύμ<ε>ι» из Родоса [Grégoire 1922: 127]). С развернутой глагольной формулой «διὰ Р.п. θανάτων ἐκτελέσασα» Вифиния [Ameling 1985: 126]. С припиской «οὐδὶς γὰρ ἀθάν[ατος]» (ибо никто не бессмертен) из Родоса [Grégoire

1922: 127]. С формулой «μνήμης χάρις» 4 надписи из Кызыл Куя [МАМА 1928–1962: 7,256], Неоклавдиополиса [Recueil des inscriptions: 45], Суверека [МАМА 1928–1962: 1,204] и Дургута [МАМА 1928–1962: 7,240]. В надписи б/д из Рима сочетается с глаголом ἐποιήσαμε» [Kirchhoff 1859: 9801].

В надписи б/д из Ликаонии, Суверека сочетаются сразу две формулы «τύμβον τέκνα ἔτευξα[v]» [МАМА 1928–1962: 1,237] и «κῆτε ἐνθάδε παίδων ἀρεστός». С формулой «ἐνθάδε κείντε τύμβω» + Р.п. указаны имена сына и дочери в надписи б/д из Ликаонии [МАМА 1928–1962: 8,318]. В той же надписи упоминается диаконисса, которая поставила надгробную плиту «κτίσει τύμβον ἀρεστόν», своему ребенку, который был младенцем (νηπίω ὄντι).

Указание на покупку κοιμητήριον (усыпальницы) содержится в надписи из Салоник 507 г. [Feissel 1983: 131] с формулой «ἐνθα κῆτε» со словом «τὸ παιδίον». Сюжет с покупкой довольно частотен для Северной Греции и, особенно, Коринфа [см. Евдокимова]. А с существительным τέκνον усыпальница (κοιμητήριον) встречается в 10 надписях, из них в формуле с глаголом κατεσκεύασα/ε в 5 надписях из Вифинии и Фригии с 253 г. по V в., с дополнением «μνήμη[ς] χάρις» в надписи б/д из Фригии, с глаголом ἔκτησάμην в недатированной надписи из Вифинии и с глаголом «ἐλόησα» в 3 надписях б/д: из Писидии, из Афин и из Килтер.

Лексема σορός встречается в 9 надписях. В двух недатированных надписях из Эфеса использована формула «αὕτη ἡ σορός ἐστίν» + Р.п. применительно к одному ребенку [Merkelbach 1979–1984: 2223A,5] и к нескольким, которые будут захоронены вместе с матерью [Merkelbach 1979–1984: 2249A]. Две надписи б/д из Эфеса кроме формулы «αὕτη ἐστίν σορός» [Merkelbach 1979–1984: 2223,2, 2223A,6] используют уточнение ζώντων. С вариацией формулы «αὕτη ἡ σορός διαφέρει» и причастием ζώντων надпись б/д из Эфеса [Merkelbach 1979–1984: 2223,4]. В б/д надписи из Галатии используется другая вариация Д.п.+ «ἐπύησαν τὴν σορὸν μνήμης χάρις» [МАМА 1928–1962: 7,256a]. И в трех надписях II–III вв. из Фригии σορός встречается с уточнением «ἐν ἧ κηδευθήσεται» (в котором будет похоронен) [Frey 1952: 780, 775, 777]. В надписи б/д из Смирны встречается формула «ἐνσό[ριον] κατεσκεύασε[v]» + Д.п. [Petzl 1982–1990: 297]. И также единично

встречается в надписи IV в. из Македонии: «ἐποίησ[α] τὸ χαμοσόρ[ιον] τ[ο]ῦτο» + Д.п. [Feissel 1983: 232]. Без глаголов ед.ножды в надписи б/д из Сирии: «οἰκητήριον αἰώνιον» + Д.п. [Jalabert, Mouterde 1939: 343]. С формулой «ὁ οἰκός ἐστιν» в надписи из Эфеса: [Merkelbach 1979–1984: 2235], «τὸ θε[μέλιον]» + Д.п. из надписи из Гераклеи б/д [Seure 1912: 629, №83].

В качестве названия могилы σωματοθήκη используется в 7 надписях. Две надписи б/д из Корики с σωματοθήκη [ΜΑΜΑ 1928–1962: 3,254, 3,396] и также 2 из Корики б/д с причастием διαφέρουσα [ΜΑΜΑ 1928–1962: 3,549b], «δηφέροντα» [ΜΑΜΑ 1928–1962: 3,596]. Две надписи б/д из Эфеса используют формулу «αὕτη ἡ σωματοθήκη ἐστίν» [Merkelbach 1979–1984: 4208, 4224] с причастием ζώντων. В сочетании с формулой «ἔνθα κίτε» также б/д надпись из Кориюкоса [ΜΑΜΑ 1928–1962: 3,262]. Четыре надписи б/д с θήκη: две из Исаврии Диокайсареи [ΜΑΜΑ 1928–1962: 3,76, 3,80] и одна из Палестины из Кесареи (SEG 19,914) и одна из Каппадокии [Grégoire 1909: 58,28]. Две надписи с формулой «θήκη διαφέρουσα» из Иерусалима V в. [Thomsen 1921: 91,127] и б/д из Киликии [ΜΑΜΑ 1928–1962: 3,731]. Формула «θέσις διαφέρουσα» + Р.п. либо с отцом (Кизик IV–V вв [Grégoire 1922: 31]), либо с матерью (Кизик б/д [Grégoire 1922: 21]), без причастия в двух надписях б/д из Понта и из Сирии.

Формула «ἀνέστησα τὸν τίτλον μνήμης χάριν» с различными дополнениями встречается в 7 надписях б/д: в 3 из Писидии, в 2 из Ликаонии, 2 из Галатии, и только одна надпись из Ликаонии датирована IV в. [SEG 6,357]. Уточнение ζῶντες (при жизни) в 2 надписях из Писидии и одной из Галатии. Дополнительные сопутствующие формулы: «ἔνθα κατάχθε + Р.п.» из Ликаонии [ΜΑΜΑ 1928–1962: 7,569], «ἐνθάδε κακῆδευτε» из Галатии [ΜΑΜΑ 1928–1962: 7,582].

Μνημεῖ[ο]ν в значении памятника на могиле встречается 5 раз со следующими глаголами: ἐποίησεν (Гипайпа II в. [Merkelbach 1979–1984: 3861], κατεσκέασε (Лидия б/д [Frey 1952: 753]), ἐστιν + Р.п. [ζῶ]σιν (Эфес б/д [Merkelbach 1979–1984: 1677]), ἔκτησεν (Аравия б/д, [Waddington 1870: 2513]) и с причастием διαφέροντα + Р.п. (Фивы б/д [Soteriou 1929: 153 №9]). А также вариация

«μνημῖον ἔστησε σῆμα» (Ликаония б/д [MAMA 1928–1962: 7,540]), где употреблено в значении прилагательного *памятный*. Другая надпись из Вифинии б/д со словом σῆμα и тем же глаголом употреблена с дополнительной формулой «μνήμ<η>[ς] ἔνεκεν» [Becker–Bertau F. 1986: 81]. Две надписи со словом μνήμα, одна с глаголом ἐποίησεν + Д.п. в б/д надписи из Фемискира [Recueil des inscriptions: 15]. Надпись из Палестины из Кесареи IV в. с «[εὐ]ψ[ύχει]» [SEG 14,844].

Μεμόριον встречается в 4 формулах: 1) «[μεμόριον]ν» + Р.п. Коринф V–VI вв. [Fraenkel 1902: 404], Кесарея б/д [Frey 1952: 890с(4)]. 2) «μεμόριον τ[ι]λέ[κυ]α» Кесарея, IV в., SEG 14,845. 3) «κατεσκεύασα τὸ μεμόριον» + Д.п. Фригия III в. [SEG 6,176], б/д [Legrand, Chamonard 1897: 290 №98], 4) «εκεδ(ο)κτισα {ἔκτισαν} τὸ μεμούριον» + дата Кверех б/д [Waddington 1870: 1965].

ἠρῶν встречается 15 раз со следующими глаголами: κατεσκεύασεν в четырех б/д надписях из Эвменеи [SEG 28.1161; 28.1156; 6,221, Legrand, Chamonard 1897: 241 №1], в одной 250 г. [SEG 6,203], из Себасте 256 г. [Paris 1883: 456 №3], из Якасимака [SEG 6,224], из Фригии 246 г. [SEG 15,811.A]. Памятник, обозначенный словом ἠρῶν также употребляется с глаголом ἐλ[οίησα] в трех надписях: в двух б/д из Апамеи [MAMA 1928–1962: 6,225, 6,233] и из Сизмы IV в. [SEG 6,361]. С причастием διαφέρων в надписи из Эфеса б/д [Merkelbach 1979–1984: 2263]. С дополнительными формулами: с «ὐπὲρ σω[τηρίας]» и с уточняющим глаголом ἔθηκα в б/д надписи из Милета [Istanbuler Mitteilungen 1978:122]. С формулой «μνήμης χάριν» из Килтера 260 г. [Ramsay 1883: 405 №21] и с формулой «ζῶν» из Апамеи 253/4 г. [Frey 1952: 773]. И с сочетанием формул «ἐκ τῆς ὑποστάσεώς μου» и «μνήμης χάριν» в надписи из Сизмы IV в. [SEG 6, 361].

В двух надписях б/д из Галатии [MAMA 1928–1962: 1,377] и из Писидии [MAMA 1928–1962: 1,208], а также в надписи из Сизмы III в. [SEG 34, 1396] встречается формула «ἀνεστησάμην εἰστήλην + Д.п. χάριν μνήμης» (*поставим стелу в память*). Еще в одной надписи из Галатии существительное στήλην сочетается с другим синонимичным глаголом ἐπέθηκα[ν] и формулой «μν<ῆμα> ἔτευξε» [MAMA 1928–1962: 7,585].

В б/д надписи из Туниса употреблена формула с существительным τόπος [Rey-Coquais 1967: 4026]. Еще в одной надписи из Апамеи 391 г. оно встречается с глаголом ἐποίησεν и дополнительной формулой «ὀπὲρ σωτηρίας» [Jalabert, Mouterde 1955: 1336]. И в б/д надписи из Рима с глаголом ἐξέκλεισεν [SEG 36.935].

Глагол κατεσκεύασεν используется еще с двумя названиями для надгробий: λατόμιν с формулой «ζῶν καὶ φρονῶν» в надписи из Перинтуса IV–V вв. [SEG 16,417] и λεκτεῖκα в надписи из г. Сарды IV–VI вв. [SEG 26,1320]. В надписи б/д из Рима название надгробия опущено: Д.п. «[κατ]εσκεύασεν» [Silvagni, Ferrua 1922–1985: 1,2789], также с другим глаголом ἔκτησα [ἄ]μα + Д.п. в надписи из Гераклеи IV–V вв. [Dumont 1892: 74 №5].

С формулой «ἀνέ[σ]τησα μν[ή]μνης χάριν» + Д.п. 9 надписей из Писидии и Галатии, только одна надпись из Галатии датирована с 375–450 гг. [МАМА 1928–1962: 1,383] и одна из Писидии IV в. [МАМА 1928–1962: 1,273], остальные без даты. Та же формула с Р.п. 10 надписей, только одна из Галатии датирована III в. [Mitchell 1982: 331], остальные из Писидии и Галатии недатированы. С причастием ζῶντες две б/д надписи из Писидии [МАМА 7,87a; 1,268]. С добавлением формулы «ἐν ἱρήνῃ» в б/д надписи из Рима [Silvagni, Ferrua 1922–1985: 9,24598]. Та же формула, но с Р.п. после предлога σὺν в двух надписях из Галатии III в. [Mitchell 1982: 342] и IV в. [Mitchell 1982: 333] и одна б/д из Писидии [МАМА 1928–1962: 7,122]. А в одной б/д надписи из Ликаонии употреблены в этой формуле оба падежа [МАМА 1928–1962: 7,537]. С однокоренным глаголом ἔστησαν в б/д надписи из Галлии [Kaibel 1890: 2534], с дополнением «μνήμης χάριν» в надписи из Галатии без даты [МАМА 1928–1962: 7,222].

Глагол ἐποίησαν в двух б/д надписях из Портуса [Frey 1952: 546] и дважды в надписи из Сицилии, Сиракуз [Kaibel 1890: 90], в трех б/д надписях из Рима [Silvagni, Ferrua 1922–1985: 1,4039; 9,26032b, Frey 1952: 112]. В сочетании с традиционной формулой погребальных надписей «μνήμης <χάριν» в 2 б/д надписях: из Пергама [Grégoire 1922: 48], из Рима [Silvagni, Ferrua 1922–1985: 1,315]. С глаголом ἔζησεν в б/д надписи из Рима [Frey 1952: 1]. С добавлением обеих формул в б/д надписи из Рима [Silvagni,

Ferrua 1922–1985: 8,22811]. В надписи б/д с неизвестным регионом происхождения с формулой «εὐσεβίας ἔνεκεν» [Revue Biblique 1905: 606]. С формулой «ὕπερ σωτηρίας» + Р.п. в надписи из Апамеи 391 г. [Jalabert, Mouterde 1955: 1335]. В двух надписях из Апамеи 392 г. в качестве дополнения использована формула «εὐξαμένη ὑπερ σωτηρίας» [Frey 1952: 816, 817a].

Традиционная для Фригии формула «Χριστιανοὶ Χριστιανοῖς» используется в надписи б/д из Вифинии в обычном для погребальных надписей контексте: «[ὕ]περ ἐυχῆς + μνήμης χάριν ἐποίησεν» + Д.п. [Dörner 1952: 61,164]. Похожую ситуацию мы наблюдаем в б/д надписи из Рима, где с обычным контекстом соединяется повтор с синонимичным существительным и с прилагательным, характерным для ряда подобных существительных: «ἐποίησε[ν]» + Д.п. + «[μ]νία<ς> χά[ρι]ν», Д.п. + «ἐποίησεν [μνή]μοσύνης χά[ρι]ν [αἰ]ώνιον» [Silvagni, Ferrua 1922–1985: 1,4036/7.А]. Другой пример на соединение классической формулы с глаголом ἐποίησα с глаголом εὐψύχι + Зв.п. в надписи из Рима б/д [Kirchhoff 1859: 9803]. Соединение трех глагольных формул в усеченном варианте мы можем увидеть в примере IV в. из Рима: «ἐποίησαν» + Д.п. «ἔζησεν» + «κατάκειτε» [SEG 4,127].

Еще одна группа надписей, в которую входят примеры с глаголом ἔζησεν, который частотен для дополнительных формул вида: «[ζ]ήσας ἔτη λε [μ]ετ[ὰ] [γ]υν[αικ]ός κ[α]ὶ τέ[κ]νων» Никомедия, без даты [Dörner 1978: 360]. Иногда встречается и в сочетании с известными погребальными формулами: «μνήμης χάριν» + «εἰρήνη» Рим, б/д [Kirchhoff 1859: 9562]. Она же встречается в усеченном варианте, когда глагол упущен, как в надписи из Гипайпы 293–305 гг.: «παῖδιον ἐτ(ῶν) α» [Merkelbach R. 1979–1984: 3804]. В двух надписях: б/д из Рима [Kirchhoff 1859: 9729] и II–III вв. из Титова (Македония) [SEG 16,401] соединили две формулы: «μνεΐας χάριν» + Д.п. и «ἔζησεν. В 4 б/д надписях из Рима использован глагол ἔζησεν и его формы [Silvagni, Ferrua 1922–1985: 9,26169; 9,26003; 9,24274; 4,12853]. А формула «μνήμης χάριν» встречается в 5 надписях: одной б/д из Салоник [Frey 1952: App 3,67*], три III в.: одна из Эдессы [Feissel 1983: 7] и две из Аполлонии [МАМА 1928–1962: 4,219; 4,220]. и одна из Галатии III–IV вв. [МАМА 1928–1962: 7,277].

В ряде надписей разбираемые слова встречаются в части проклятия или перед ней в объяснениях его предваряющих. Соединение и погребальных формул и использования в части проклятий в б/д надписи из Фригии [МАМА 1928–1962: 6,358] *παῖδες* + Р.п. «τὸν βωμὸν καὶ τὴν κατ’ αὐτοῦ σορὸν κατασκευάσαν» и в части проклятия: «ὡς μηδενὶ ἑτέρῳ ἐξεῖναι ἐπισεενκεῖν ἢ θεῖναι ξένον νεκρὸν ἢ σορὸν, μόνοις γνησίοις ἡμῶν τέκνοις». Цитата из Второзакония: «кὲ ὅσαι ἀραι ἐν τῷ Δευτερονομίῳ εἰσὶν γεγραμμένοι αὐτῷ τε κὲ τέκνοις κὲ ἐγγόνοις κὲ παντὶ τῷ γένει αὐτοῦ γένοιτο» (Акмония б/д, [МАМА 1928–1962: 6.335], Трабзон 1411 г. [Millet 1895: 440] и ее синонимичный вариант из Акмония 243/4 г. [Frey 1952: 770.A]).

В контексте *если только не дети* «εἰ μή τι τέκνον»: Мелос ок. 300–350 г. [Grégoire 1922: 210], Никомедия, без даты [Dörner 1978: 375], Дакибыза после X в. [Feissel 1987: 434,57], Трабзон 1411 г. [Millet 1895: 440], Никея IV–V вв. [Şahin 1979–1982: 556]. С припиской: *если дети захотят похоронить кого-то другого* (ἐὰν βουληθῆ τὰ τέκνα) Вифиния б/д [Dörner 1978: 269], Иераполис II–III вв. [Frey 1952: 779]. Или *если похоронят самих детей* в 4 надписях (Фригия, б/д, [МАМА 1928–1962: 6,358], Вифиния к. III–IV вв. [Dörner 1978: 255], б/д [Dörner 1978: 363], Иераполис II–III вв. [Frey 1952: 778]). Во Фригии в II–III вв. в подобных контекстах употреблялось словосочетание «τέκνα τέκνων» в значении общего обозначения всех потомков, вместо слова ἐγγονός. Это зафиксировано в 10 надписях, 6 из которых недатированы.

Отдельную категорию представляют из себя надписи, с использованием различных формул, из текста которых следует, что дети установили поминальный памятник для своих родителей. Перечислим здесь примеры таких надписей с указанием места, времени находки и основных формул. В двух надписях из Аравии использован глагол ἔκτισαν: Салхад 601 г. [Waddington 1870: 1996], б/д [Littmann E., Magie 1907–1921: 783(4)]. В надписи из Фригии III–IV вв. [Gibson 1978: 34] использована формула «μνεΐας χάριν ἐπύησαν», но поставили своим родителям дети (παῖδιά). Та же формула в сочетании с существительным τέκνα использована в б/д надписи из Фригии [МАМА 1928–1962: 6,363.a]. С синонимичным глаголом ἀνέστησαν в надписи из Фри-

гии IV в. [Waddington 1870: 828]. В надписи из Сирии указан популярный и для детей вид памятника «ἀπετέλησαν ἠροεῖον» IV в. [Jalabert, Mouterde 1939: 690.A]. Другой вид памятника поставили дети в Аравии в 369 г. «οἰκοδόμησαν τὸ μνήμα» [Waddington 1870: 2001]. Сочетание формул встречается в надписи на б/д надгробии, которое дети в Риме поставили своей матери: «ἐνθάδε κείμεαι» + «ἐποίησεν μνείας χάριν» [Moretti 1968–1979: 527]. Другой вариант сочетания формул в надписи из Фригии III в. «μνημόσυνον ἐποίησαν» + «[ἐπ]οίησαν μνήμης χάριν» [SEG 6,159]. Вариант с синонимичным глаголом и другим видом надгробий в б/д надписи из Ликаонии: «θύνβον ἔτευξαν τὰ τέκνα» μνημίει{ι}ον εἴη» [ΜΑΜΑ 1928–1962: 7,451]. Также сочетание двух названий надгробий встречается в надписи из Эдессы V–VI вв. «κυμητήριον» + Им.п. + «δορούμεθα τὸ μνηόριον διαφέρον» [Feissel 1983: 13]. С использованием вспомогательной формулы: «μνήμης χάριν» из Фригии 304/05 г. [Gibson 1978: 16]. Во Фригии 5 надписей 3–4 вв., которые предлагают разные вариации формулы: «τὰ τέκνα Χρηστιανοὶ Χρηστιανοῖς, μνήμης χάριν» [Gibson 1978: 8, 11, 12, 14, 21] Близкие по типу, но без формулы «Χρηστιανοὶ Χρηστιανοῖς» встречаются надписи в Фригии 239–240 гг. [SEG 28, 1089], с заменой «ζήσης ἐν θεῶ» в Эдессе III в. [Feissel 1983: 10] и в Галатии, импер. с пропуском еще и χάριν [Mitchell 1982: 519].

Еще несколько надписей на женских надгробиях упоминают детей для характеристики их матерей. В надписи из Фригии III–IV вв. упоминание об общих детях: «ἐνθάδε γῆ κατέχει μετὰ ἧς ἐβίωσα ἐπιτίμως κ' ἔσχομεν τέκνα» [Gibson 1978: 25]. И одна из римских надписей б/д описывает женщину, погребенную как мать троих детей [Freu 1952: 47].

Однако имена детей и какие-то эпитеты к ним могли в соответствующем падеже употребляться и без других формул. Чаще всего в Д.п. в 12 надписях: в Риме б/д 8 надписей, еще в трех надписях б/д: из Смирны, из Малой Азии и из Портуса, и в надписи из Фригии IV в.. С предлогом σὺν в б/д надписи из Кесареи. С формулой «ἐν εἰρήνῃ» в 2 надписях из Рима б/д. С частой для погребальных надписей формулой «μνήμης χάριν» в 3 надписях: из Салоник II–III вв., Эвменей III в. и Галатии V в., в 7 б/д надписях: из Ликаонии, Рима, Фригии, Писидии. С добавлением

причастия ζῶ[v]τες из Фригии III–IV вв.. С добавлением предлога σὺν к этой же формуле в одной б/д надписи из Писидии. С добавлением части известной фригийской погребальной формулы «Χρηστιαῖη» Тембрис III–IV вв.. Соединение двух формул в надписи из Фригии в усеченном варианте с «Χρηστιανοὶ» 296/7 г. и в полном варианте из Фригии III–IV вв. и с добавлением слова в В.п./Им.п. Тембрис III–IV вв..

Р.п. без других формул встречается в 7 надписях: из Коринфа V–VI вв., с Крита VI в., в трех б/д надписях из Паниона, из Сиракуз, из Бостры. Р.п. с добавлением слова ἀμήν б/д из Галатии. С предлогом σὺν также в надписи б/д из Галатии. С В.п. в 3 б/д надписях: 2 из Рима, из Аравии. Три б/д надписи из разных городов Палестины со знаком меноры В.п./Им.п. В одной надписи 188/9 г. из Библа добавлена дата. Две - из Сирии без специальных погребальных формул τέκνα с датой в тексте 477/8 г. и б/д, и в одной надписи из Сирии 490/1 г. τέ[κνων] с датой в тексте.

Среди прилагательных, употребляемых в этих контекстах по отношению к умершим детям, наиболее распространенное: γλυκύτατον 40 надписей: Вифиния V в., импер., 1 надпись III–IV вв., Галатия, импер., III–IV вв., Фригия 253, 296/7, б/д, III–IV вв., Корюкос б/д, Пергам б/д, Македония IV в., Понтос б/д 2 надписи, Галлия 2 надписи б/д, Портус б/д, латинская антология, Ликаония ран. III в., IV в., Рим 20 б/д надписей. ἰδίον — 15 надписей: Гипайпа II в., Галатия б/д, Писидия 2 б/д надписи, Рим 10 б/д надписей, Портус б/д. φίλτατον — 8 надписей: Галатия б/д, Ликаония б/д, Беотия 873/4 г., Гераклея б/д, IV–V вв., Калабрия 1329 г., Афины, без даты, 871 г., γνήσιον — 6 надписей: Галатия 2 б/д надписи, III в., Панион б/д, Коринф V–VI вв., Смирна IV–V вв.?. γῆτιον в 4 надписях: Египет, 117 г. до н.э. и б/д: из Тенеи, из Афин и из Ликаонии. γλυκύν 3 надписи б/д: из Рима, лат. антологии, Вифинии. ἕωρον – три надписи б/д: Галатия 2 надписи, Ликаония 1 надпись, μοῦνον в 2 надписях: Фригия IV в. и Ликаония б/д. И две группы с определениями в Р.п. для обозначения родственных связей: τέκνα τέκνων — 9 надписей из Фригии: б/д 6 надписей, II–III вв. 1 надпись, III в. 3 надписи. И недатированная надпись из Писидии с синонимичным оборотом: «τοῖς τέκνοις ἐκ τοῦ αἵματός μου».

Возможные сочетания в одной надписи: «ιδίῳ γλυκυτάτῳ» в 3 б/д надписях: из Галатии и из Писидии, «γλυκυτάτῳ, ἀναμαρτήτῳ» Рим б/д, «γλυκύτατά μου ἄ<ω>[ρ]α» Фригия III–IV вв., «γ<λ>υκυτάτῳ, πιστεύσα(ν)τι εἰς θεόν» Венеция б/д, «ἄχαα νήπια» Афины б/д, «νήπι' ἐλείνᾶ» Египет 117 г. до н.э., «μόνον γνήσιον» б/д надписи из Фригии, «πνευ(ματι)κῶν ὠδίνων» Мессина 1149 г. По одному разу встречаются: φίλον Вифиния, б/д, ἀγαπητόν Рим б/д, ποθινότατον Писидия б/д, ἀγακλυτόν Родос ок. 925–950 гг., ὀρφανὰ Фригия 304/05, III–IV вв., ἀ[εἰμνηστον Рим б/д, πρωτότοκον Рим б/д, ἱερόν Босана 341 г., ἀπλήμονα Сирия 546/7 гг., <π>ανα[πτήμ]ωνο[v Сирия 383–395 гг., ὁμώνυμον Вифиния после X в., κατοχομ[ένω] Смирна импер., ἄωροθανῆ Фригия III–IV вв.

Таким образом, из рассмотренного материала следует, что большая часть надписей на детских надгробиях была найдена во Фригии и в Риме, а также в Сирии, Аравии и в ряде других регионах Малой Азии. Чаще всего встречаются с III–VI вв. Скорее всего в более позднее время рассматриваемые слова были заменены на формулы с указанием возраста и конкретизацию детей по полу. Среди названий надгробий наиболее распространенными в разных регионах являются в порядке убывания: κοιμητήριον, ἡρῶν, σορός с вариацией ἐνσόριον, σωματοθήκη, θήκη, μνημεῖ[o]v/μνήμα, μεμόριον, τύμβον, τίτλον, στήλην. Чаще всего сочетаются с глаголами с семантикой ‘ставить’ и с формулами: «ἐνθάδε κεῖντε», «μνήμηχ χάριν». То есть чаще всего формулы описывают сами надгробия или указывают на факт их постановки, но не факт самой смерти, т.е. во всем корпусе только по одному примеру с глаголами ἀνελάη, ἐκοιμήθη в значении ‘почил’. Часть надписей были построены по тем же формулам, но дети в них выступали инициаторами установки надгробия, а не адресатами. А в проклятиях, содержащихся в некоторых погребальных надписях, являлись единственными кроме самого поставившего памятник правообладателями. В надписях с пропусками почти всех формул, чаще всего ставились слова их обозначающие в Д.п. Из эпитетов наиболее частотными являются γλυκύτατον, ἰδίον, φιλότατον, τέκνα τέκνων т.е. подчеркивающие любовь родителей и принадлежность роду.

Литература

- Ameling W. Die Inschriften von Prusias ad Hypium. «Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien,» 27. Bonn: 1985.
- Anderson J., Cumont F., Grégoire H. Recueil des inscriptions grecques et latines du Pont et de l'Arménie. «Studia Pontica,» 3,1; Brussels: 1910.
- Becker-Bertau F. Die Inschriften von Klaudiupolis. «Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien,» 31. Bonn: 1986.
- Beşevliev V. Spätgriechische und spätlateinische Inschriften aus Bulgarien. Berlin: 1964.
- Cronin H.S. First Report of a Journey in Pisidia, Lycaonia and Pamphylia. // *Journal of Hellenic Studies* 1904. № 22, 94–125, 339–376.
- Dörner F. Bericht über eine Reise in Bithynien. // *Österreichische Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Kl., Denkschriften,»* 75,1. Vienna: 1952.
- Dörner F. *Tituli Asiae Minoris, IV,1: Nikomedeia.* Vienna: 1978.
- Dumont A. Inscriptions et monuments figurés de la Thrace. // Dumont A. *Mélanges d'archéologie et d'épigraphie.* Paris: 1892.
- Feissel D. De Chalcédoine à Nicomédie. Quelques inscriptions négligées // *Travaux et Mémoires du Centre de Recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance* 1987. № 10, 405–436.
- Feissel D. Recueil des inscriptions chrétiennes de Macédoine du IIIe au VIe siècle. «Bulletin de correspondance hellénique. Supplément 8». Paris: 1983.
- Fraenkel M. *Inscriptiones Graecae, IV: Aeginae, Pityonesi, Cecryphaliae, Argolidis.* Berlin: 1902.
- Frey J.-B. *Corpus inscriptionum iudaicarum, 2. Asie-Afrique.* «Sussidi allo studio delle antichità cristiane», 3. Roma: 1952.
- Gibson E. *The «Christians for Christians» Inscriptions of Phrygia.* Missoula: 1978.
- Grégoire H. Rapport sur un voyage d'exploration dans le Pont et en Cappadoce // *Bulletin de correspondance hellénique* 1909. №33, 3 – 169.
- Grégoire H. *Recueil des inscriptions grecques chrétiennes de l'Asie Mineure, I.* Paris: 1922.

- Hicks E. L. Inscriptions from Western Cilicia. // *Journal of Hellenic Studies* №12. 1891, 225–273.
- Istanbul Mitteilungen. Deutsches Archäologisches Institut - Istanbul Abteilung. Band 27/28 (1977/78). Tübingen, 1978.
- Jalabert L., Mouterde R. Inscriptions grecques et latines de la Syrie, II. Chalcidique et Antiochène. Paris: 1939.
- Jalabert L., Mouterde R. Inscriptions grecques et latines de la Syrie, IV. Laodicée. Apamène. Paris: 1955.
- Kaibel G. Inscriptiones Graecae, XIV. Inscriptiones Siciliae et Italiae, additis Galliae, Hispaniae, Britanniae, Germaniae inscriptiones. Berlin: 1890.
- Kirchhoff A. *Corpus Inscriptionum Graecarum*, IV,2. Berlin: 1859.
- Legrand P Ph.–E., Chamonard J. Inscriptions de Phrygie // *Bulletin de correspondance hellénique* 1893. №17, 241 – 293.
- Littmann E., Magie D.Jr. Syria. Publications of the Princeton University Archaeological Expeditions to Syria in –5 and 1909. Division III, Greek and Latin Inscriptions, Section A: Southern Syria. Leiden: 1907–1921.
- Luederitz G. *Corpus judischer Zeugnisse aus der Cyrenaika*. Wiesbaden: L. Reichert, 1983
- MAMA — *Monumenta Asiae Minoris Antiqua*. Vols. 1–8. Manchester: 1928–1962. Vols. 1 and 7 (Pisidia, Lycaonia and Galatia); vols. 2–3 (Isauria and Cilicia); vols. 4–6 (Phrygia); vol. 8 (Lycaonia and Caria).
- Merkelbach R. et al. *Die Inschriften von Ephesos I–VIII*. 9 vols. «Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien,» 11–17. Bonn: 1979–1984.
- Millet G. Les Monastères et les églises de Trébizonde // *Bulletin de correspondance hellénique* 1895. № 19, 419–459.
- Mitchell S. *Regional Epigraphic Catalogues of Asia Minor, II: The Ankara District, The Inscriptions of North Galatia*. Oxford: 1982.
- Mommsen Th. *Inscriptiones Latinae antiquissimae ad C. Caesaris mortem*. Berlin: 1863.
- Moretti L. *Inscriptiones Graecae Urbis Romae*. Vols. 1–3. Rome, 1968–1979.
- Paris P. Inscriptions de Sébasté. // *Bulletin de correspondance hellénique* 1883. № 7, 448–457.

- Petzl G. Die Inschriften von Smyrna. 3 vols. Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien, 23–24,1–2. Bonn: 1982–1990.
- Ramsay W. M. The Cities and Bishoprics of Phrygia. // *Journal of Hellenic Studies* 1883. № 4, 370–436.
- Revue biblique*. Paris: 1905.
- Rey-Coquais J.-P. Inscriptions grecques et latines de la Syrie. VI. Baalbek et Beqa'. Paris: 1967.
- Şahin S. Katalog der antiken Inschriften des Museums von Iznik (Nikaia). 2 vols. «Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien,» 9–10. Bonn: 1979–1982.
- SEG — Supplementum Epigraphicum Graecum [SEG]. Volumes 1–36. Leiden: 1923–1989.
- Seure G. Antiquités thraces de la Propontide, Collection Stamoulis // *Bulletin de correspondance hellénique* 1912. № 36, 534–641
- Silvagni A., Ferrua A. Inscriptiones Christianae Urbis Romae. Nova Series [IChUR]. Vols. 1–9. Rome: 1922–1985.
- Soteriou G. Αἱ χριστιανικαὶ Θῆβας τῆς Θεσσαλίας // *Αρχαιολογική Εφημερίς*. 1929. P. 1-229. Athens: 1931.
- Thomsen P. Die lateinischen und griechischen Inschriften der Stadt Jerusalem und ihrer nächsten Umgebung. // *Zeitschrift des deutschen Palästina-Vereins* 1921. № 44, 1–61, 90–168.
- Waddington W.-H. Inscriptions grecques et latines de la Syrie. Paris: Didot 1870.
- Евдокимова «Хороните своих мертвецов». Об одной особенности погребальных надписей Коринфа V–VI вв. // *Кафедра, в печати*.

В.В. Каприелова

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва
(nikakar@mail.ru)

Способы номинации детей в сербском языке

Важными чертами сербской культуры традиционно считаются центральное место семьи и внимание к детям. Несмотря на это, способам номинации детей в сербском языке посвящено не так много работ. В нашем исследовании в качестве источников мы будем использовать монографию Жарко Требешанина «Представа о детету у српској култури» («Представление о детях в сербской культуре»), толковый словарь сербского языка Матицы Сербской¹, корпус сербского языка и данные, полученные при опросе носителей языка.

Жарко Требешанин, описывая положение детей в сербской культуре, выделяет две ее главные характеристики: это культура «героическая», т.е. почитающая воинов-героев (отсюда выделение мальчиков и принижение девочек), и это глубоко патриархальная культура, где главным членом социума является не допускающий непослушания взрослый, а целью ребенка является стать этим взрослым, пройдя через череду инициаций [Требешанин 2000: 164-168].

Номинация детей в сербском языке основывается на обозначении признаков возраста и пола ребенка. Чем ребенок младше, тем богаче набор лексем, маркирующих его возраст: *беба* («младенец»), *новорођенче* («новорожденный ребенок до месяца»), *тримесечњак* («трехмесячный ребенок»), *сисанче* («грудной ре-

¹ В толковом словаре мы искали лексемы, в толкование которых входит слово «ребенок» и некоторый характеризующий его признак. Таким образом мы старались выявить характеристики, которые важны для носителей сербского языка при номинации детей.

бенок»), *одојче* («грудной ребенок»). При этом в приведенных обозначениях ребенок – существо бесполое², а при номинации находит отражение действие или деятельность, характерная для данного периода (*новорођенче* – «тот, кто только что родился», *сисанче* – «тот, кто сосет грудь», *одојче* – «тот, кого кормят грудью»). По мере взросления для обозначения детей используются слова *мало дете*, *детенце* («ребенок 1-3 лет»; пол по-прежнему не различается), *дечак*, *момче*, *момчић*, *клинац* («мальчик»), *девојчица*, *девојче* («девочка»), *момак* («парень»), *девојка* («девушка») [Требешанин 2000: 136-137].

Сами названия детей женского или мужского пола в сербском языке часто производятся от названий (молодых) взрослых путем добавления диминутивного суффикса. Так, слово *девојчица* (основной способ обозначения девочки) образовано от слова *девојка* («девушка»), слово *женскић* («девочка») – дериват слова *женска* («женщина»). Для номинации мальчиков, юношей используются лексемы *момче* или *момчић* (от *момак* – «парень») и *мушкарчић* (от *мушкарац* – «мужчина»). Таким образом, дети воспринимаются как «уменьшенные» взрослые, то есть взрослые выступают как прототипические, эталонные члены социума, которыми со временем должны стать и дети.

Характерно, что Ж. Требешанин в своей монографии отмечает, что в сербском языке отсутствует слово, обозначающее ребенка подросткового возраста безотносительно его пола [Требешанин 2000: 136]. Получается, что ребенок из подобия взрослого (*момче*, *мушкарчић* и *девојчица*, *женскић*) в ходе взросления и дальнейшей социализации (а именно женитьбы) переходит во взрослого (*момка*, *мушкараца* и *девојку*, *жену*), не проходя между этими состояниями дополнительный, подростковый, этап. Вероятно, взгляд на развитие ребенка в современной сербской культуре меняется, и именно поэтому носителям языка потребовалось

² Сложно сказать, с какого момента выражение признака ‘пол’ становится значимым при номинации ребенка. Ж. Требешанин в своем исследовании указывает, что это возраст с 3 лет, в то время как в словаре сербского языка указывается, что половая принадлежность обозначается с момента рождения ребенка.

слово для обозначения ребенка подросткового возраста, из-за чего было заимствовано слово *тинејџер* из английского языка.

Характерной чертой номинации детей в сербском языке является тенденция применения слов, обозначающих детей мужского пола, при номинации детей женского пола. Например, согласно Ж. Требешанину, лексемы *чедо*, *мали*, на данном этапе развития языка называющие ребенка безотносительно пола, изначально использовались для называния исключительно мальчиков [Требешанин 2000: 135]. Другой пример – слово *син* («сын») в современном сербском языке в форме вокатива (*сине*) применяется при обращении к детям (или людям младшего возраста) как мужского пола, так и женского [Вујанић 2007: 1221]. В разговорной речи в качестве обращения к ребенку (или человеку младшего возраста) независимо от пола употребляется деминутив от мужского имени Михајло в Звательном падеже – *Мико* или *Миће*. К слову, и некоторые названия девочек образованы от названий мальчиков (*мала* от *мали*, *шипарица* от *шипарац*).

Интересно, что есть большое количество названий детей, которые одновременно используются и для номинации детенышей животных. Так, слово *ранче* может обозначать как первенца, так и рано родившегося ягненка [Вујанић 2007: 1128], слово *доношче* используется применительно к доношенному ребенку и к детенышу животного, родившемуся в срок [Вујанић 2007: 306]. Одновременно для обозначения новорожденного и детеныша животного любого возраста используется лексема *беба* [Вујанић 2007: 67]. Этот ряд можно продолжить словами *младунче* («молодое, только что рожденное животное» и «ребенок (обычно совсем маленький)»³ [Вујанић 2007: 719]), *пород* («ребенок, потомство» и «детеныш; детеныш того или иного животного» [Вујанић 2007: 976]), *малиша* или *малишан* («маленький мальчик» и «демину-

³ Интересно, что в толковании данной лексемы значение ‘животное’ дается первым, и именно данное слово в основном используется для обозначения детенышей; вероятно, это редкий случай, когда семантический переход идет не в направлении ребенок → детеныш животного, а в обратном направлении.

тивное обозначение детеныша животного» [Вујанић 2007: 673]) и т.д.

Совмещение этих двух значений, с одной стороны, характерно для довольно употребительной лексики (*беба* – основной способ обозначения младенцев), а с другой стороны, зачастую происходит в тех лексемах, которые обозначают только что родившихся детей или животных. Вероятно, это связано с бытовавшим в Сербии мифологическим представлением о ребенке, который в первый год своей жизни еще должен был доказать свою человеческую сущность, в частности, впервые улыбнувшись, научившись ходить и начав немного разговаривать, а до определенного момента он фактически не отделялся от мира природы, животного мира [Требијешанин 2000: 206-207]. Совмещение значений ‘ребенок’ и ‘детеныш животного’ характерно и при маркировании физических особенностей существа (ср. *кржља*).

Наряду с лексемами, называющими как маленького ребенка, так и детеныша животного, есть лексемы с тем же объемом понятия, использующиеся только в отношении ребенка. Так, если слово *беба* не разделяет детей и животных, то лексема *новорођенче* («новорожденный») употребляется только по отношению к ребенку.

Целый пласт оценочных обозначений детей происходит от названий животных. Ласкательные обозначения детей зачастую являются результатом семантического перехода от названия того или иного детеныша животного: *магаре* («осленок»), *птић* («птенец»), *цицкош* («котенок»), *кукавче* («кукушонок»), *лане* («детеныш серны»), *маче* («котенок»), *пиле* («цыпленок»).

Названия животных также являются базой для обозначений детей, содержащих негативную оценку: *гад* («гад»), *петлић* («петушок» и «заносчивый юноша»), *итене* («щенок»), *жгадија* («паразит»), *паише* (вокатив от слова со значением ‘пес’), *прасе* («поросенок» и «разбалованный ребенок»), *чиков* («рыба-вьюн» и «шаловливый ребенок»).

Довольно часто при номинации детей обозначаются особенности внешности. К ним относятся цвет волос (*гаравче* – «ребенок-брюнет»), иногда цвет кожи (*црнче* – «ребенок-негритенок»), конституция (*грбавче* – «горбатый ребенок», *гуравче* – «сутулый

ребенок», *жгебе* – «физически не развитый ребенок», *бумбар* – «толстый ребенок» (здесь проходит семантический переход шмель → толстый ребенок), *кржља*⁴, *кржљавче* – «слабо развитый (физически) ребенок», *бангавче* – «хромой ребенок», *црвић* – «маленький, слабый ребенок»; здесь осуществился переход червяк → слабый ребенок). И особенно часто выражается то, как плохо одет ребенок: *голишавац*, *голишавица*, *голотрпче*, *голуждравац*, *голуждравица* – «плохо одетый ребенок». Обилие лексем, обозначающих плохо одетых детей связано не только непосредственно с бедностью детей и их родителей, но также и с введенным турками налогом «на штаны» (т.е. на каждого ребенка, одетого в штаны). В связи с этим сербские дети насколько возможно старались обходиться без данного предмета одежды [Требишанин 2000: 206].

Специальными лексемами помечается и характер ребенка, в особенности плохой. Так, целый ряд слов используется для называния непослушных, шаловливых детей: *дериште*, *злоћа*, *ђаволче*, *разбојник*, *шило*, *шмркавче*, *балавче*, *мусавко*, *мусавица*, *мангупарија*, *неваљац*, *неваљко*, *неваљица*, *немирко*, *окачењак*, *посранко*, *балавурдија*, *деран*, *дечурлија*; а также разбалованных детей: *маза*, *татин син* (буквально «сын отца»). В ряде случаев для обозначения непослушных детей употребляются ругательства, использующиеся обычно в отношении взрослых, например, *лола* («повеса, пьяница» и «непослушный ребенок»), *гадура* («гадина; гадкая, злая женщина» и «непослушная девочка»). Нужно сказать, что в сербском языковые единицы с негативной коннотацией в зависимости от контекста могут вовсе не иметь отрицательной эмоциональной окраски [Vjelanović 2006: 11], в том числе используясь как средство иронии. Здесь интересен сам перенос характеристик, которые обычно приписываются взрослым людям на маленьких детей.

Но в современном сербском языке возможно и явление, противоположное описанному: когда слова с негативной окраской, обозначающие непослушного, шаловливого ребенка, применяются при описании взрослого, причем зачастую они используются

⁴ Данное слово используется и по отношению к животным.

говорящим по отношению к самому себе. Такие употребления также имеют ироничный характер:

(1) *Zamisli jutro, gleda te neki musavko u ogledalu onako ispitivački, da li mora da se umije, obrije, ili može još danas da preskoči.* [CLARIN.SI] – «Представь себе, утро, из зеркала на тебя смотрит какой-то **слюнтяй**, как бы спрашивая, должен ли ты умыться, побриться или можно потерпеть еще денек».

С помощью отдельных лексем помечаются как типично взрослые черты в поведении ребенка (например, *мушкарчић* или *маторац, маторка* – «рано повзрослевший мальчик или девочка»), так и, напротив, нетипично детские черты взрослых: *малишан* («малыш» и «человек низкого роста»).

Ряд названий детей в сербском языке обозначает положение ребенка в семье. В первую очередь, это слова, показывающие отношение ребенка к другим родственникам: помимо ожидаемых лексем со значениями ‘сын’ (*син*), ‘дочь’ (*ћерка*), ‘внук’ (*унук*), ‘внучка’ (*унука*), ‘правнук’ (*праунук*), ‘правнучка’ (*праунука*), в сербском языке употребительны слова со значением ‘сын сестры’ (*сестрић*), ‘дочь сестры’ (*сестричина*), ‘сын брата’ (*братанац, синовац*), ‘дочь брата’ (*братаница, синовица, братична*), ‘сын брата или сестры’ (*нећак*), ‘дочь брата или сестры’ (*нећака, нећакиња*), а также специальное именование такого далекого родства, как ‘праправнук или праправнучка’ (*чукунунуче*). Важным является и обозначение первого ребенка⁵ (*прворођенче, ранче*), старшего ребенка (*матор*) и младшего ребенка (*мезимац, мезимче*; для данного слова проходит семантический переход мизинец → младший ребенок в семье).

Выражаться могут и обстоятельства рождения: рождение после смерти отца (*посмрче, постхуман*), рождение вне брака (*бастард, копице, дете љубави*), рождение доношенного ребенка (*доношче*); а также такие признаки, как отсутствие родителей (*сироче, пунил*), усыновление, воспитание неродными родителями (*усвојеник, пунил*) или появление на свет в результате искус-

⁵ Рождение первого ребенка (особенно мальчика) разительным образом меняло социальный статус его матери.

ственного зачатия (*дете из епрувете* – буквально «ребенок из пробирки»).

Часто маркируется социально-экономическое положение ребенка. Так, для обозначения ребенка из состоятельной семьи используются лексемы *богатиче* («ребенок зажиточных родителей»), *гаванче* («ребенок очень богатых родителей»), а для номинации ребенка из бедной семьи употребляются лексемы *бокче*, *сирошче*, *сиромашче* и *јадниче*.

Спорадически может обозначаться также и национальная принадлежность ребенка: *Арапче* («ребенок-араб»), *Циганче* («ребенок-цыган»), *Србијанче* («ребенок сербов, живущих в Сербии»), *Шванче* («ребенок-шваб») ⁶. Иногда выражается занятие ребенка (*чобанче* – «ребенок-пастух, пастушок» ⁷) и его религиозная принадлежность (*унијаче* – «ребенок-униат»).

При номинации детей может выражаться и эмоция, которую сам говорящий испытывает по отношению к ребенку. Так, слово *мука*, совмещающее значения ‘мúка’ и ‘ребенок’, используется по отношению к ребенку, за которого говорящий очень переживает: «Муко моја, шта ћу с тобом?» – «Что же мне с тобой делать, мука моя?» [Вујанић 2007: 742].

В процессе номинации детей происходят интересные и порой неожиданные семантические переходы. В их числе: *крв* (кровь → ребенок), *кућа* (дом → ребенок), *шкембе* (говяжий желудок, желудок → маленький ребенок), *чварак* (шматок сала → чахлый, слабый ребенок), *шећерче* (сахар → ребенок (ласкательное обращение)), *лутка* (кукла → девочка).

Таким образом, сербский язык обладает разветвленной системой обозначения детей, на которую накладывает отпечаток формирование в рамках патриархальной культуры, где дети – это еще не настоящие члены социума, «недовзрослые», которые по-немногу отделяются от мира животных, мира природы и превра-

⁶ Установить принцип, по которому отбирается национальность для обозначения, нам не удалось.

⁷ Требешанин отмечает, что пастушество было первой работой, которую доверяли детям [Требешанин 2000: 193], поэтому неудивительно, что именно это занятие помечено отдельной лексемой.

щаются в людей; где рождение мальчика воспринимается как праздник (и именно поэтому в сербском языке слово со значением 'ребенок' прежде всего обозначало мальчика, оставляя без внимания девочек); где дети нередко жили в бедности, что находит отражение в многочисленных лексемах, обозначающих бедных, плохо одетых, слабых детей, и где большим недостатком для ребенка считалось непослушание. При этом в процессе языковой игры или при выражении оценочных значений граница между взрослыми и детьми может стираться, и дети приобретают характеристики, традиционно приписываемые взрослым, или взрослые начинают описываться как дети.

Литература:

- Толстой И. И. Сербохорватско-русский словарь. М.: Русский язык, 2000.
- Vjelanović Ž. Hipokoristik kao oznaka za tvorbeni način i kao oznaka za vrstu značenja // Folia onomastica Croatica. 2006 №15, 1-14.
- Речник српскога језика / Вујанић М. [и др.]. Нови Сад: Матица Српска, 2007.
- Трјебешанин Ж. Представа о детету у српској култури. Београд: Jugoslovenski centar za prava deteta, 2000.
- Чажкановић В. Мит и религија у Срба. Београд: Српска књижевна задруга, 1973.
- CLARIN.SI Corpus srWaC (Serbian Web) (*электронный корпус сербского языка*) URL: https://www.clarin.si/noske/run.cgi/first_form?corpname=srwac;align= (дата обращения: 21.08.2023)

И.Б. Качинская

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва
(kacza@yandex.ru)

Номинация детей в архангельских говорах¹

По предварительным подсчетам, в архангельских говорах фиксируется около одной тысячи лексем, обозначающих детей. Такое огромное количество определяется многими факторами: возрастным распределением, словообразовательной деривацией, фонемными вариантами, множественностью мотивации. Дериваты от наиболее частотных корней, указывающих на детей (*det-, rob-/reb-, mal-*), связаны с двумя основными значениями: с терминами родства и половозрастной стратификацией.

1. Возрастная стратификация. *Дети* – незрелые особи, противопоставленные остальному населению, взрослым и старикам: *Малому не наиграться, старому не належаться, середка годов не наробиться. ЛЕШ.* [Качинская 2013]. Часто дети и старики объединены и противопоставлены основному, взрослому, по-настоящему работающему населению: *Два раз человек бывает глуп: стар да мал. ОНЕЖ.*

Возрастная стратификация, связанная с «детством», указывает на группы людей молодого возраста от рождения до брака: на новорожденных, младенцев, собственно детей, подростков, молодежь (номинация новорожденных и младенцев рассмотрена

¹ Статья основана на материалах богатейшей картотеки «Архангельского областного словаря» [КАОС], вышедших выпусков Словаря [АОС] и собственных полевых записей автора. Исследование выполнено благодаря поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-00027, <https://rscf.ru/project/23-18-00027>.

в [Коконова 2011]). Социальная функция при этом важнее, чем возрастная: *Не выходила-то (замуж) – то девчока, а выходила – то жёнка. ЛЕШ. Бывает и так, что девочки старше, чем жёнки. КАРГ.* Представления о возрастных границах могут меняться в разных говорах и даже в одном и том же: *С трех лет считается отроком. До семи лет ребёнок отрок. ПИН. Мальчика до десяти лет называли отрок. ШЕНК. С 12–13 отрок и отроковиця. КАРГ. На ково говоришь (заговор), на ребёнка говориши, на младенца, до семи лет младенец, с семи до четырнадцати отрок, а от четырнадцати – раб. УСТЬ.*

2. Фонетический аспект. Множественность номинации обусловлена фонетически, когда этимологически единый корень в современных говорах рассматривается уже как разные корни из-за разошедшихся фонем. Так, корень **дѣт-* содержащий этимологический «ять», дал варианты *дет-* и *дит-*. Если звук [и] оказывается между мягкими согласными (*дѣти*), то это считается рефлексом «ятя», как самостоятельная фонема не рассматривается и является вариантом лексемы *дети*. Если же [и] оказывается перед твердым согласным (*дѣтка, дѣточка, дѣтонька*), этот [и] признается алофоном фонемы /и/ – соответственно, перед нами новая лексема. В современной орфографии в этом корне *e/i* варьируются: *дети, деточка, детишки*, но *дитя, дитятко* и др. В «Архангельском областном словаре» (АОС) зафиксировано 70 лексем с корнем *дет-* и 20 с корнем *дит-*; во многих случаях [e] и [и] выступают как варианты: *детѣ/дитѣ, детёнок/дитёнок, детёныш/дитёныш, детѣш/дитѣш, детонька/дитонька, деточка/диточка* и мн. др. [АОС, 11: 112–124, 154–156]. В корнях *роб-/реб-* вариативности подвергся плавный [р]. С корнем *роб-* (более древним) в картотеке АОС встретилось ок. 50 лексем, с корнем *реб-* ок. 40. Многочисленны варианты: *робёнок/ребёнок, робята/ребята, робѣш, робѣш/ребѣш, робятишки/ребятишки* и др. [Обратный словарь; КАОС]. Встретилась лексема со значением ‘младенец’ в вариантах с начальным губным согласным: *младен, бладен, владен*.

3. Словообразовательный аспект. Для говоров чрезвычайно характерна словообразовательная деривация. Приведем лишь некоторые примеры: *дети, детки, детѣш, детьши, детѣши, де-*

тяш, детёнош, детёныш, детенёш, детёнок, детишка, дётушка, дётышка, дётище, дйтятко, дитяно [АОС, 11]; *робе, робён, робёш, робёнушек, робята, робятёнок, робятишки, робятюшки, робятище, робятня, робятьё, робятство* [Обратный словарь; КАОС] и мн. др.

4. Грамматический аспект. Рассматривая номинацию детей в северных говорах, необходимо сказать об особом соотношении форм ед. и мн. числа, о категории рода, о субстантивации.

4.1. Соотношение основ единственного и множественного числа. Для литературного языка характерна супплетивация *ребёнок ~ дети*. В говорах эта супплетивация может сохраняться, но может и отсутствовать, происходит выравнивание основ: *ребёнок – ребята, ребёнки; детё – дети, детята; детёнок – детёнки, детёш – детешш*. Порой мн.ч. может не иметь прямого соответствия с ед.ч.: *детишки, детишечки, детешата, детшшья* и проч.

4.2. Категория рода. Существует большая литература с суждениями о том, почему слово *дитя*, обозначающее одушевленное лицо, оказалось среднего рода. Приводятся многочисленные примеры из других языков, где слово, обозначающее ребенка, также отнесено к среднему роду [Трубачев 1959: 35–36]. Почти повсеместно в русских говорах (не только северных) слово *дитя* из нерегулярного склонения ушло в стандартное 2-е (*детё/дитё*), изменяется по модели среднего рода и согласуется по среднему роду: *Чё Витя-то, мало детё, спать валить надо. ВИИ. Как локоть мой спокоен, так бы моё дитё было спокойно (из заговора). ВЕЛЬ. Тогда как слово дитя, также сохранившееся в говорах, может согласовываться по разным родовым моделям. По среднему роду: Мала дитя – да мала беда, а большо дитя – да больша беда. ПИН. По мужскому: Это вот дитя ихной. В-Т. Чем бы дитя не тешился, лишь бы не плакал. КОИ. По женскому: Была у меня дитя, она померла. ПИН. Вот моя дитя, мох ела, а выжила. ПИН.*

Среди слов с корнем *дет-/дит-* встретились многочисленные лексемы на *о*-склонение: *детко, детёно, детёшечко, детишко, дитяно, дитятко, дитятчко*. То же для лексем с корнями *реб-/роб-*. Однако в архангельских говорах по среднему роду (склонению на *-о*) изменяется большое количество слов, обо-

значающих лиц, включая лексемы, указывающие на лиц женского пола. Так, среди дериватов от корня *дев-*, обозначающих девочку или девушку, выявлены примеры существительных с *о*-склонением (*девочённо, девочёнышко, девочёшечко, девочёшко, девочишко, девочище, девочушко, девчённо, девчёночко, девчённушко, девчённышко, девчёшечко, девчёшко*, из них только в двух примерах встретился вокатив [АОС, 10: 381–392). Полной парадигмы *о*-склонения у слов женского рода нет, преобладает И., В. и Тв. падежи. Часто существительные на *-о* имеют параллели в *а*-склонении (женского и мужского рода) или в нулевом склонении (мужского рода), а синтаксическое согласование идет по модели женского или мужского рода соответственно гендерному распределению (*мой дедо, дедушко, парнишко, батько, татко* и *моя бабённо, девчонно, старушонно*): *Сюдэ приехала молодой, девчонком. ОНЕЖ. Девцонно-то едва поехала. Я девчонком была. ПРИМ.* Изредка для слов женского рода наблюдается согласование по среднему роду: *Сейчас цуть Левонтиногэ девцонка не розбодала. ПРИМ.* Встречаются случаи одновременного согласования по женскому и среднему роду: *Была девчонно небольшо оставлена бабушку досматривать. В-Т. Девчонно я была небольшо, а платье всё длинно. ОНЕЖ.*

4.3. Субстантивация чрезвычайно характерна для архангельских говоров. ‘Новорожденный ребенок’ – *мокрой, новорожденной, родущей, недельной, первогодной* и др.: *Сперва был родущий, потом в коляске, потом в штанычках стал. ПЛЕС. Их трё да родущой – недельной увезён. ПИН.* Субстантивированные существительные распределяются по родам соответственно гендеру: *Дрöцат, потвöрят родители, а маленького тешат, а он выдуриват, избалован, вёдроцён. ШЕНК. Понимат мала, маленька, како красиво. МЕЗ.* Во мн.ч.: *Сперва малы ходят, потом середни, а потом к большйм пойдём кланятсе. ЛЕШ.* Однако достаточно часто субстантиваты употреблены в среднем роде и могут относиться к ребенку любого пола: *Ой ты, дитетко, рано замуж вышла, малышко-то есть у тебя? В-Т. Вот радийёт мяцником, радийёт, да всё, ну, детско! УСТЬ. Муськошло и женьско (мальчик и девочка). ПИН. Что ты, глупенько?! МЕЗ. Пойдём домой (девочке), глупо! МЕЗ.*

5. Собираательные существительные. Среди лексем, указывающих на детей, зафиксировано большое количество собираательных существительных: *детв́а, детня, ребя́тня, малы́шня, малорос́тня, детня́к, молодняк, робя́тьё, ма́льё, безру́чье, малорос́тье, малорос́сия, мелкота, мелочь, во́льница, моега́, самра́, са́рынь, челядь* и др.

6. Немотивированные и мотивированные основы. В современном литературном языке слова *дети, ребенок*, в отличие от субстантивата *ма́ло́й*, не обладают мотивацией. О.Н. Трубачев этимологию лексем с корнем **дѣт-* связывает с *доить* в значении 'кормить грудью' [Трубачев 1959: 37-38]. В таком случае, первоначальному смыслу *дитя, дети* соответствуют многочисленные лексемы, называющие грудного младенца: *грудничок, грудни́к, сосунок*. Корень **роб-* (*ребенок*) Трубачев возводит к **orbh-* 'маленький' [Там же: 39-41]. Лексема *па́рубок* (укр.), возводимая к этому же корню, в северных говорах не встретилась, но, возможно, к этому же корню следует отнести такие «экзотические», зафиксированные в архангельских говорах лексемы, как *ара́быши* (*ора́быши*) или *обора́бки* (*Ну ара́быши, как ни приде́шь, всё спят. Ара́быши – ребёнок. ПЛЕС. Сколько в семье у тебя обора́бков-то? Обора́бки - дети. Ему ещё десяти нет, обора́бок. УСТЬ.*). С меньшей вероятностью к этому корню могут быть возведены лексемы *парабуська, парасы́ток*: *Маленькой, весь сырой дак (грудной). Паробу́ська! ПИН. Об детях вообще: ой, у ей парасы́тков по́лна изба - детей значит. А всё парасы́ток, что девочка, что парень. ВИН.*

Этимологию корня **чад-* (*чадо*) Трубачев возводит к и.-е. **kep-* и сближает со словами типа *начало, начинать*, т.е. «'новый, недавний', 'молодой'» [Там же: 43]. Ср. лексемы с прозрачной мотивацией типа *первенец, первородок, зач́иныш*, обозначающие первого ребенка в семье. Большое количество лексем указывает на последнего ребенка: *заскрё́быш, заты́пыш, загрё́бной, последок, последыш*.

Лексема *челядь* и ее дериваты прочно связываются со значением 'слуга' [Фасмер, IV: 330], хотя там же приводятся корни, родственные словам со значениями 'род, потомство' и даже 'колено'. Трубачев достаточно убедительно доказал однонаправ-

ленность семантического перехода 'ребенок' > 'раб', 'невольник' во многих языках [Трубачев 1959: 37]. В архангельских говорах дериваты от основы *челяд-* в значении 'ребенок, дети', встретились в значительно большем объеме, чем от основы *чад-* (*чадо, чадушко, чадышко, чадёнки, чада*): *Мальчика до десяти лет называли óтрок. А так - ча́до называли, твоё чадо.* ШЕНК. *Матушка, не обижай ты моего цадушка!* ПРИМ. О детях: *челядь, челяди, челяда, челядёнка, челядэжка.* О ребенке: *челядён, челядёшко, челяди́на, челядья́га, челядья́жка: Целядь-то в валенках бегают. У нас сё целедь звали, челядя́. КОН. Им, видишь, кушать, челяди-то моей. УСТЬ. Детей – челядь, малышей всё зовут: вон, челядь бегают. НЯНД. С челядью перебиваюсь, трое. МЕЗ. Я челядиной-то ещё была, лет, может, осьми. ВЕЛЬ. Вот как молодя́жка, челядя́жка ходили. КОН.*

Лексема *самра́* не встретилась у Фасмера, зафиксировано у В.И. Даля ('толпа детей, ватага ребят') [Даль, III: 28], есть один пример в СРНГ с фиксацией в нескольких северных говорах (Арх, Волог., Костром., Яросл.) [СРНГ, 36: 112]. В наших говорах слово *самра́* может обозначать детей (*Это ребятишки малы - самра́! ПИН.*) или подростков (*Самра́, дитня́к приломали. Самра́, самра, небольшие пацаны. КАРГ.*), детенышей животных (*Котёнков можно самра́ - как много наро́дйтсе. ВИН.*); мальчик – *самрёнок: Двери полы, я заглянула - самрёнок этот Андрюшка стоит. ВЕЛЬ.*

Достаточно часто для номинации детей используются переносные значения (*водня начатье, капрал, семья*). Метафоры обычно связаны с различными культурными кодами (по С.М. Толстой, см. [Толстая 2009]): растительным (*корень, куст, отросток*), животным (*гнездо, гайно, табунок, цыплята, голубчики, медведки, собачата, мураши, черви, приплод*), соматическим (*колени, нога, черевье, подчеревьё*), пищевым (*хлебцы, хлебы*). Встретились семантические переносы со стороны ономастики (*гаврики, макарки*). Большой круг лексем связан с использованием ласковых слов, направленных на детей (*мезонька, белеюшко, божоной, молёной, тешоной*).

7. С точки зрения родства *дети* рассматриваются как человеческие существа, рожденные своими родителями, и тогда их

возраст значения не имеет. Важна гендерная соотнесенность (сын ~ дочь), порядок появления на свет (первенец ~ последыш); способ появления на свет (близнецы, двойняшки), положение в семье (родные, приемные, сводные). На особом положении были дети, рожденные в неполной семье (внебрачные) или лишившиеся родителей (подкидыши, сироты). Для каждой из этих групп в архангельских говорах имеются свои обозначения. О номинации внебрачных детей в архангельских говорах (*зауголки, сколотки, найдёныши, нагулыши* – всего около 30 лексем) писала А.Б. Коконова [Коконова 2009], о номинации приемных детей (*пасынки, падчерята* и др. – всего около 40 лексем и словосочетаний) см. [Качинская 2016].

В традиционной семье дети рождались часто: *Как год, так и парнёк. ВЕЛЬ*. Вариант пословицы, где речь идет о том, что в семье каждый год крестят младенцев: *Как год, так и поп. КОН*. В старой России на мальчиков при рождении давалась земля (*душа*), а у поморов еще и морской участок на рыбном промысле (*тоня*), на девочек пахотная земля либо вообще не полагалась, либо кое-где полагалось *полдуши*, половина надела: **Сын рóдится – душа, а девка родится – нет души. ЛЕШ. И по душám делили, души были мусьские, только на мусьские души тóни делили. ПРИМ.**

Так как до 1964 г. пенсий в деревнях не было, престарелые родители находились на иждивении детей. Считалось, что именно младший сын должен «докармливать» родителей, заботиться о них до смерти: *Самой младшой кормилец был. ЛЕШ*. Потеря кормильца грозила нищетой, голодной смертью. Существует много примет, связанных с пищей, хлебом, говорящих о потере кормильца: *Кормильца не будёт, если крошки из рóту падают. Кормильца под старость не будёт. ЛЕШ*. Ср. с этим близкую по смыслу примету потери кормильцев, но уже не со стороны родителей, а со стороны детей: *Как чего ешь, так надо не оставлять, а то, грят, от матери останесся, мать умрёт. КАРГ. Мы едим, закусает, а нам: доедай, а то останешся от отца, от матери. КАРГ*. Младшего сына называли *кормильцем, хлебцами*: *Рóдится, например, мальчик – вот это мои хлебцы, до конца докормят. ПИН*. В последнее время ситуация изменилась, и *хлебцами* может

оказаться не только сын, но и дочь: *Тамарка – это мои хлебци. Она последышек, она хлебци. ПИН.*

С малолетства детей приучали к работе, считали, что мальчик, парень обязан всего добиваться сам: *Поговорка была: «Не запасай сыну, не худому, не хорошему: хороший дак сам наживёт, а худой дак и твоё всё проест».* КОН. В связи с отсутствием в деревне постоянной работы, в последние десятилетия резко усилился отток сельских жителей в города. Старики скучают по детям: *Из глаз уедут, а от сердца-то у матери – никогда! ЛЕШ.*

Районы Архангельской области. Список сокращений

В-Т.	Верхнетоемский	МЕЗ.	Мезенский
ВИЛ.	Вилегодский	ОНЕЖ.	Онежский
ВИН.	Виноградовский	ПИН.	Пинежский
КАРГ.	Каргопольский	ПЛЕС.	Плесецкий
КОН.	Коношский	ПРИМ.	Приморский
КОТЛ.	Котласский	УСТЬ.	Устьянский
КРАСН.	Красноборский	ХОЛМ.	Холмогорский
ЛЕН.	Ленский	ШЕНК.	Шенкурский
ЛЕШ.	Лешуконский		

Литература

АОС – Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г. Гецовой; Е.А. Нефедовой. Вып. 1–23. М., 1980-2022–. Изд. продолжается.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. Бодуэна де Куртенэ. Т. I–IV. М., 1994 (репринтное воспроизведение 1903–1909 гг.).

КАОС – Картотека «Архангельского областного словаря». МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, каф. русского языка, архив кабинета русской диалектологии.

Качинская И.Б. Малому не наиграться, старому не належаться, середка годов не наробиться: половозрастная стратификация и термины родства в архангельских говорах // Русское слово и костромской край: сб. статей / Отв. ред. Н.С. Ганцовская, О.Н. Крылова. СПб., 2013. 142–148.

- Качинская И.Б. Термины заместительного родства в архангельских говорах // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2016. Вып. 4 (36). 5–12.
- Коконова А.Б. Сколотари и беззаконники: внебрачные дети в севернорусской народной культуре в свете семантических оппозиций // Алгебра родства. Вып. 12. СПб., 2009. 291–299.
- Коконова А.Б. Рождение и смерть в пространстве диалекта: дис. ... канд. филол. наук. М., МГУ, 2011.
- Обратный словарь архангельских говоров / Под ред. О.Г. Гецевой. М., 2006.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л., СПб., 1965–2021–. Вып. 1–52–. (изд. продолж.).
- Толстая С.М. Категория родства в этнолингвистической перспективе (вместо предисловия) // Категория родства в языке и культуре / Отв. ред. С.М. Толстая. М., 2009. 7–22.
- Трубачев О.Н. История славянских терминов родства. М., 1959.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4-х тт. / Пер. с немецкого и доп. чл.-кор. АН СССР. О.Н. Трубачева. Изд. 2-е. М., 1984–1986.

А.Б. Коконова

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва
(annakokonova@gmail.com)

**Номинации незаконнорожденных детей
по локальному признаку
(на материале архангельских говоров)**

Исследование проведено на материале Архангельского областного словаря (АОС), его картотеки и электронной базы данных, а также включает полевые записи автора.

Добрачная беременность и рождение детей вне брака являются событиями, относящимися к периферии обрядовой народной культуры. Известно, что замужество и рождение детей, закреплённые соответствующими обрядами, расцениваются как «правильные», следовательно, положительные события; то же, что обрядом не закреплёно, объявляется чужим, «неправильным», отрицательным.

Внебрачный ребенок «в народной культуре считался существом маргинальным в силу своего происхождения» [Кабакова 2009: 414], поэтому неудивительно, что для детей, рождённых вне брака, существует большое количество наименований, различающихся моделями номинации. В данной статье речь пойдет о модели номинации, связанной с локальным признаком (место зачатия). Этот признак реализован в образных номинациях, представляющих зачатие незаконнорожденного ребенка как тайное, связанное с углом, воротами, забором. Такую ситуацию описывают фраземы *за углом сделать, за углом заколотить, за углом соорудить, за углом найти, по-за углах тереться*:

Зауголок – за уго́лом зъде́лан, незаконный дак. А нынь фсе́ за уго́лом де́лают. Зако́ло́нён где́-то за уго́лом – зако́ло́док. За́ углом со-стро́йен – зауго́лыш. Выбля́док, зауго́льник - за уго́лом нашлá. Ты веть у ма́тери вы́пороток, зауго́льник, по-за уго́лках те́релась дак.

Угол в народных представлениях обладает рядом важных признаков. С одной стороны, «углы маркировали границу «свое-

го», внутреннего пространства», с другой стороны, «как наиболее далекая от центра точка жилища и замкнутое с двух сторон пространство <...> угол воспринимается как культурная периферия» [Агапкина 2012: 341]. Кроме того, «угол дома как пограничное пространство считался местом обитания нечистой силы» [там же: 343]. Получается, что в номинациях незаконных детей, связанных с углом, фиксируются представления о том, что зачатие произошло не в сакральном пространстве дома, следовательно, и сам ребенок мыслится как чужой, ненужный, относящийся к сфере враждебных человеку духов.

Номинации незаконнорожденных детей, образованные от корня **-угол-**, в архангельских говорах очень разнообразны:

Завгól:

С кѣм каг заспóрит да засодóмит, таг завгóлок зовúт, фсѣ завгól, уш Кóля не скáжут.

завугóлок:

Фсѣ надѣланы, завугóлок – беззакóники-то.

заугóлок:

Заугóлок - незаконнорóжденное дитя, от незаконовó оцá. Дѣвушка родилá без мúжа - вó, говорят, заугóлка родилá. Без мúжа принеслá - вóт, заугóлка принеслá. Не возьмѣт з двумя заугóлками – оди́н йего́ф, а друго́й с Петрозавóцкова привезѣн. Заугóлок скáжут, у когó оцá нѣ было, звáли по óцесву – Богдáновиць, бóg дáл, знáчит. Заугóлок бýл у Натáшки. Йещѣ двá заугóлка у нѣй йѣсь – от солдáтоф нагуля́ла.

Отрицательная оценка, заключенная в наименовании, может усиливаться с помощью прилагательного: *Сколóтной ребѣнок, заугóлок околóтной – скóлок, сколóтной.*

С другой стороны, фиксируется и уменьшительно-ласкательная форма **заугóлочек**, которая показывает, что отношение к незаконным детям могло быть и не резко отрицательным:

Хоть и под охáпки не ходила, а заугóлоцькоф мнóго было. Увóйкают, дак ф потпóльйе закопáют заугóлоцька-то. Óн дѣвужке сы́на смáстерил – заугóлоцька.

заугóлыш:

Óй, у йѣй заугóлыш – óн без оцá нáжыт. Заугóлыш, заугóлышник – незаконно здѣлан ребѣнок. Найдѣныш, заугóлыш – он без оцá. Заугóлыш вершби́ньской, «заугóлыш» да «заугóлына пáлка».

зауго́льник:

Йе́сь тако́йе, йих зауго́льникоф – по́льная дере́вня. Ска́жут: зауго́льник. Ну́, зауго́льника родила́. Или ска́жут: э́тот йейо́ зауго́льник. Ра́с незаконнорожде́ный дак. Зауго́льники, фсе́ зову́т вы́блятки ра́ньшэ. Сколо́ток – зауго́льник, зауго́лок. Зауго́лыш, зауго́льник – незаконно зы́делан ребёнок. Зауго́льники – кото́рых дете́й нагуля́ют.

заугле́нок:

Была́ бы она́ не борда́чьная дак, у йей фсе́ заугля́та. Две́ до́щери – заугля́та, беззако́нники дак, оуця́-то не́ было.

заугле́тина:

А́х ты зауго́лок, заугле́тина, сколо́ток ты! О́х ты заугле́тина! И сколо́тком назову́т. Сколо́ток называ́еця, зауго́лок, о́-о, заугле́тина! «Заугле́тина» ска́жут.

В составе неоднословной номинации встречаются такие варианты, как *зауго́льная па́лка* или *зауго́льная добы́ча*: *Зауго́лыш, да зауго́льна па́лка. Зауго́льна добы́ця*. Слово «палка» в данном случае отсылает нас к эвфемистическому названию мужского полового органа. Как отмечает И.Б. Качинская, «основная мотивация здесь – нечто выступающее, имеющее значительную длину, способное ударять, бить, проникать» [Качинская 2018: 80]. Таким образом, внебрачный ребенок выступает как существо, возникшее в результате незаконного полового акта. Слово «добыча» также отсылает нас к недопустимому поведению матери: ребенка не родили, как положено, а добыли за углом. Одно из значений глагола «добыть», зафиксированное в АОС, ‘извлечь, вытащить при родах’: *Йего́ ме́ртва дббы́ли да ста́ли оддува́ть. Она́ телёнка до́лго не могла́ добы́сь. Ве́дь жыво́го дббы́ли*. Возможно, в случае с внебрачным рождением ребенка словосочетание *зауго́льная добы́ча* говорит нам и о трудности появления такого младенца, ведь мать вынуждена скрываться, прятаться от всеобщего осуждения, возможно, рожать в одиночестве, без помощи близких.

Действия женщины, родившей ребенка вне брака, описываются словосочетаниями *принести́ зауго́лка, наноси́ть зауго́лков, зауго́лыша принести́, зауго́льников наноси́ть*:

Ма́ма фсе́ ду́мала, па́рни ходя́т, вдру́к зауго́лка прине́су. Позо́рно бы́ло зауго́лка прине́сти́, а тепе́рь зауго́лкоф нано́сят – ма́терь с

ощём водись, принесут, и фсё – куда денессе?! Теперь каг заугóлка принесут – плóтят. Нанóсят бат ребят заугóльникоф. Ты-то мно́го сама́ наносила заугóльникоф.

Женщину, родившую вне брака, называют *заугольницей*:

Заугóльници – когда дéвушки с ребятами ходят. За углами-то любóющца, дак скажут: виш, заугóльници.

В характеризующем внебрачного ребенка выражении *за углóm найден* образ, лежащий в основе глагола *найти́*, представлен в развернутом виде: ребенка не хотели, не ждали, он появился на свет случайно, его как бы нашли за углом. Е. А. Нефедова отмечает, что «угол в сознании носителей говоров ассоциируется с удаленностью, заброшенностью, маргинальностью» [Нефедова 2019: 256], то есть трактуемая фраза снова отсылает нас к идее чуждости незаконного ребенка.

Резко отрицательная оценка явления рождения детей вне брака приводит к возникновению значения ‘озорной, непослушный ребенок’:

А у на́з «заугóлок» бранят ребетишок, óх каки́ заугóлки! «Парасы́тки» фсё убежали, «заугóлки» ещё. Мáлой штó ли назлит, говорят, óй, заугóлок! Óй ты, заугóлок! Óд заугóльшы какийе, ницего не боя́ще, таки, зна́еш, сурóвы ребята, нецего́ не боя́ще. Иш, корóву-то не гóнят заугóльшы погáны! Óд заугóльшы опéдь забéгали, зашумéли, заревéли! Заугóльшы – очьяяны дак. Парни́шка не слóшаца, от рук одбился – вóт, скажут, заугóльш. Фсё по угла́м бéгают, прятáющца, вóт, скажут, заугóльшы! Ребятá напрокáзят, старúхи заругáющца – заугóльшы!

Реже встречаются номинации, образованные от корней -**ворот-** и -**забор-**. Они также указывают, что ситуация зачатия ребенка является не освященной обрядом, а потому происходящей тайно, вне дома. «Ворота – объект и локус ритуалов, связанных с символикой границы между «своим» пространством (домом и двором) и «чужим», внешним миром» [Виноградова, Толстая 1995: 438], значит, зачатие ребенка за воротами собственно дома маркирует его статус незаконного. Можно также вспомнить обычай мазать дегтем ворота девушки, не сохранившей свою честь до брака. Забор обладает сходной символикой: он также является границей между «своим» и «чужим» пространством. Л. Н. Виноградова и С. М. Толстая отмечают, что «в тра-

диционных верованиях забор и выход за его пределы <...> метафорически связывается с коитусом и деторождением (главным образом – внебрачным, незаконным)» [Виноградова, Толстая 1999: 230].

заворóтышек: Спí, сколóтышок, заворóтышок – по-фсáякому бáйкама.

подзабóрник: В ругани даг звáли заугóльник, подзабóрник.

Номинации, связанные с углом, забором и воротами, несомненно, в первую очередь указывают на место зачатия – вне дома. М.М. Угрюмова считает, что, «желая подчеркнуть статус внебрачного ребенка, языковое сознание носителей традиционной культуры на словообразовательном уровне эксплицирует его через номинации, семантика которых противопоставлена идее дома» [Угрюмова 2012].

Но есть и другая точка зрения. Д. А. Баранов «локальные» номинации незаконнорожденных детей трактует следующим образом: «Неполнота родственных связей, «привязывающих» такого ребенка к миру людей, имеет своим следствием представление о нем как о части природы, неизвестной находке, обнаруженной взрослыми» [Баранов 1999: 80], таким образом, исследователь сближает «пространственные» номинации с номинациями от глагола *найти*, также очень частотными в лексико-семантической группе «Внебрачные дети¹».

Интересно, что в послевоенное время диалектоносители оценивают подобные резко отрицательные номинации внебрачных детей иронически, уже не придавая большого значения сакральности брака:

Фсе дéти, никовó на божни́цэ вить не зьдéлали. Фсе дéланы на дивáнах или на кровáтых, на божни́цу никто́ не залéс, ребéнка не сострéпал. Бывáло, я помню, ба́бушка говорíла: «Заугóльник не заугóльник, а на божни́цэ никовó, говорít, не зьдéлали». Заугóлыша

¹ Подробнее о других наименованиях внебрачных детей см. Коконова А.Б. *Сколотари и беззаконники: ситуация рождения детей вне брака в северной народной культуре в свете семантических оппозиций. // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования 2007) / Институт лингвистических исследований. Часть 1. СПб, «Наука», 2007. с. 333-341*

принесла́ опять, ну́, да и ты́ не на божни́це де́лан. Зауго́лок! Зауго́лок! А она́ йему́: «И ты́ не на божни́це де́лан!».

Новое отношение к явлению становится предпосылкой для образования новых номинаций:

А тепе́рь говоря́т «любонача́денный», по любви́ зде́ланный, не́т ни сколо́тков ужэ́, ни зауго́лкоф.

Выражение благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (номер проекта №23-18-00027 от 15.05.2023 г. Архангельский областной словарь: вып. 24, 25, 26).

Литература

- Агапкина Т.А. Угол // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого. Том 5. М.: Международные отношения, 2012, 341-345
- АОС: Архангельский областной словарь. 1–23–. М., 1980–2022 (изд. продолж.).
- Баранов Д. А. Образ ребенка в представлениях русских о зачатии и рождении (по этнографическим, фольклорным и лингвистическим материалам). Дисс...к.и.н., СПб, 1999.
- Виноградова Л.Н., Толстая С.М. Ворота // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого. Том 1. М.: Международные отношения, 1995, 438-442
- Виноградова Л.Н., Толстая С.М. Забор // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого. Том 2. М.: Международные отношения, 1999, 230-232
- Кабаква Г. И. Ребенок внебрачный // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого. Том 3. М.: Международные отношения, 2004, 414-415
- Качинская И.Б. Народная эротика в эвфемизмах (по материалам архангельских говоров): Часть 2. Мужские половые органы // Palaeoslavica XXVI/2018 №1, Cambridge, 2018, 56-96
- Коконова А.Б. РОЖДЕНИЕ и СМЕРТЬ в пространстве диалекта. Дисс...к.ф.н., М., 2011.
- Нефедова Е.А. Изба без углов не бывает // Славянский сборник: язык, литература, культура. М.: Макс-пресс, 2019, 249-257

Угрюмова М.М. Номинации внебрачного ребенка в говорах Среднего Приобья: лингвокультурологический аспект [Электронный ресурс] // Ломоносов-2012: материалы Международного молодежного научного форума / отв. ред. А. И. Андреев [и др.] – Электрон. дан. – М.: Макс-пресс, 2012

Т.А. Михайлова
Институт языкознания РАН, РГГУ, Москва
(tamih.msu@mail.ru)

Кельтские дети: эволюция возрастной классификации в зеркале языка¹

Стоящее в названии доклада слово *deti* неоднозначно. Так, детьми могут называться как потомки X, так и социо-возрастная группа, не достигшая стадии «взрослости». Как правило, в языках в данном случае наблюдается колексификация, приводящая иногда к коммуникативным сбоям. Островные кельтские языки, однако, данные понятия различают, но указанное семантическое нюансирование возникло постепенно и не может быть унаследовано от кельтской языковой общности.

Континентальные кельтские данные, несмотря на ограниченность языковой фиксированности, содержат однозначные свидетельства о существовании лексем, обозначающих сына и дочь. В галльском широко представлена лексема *gnatos* ‘сын’ (< **gen-*) в разных падежах и на разных уровнях фонетической эволюции: несколько раз встречается вокатив в формах *gnate*, *nate*, и номинатив: *gnatos*, *mon gnat* ‘мой сын’ [Delamarre 2003: 181]. Ср. также из латинского глоссария: *gnatus* - *filius lingua Gallica* (цит. по [Whatmough 1970: 568]). Лексема в галльском никогда не выступает в составе патронима.

В кельтиберском также встречается лексема, образованная от той же и.-е. основы: *kentis* (ср. имя на тессере: *lubos aualo kentis* ‘Лубос Авала сын’), употребляющаяся в составе патронима.

Аналогичным образом в галльском образована генетически тождественная форма для обозначения дочери: *gnata*, *nata*, *geneta* (многочисленные примеры - см. в нашей работе [Михайлова

¹ Исследование поддержано грантом РФФ № 22-28-00072 «Стратегии номинации в области базовой зоо- и антропонимической лексики в языках Евразии».

2010]), причем контекстуальный анализ позволяет предположить, что если *gantos* имеет скорее значение ‘сын’, то *gnata* объединяет семантику «дочь» и «девушка».

В то же время в галльском засвидетельствована основа *mapo-* скорее со значением ‘юноша, молодой человек’, встречающаяся в теониме *Maronos* (на свинцовой табличке из Шамальера, о котором см. Lambert 1979: 146-148), а также в составе имен собственных.

Лексема возводится к обще-кельтскому **mak^wo-* с не совсем однозначной этимологией (см. например [Szemerényi 1977: 19; Schmidt 1979; Matasović 2009: 253]).

Ранние островные кельтские языки (гойдельский, бриттские диалекты) дают иную картину обозначений сына и дочери, не тождественную семантически, но родственную континентальным данным этимологически.

Так, для обозначений сына и в древнеирландском, и в средневаллийском используется все та же лексема *map /mass* (в гойдельском, судя по форме ауслаута, произошла геминация: **mak^wo-* > **mak^wk^wo-*, о чем свидетельствует отсутствие финального спиранта *-h*, ср., например, развитие *ek^wo-* > *ech* ‘конь’). Ранние данные демонстрируют наличие колексификации «сын, мальчик, юноша» как в ирландском², так и в валлийском. Так, лексема *MACCI* (gen. sg.) регулярно встречается в огамических надписях, надгробных текстах, датируемых примерно IV-VI вв. н.э. Причем, что интересно, «сын» начинает употребляться в составе патронима: X сын Y’a. Значение ‘сын’ также фиксируется в саговых нарративах и в текстах религиозного содержания (*Mass Dé* ‘сын Божий’). В то же время, *mass* часто обозначает мальчика, юношу. Ср., например, из «Похищения быка из Куальнге»:

... **mac** bec doringni in gním sain... - маленький мальчик, который совершил этот подвиг...³

Лексема также имеет значение ‘ребенок’ (независимо от пола), которое она получает в композитах, например: *massbratt*

² При *lenab-lelap* - ‘младенец’.

³ О детских подвигах (*mass-gním*) эпического героя Кухулина.

‘детская одежда’. Ср. также собирательный дериватив: *maccrad* ‘юношество, дети’ (ср. русск. *внуки* как рл. от *внук* и *внучка*).

Ср. также употребление во фразеологии: например – *mass ala* – «сын скалы» – ‘эхо’, *mass leigind* – «сын чтения» – ‘студент, ученик, клирик’, *mass tire* – «сын земли» – ‘волк’.

Аналогичные употребления фиксируются и для валлийского *mar* (позднее *tab*): лексема также формирует патроним, что само по себе заслуживает отдельного исследования (зафиксированные в латинской эпиграфике Британии II-IV вв. бриттские имена образуют патронимы еще по галльскому образцу: X + Y, gen.; наличие аналогичных моделей «Y сын X’а» в гойдельских огамиических надписях делает маловероятным предположение об инокультурном влиянии).

Валлийское также *mar* используется для обозначения и сына, и мальчика. Ср. интересный пример из валлийского эпоса «Мабиногион» (*Mabinogion*, само название содержит тот же корень и предположительно означает «повести для юношей»):

‘Panham’, heb yr Efnissyen, ‘na daw uy nei, **uab** uy chwaer, attaf i? /.../ A chyuoði y uunyd, a chymryt y **mab** erwyd y traet... - Почему, - сказал Эвниссын, - не подходит ко мне мой племянник, **сын** моей сестры, /.../ Он поднялся и схватил **мальчика** за ногу....

Лексема также используется для образования патронимов и также имеет переносные значения (имеющий отношение к чему-л., например *tab caru* «сын любви» – ‘возлюбленный’). Она также на раннем этапе применяется к детям обоего пола. Ср. также совр. брет. *mabig* ‘ребенок’ (букв. «сынок»), также употребляющееся независимо от пола).

Постепенно в обеих ветвях островных кельтских языков происходит развитие и расширение семантики, и понятия «сын» и «мальчик» утрачивают тождественность (т.е. поло-возрастная классификация углубляется). Возникает, с одной стороны, потребность оформления патронимики (см. выше), с другой – обозначения не взрослого юноши, пол которого выражен, но который еще не имеет оснований считаться членом общества. Др.ирл. *mass* сужает свое значение до ‘сын’ и образовавшуюся семантическую нишу заполняет лексема *buachail* (ср. брет. *bugel* ‘ребенок’), образованная от др.ирл. *bó caill* букв. ‘корово-следящий,

пастух' (датируется примерно XIV-XV в.). В данном случае фиксируется неординарно направленные семантический сдвиг: *слуга* → *мальчик*⁴. Валлийский язык, в котором также возникла необходимость обозначения понятия «мальчик», пошел по другому пути семантической деривации и образовал лексему *bachgen* 'мальчик' из *bach* 'маленький', реализовав другую возможность семантического перехода (ср. русск. *мальчик*). Видимо, аналогичная семантическая ниша возникает и в бретонском, в котором в XV-XVI в. начинает фиксироваться лексема *paotr* 'мальчик, слуга', заимствованная из старо-франц. *palton* 'бродяга'.

Сужение значения ирландской лексики *mass* до 'сын' образовало еще одну семантическую нишу, которая оказалась заполненной уже поздним норманнским заимствованием: *page* 'паж, слуга' > *páiste* 'ребенок'. Таким образом мы вновь видим «работающий» механизм семантической фреквенталии: *слуга* → *ребенок*, обусловленной нюансированием поло-возрастной стратификации социума и необходимостью обозначения нового понятия: ребенок среднего возраста, несовершеннолетний.

В островных кельтских обозначениях «девочки, дочери» есть свои сложности.

Так, основным словом для др.ирл. «девочка» было *ingen*, имеющее параллели в континентальном кельтском. С старое индоевропейское обозначение *дочери* (**dhugH* [Szemerényi 1977: 21] либо **dhuǵ(h₂)-tér* [Mallory, Adams 2006: 472]) сохранилось в др.ирл. *der* 'дочь, девушка', представленном в композитах и представляющее собой сокращенную форму и.-е. основы, "an *allegro-form*" [Matasović 2009: 110]). Лексема *ingen*⁵ вытеснила в гойдельском и.-е. обозначение дочери и до начала средне-ирл. периода имела широкую семантику – «дочь, девушка, девочка, молодая женщина», она также лежала в основе патронимии и со-

⁴ Ср. переход # 0057 *boy* → *servant* DatSemShift (36 реализаций), несомненно нуждающийся в дополнении и коррекции направления перехода.

⁵ Предположительно - бриттское заимствование, о чем см. в [Михайлова 2010].

хранилась в ирландских фамилиях в сокращенной форме *Ní* до настоящего времени. Аналогично гойдельскому «сыну», постепенно она была оттеснена в область терминологии родства и семантическая ниша для «девочки, девушки» была занята лексемой *cailín* с исходной семантикой «служанка». То есть мы вновь можем зафиксировать нетипичный семантический сдвиг в рамках того же поля: *слуга/служанка* → *мальчик/девочка*.

В валлийском мы находим продолжение основы **gen-*: *geneth* «девочка, девушка» (при *merch* «дочь» < ОК **merkka*, ср. лит. *mergà* «девушка, служанка»). Спирантизация в ауслaute валлийского *geneth* позволяет вывести исходную прото-бриттскую форму с вторичной (видимо – экспрессивной) геминатой: **genettā* (см. [Morris Jones 1913: 133]). В валлийском семантический сдвиг, разделяющий понятия «девочка» и «дочь», либо произошел раньше, либо засвидетельствованные средне-валлийские данные относятся к более позднему периоду, по крайней мере зафиксированные в текстах лексемы *merch* «дочь» и *geneth* «девочка, девушка» в средне-валлийских текстах не находятся в конкурирующей семантической позиции.

Несколько иначе обстоит дело в бретонском. С одной стороны, в языке фиксируется бриттское *merh* в значении «дочь». С другой, значение «девушка, девочка» получает лексема *plac'h*, предположительное заимствование из старофранц. продолжения лат. *pēllex* «наложница, любовница», причем семантическое поле лексемы вновь включает как «девушку», так и «служанку»(!). Реконструируемое направление семантики при этом: *наложница* → *рабыня* → *служанка* → *девушка*.

Как пишет о поло-возрастной стратификации и соответствующей семантической деривации В.А.Попов, «Как известно, использование терминов, обозначавших первоначально детей, юношей, девушек и неиницированных, для номинации лиц низкого социального положения (рабов, зависимых, подчиненных) – универсальное явление в истории социального развития. Поэтому не удивительно, что у аканов термин *абоффра* (дитя) получил еще значения: *слуга, зависимый; аkoa* (дитя) – *раб, слуга* и т.п.; *абаа-ва* (молодая женщина) – *служанка; абасимма* (молодая женщина) – *низшая, простая* и др.» [Попов 1981: 95]. Да, это не удивительно.

Удивительнее другое: по данным островных кельтских языков, с поразительной регулярностью фиксируется семантический переход с обратным направлением деривации: от несомненного 'слуги' ('служанки') или шире - лица, пораженного в правах ('наложница') происходит 'мальчик' ('девочка') и шире - 'ребенок'. Ср. также русск. *ребенок*, в котором О.С. Трубачев, в отличие от других исследователей, предлагает видеть «традиционную» семантическую деривацию: 'дитя. маленький' > 'раб, работать' [Трубачев 2006: 40]. Как можно объяснить данный феномен? Так, с одной стороны, возможно, мы имеем дело с так называемой «скрытой полисемией», которая переходит в план выражения при соответствующем развитии общества и возникновении семантической ниши. Но, как пишет об этом Е.В. Падучева, скрытая полисемия в данном случае лежит уже не в сфере языка, но в области мышления, поэтому при сходстве стереотипов возникают и аналогичные уже чисто языковые семантические приращения (см. [Падучева 2004: 173]). С другой стороны (не противоречащей, строго говоря, первой интерпретации), семантические поля «слуги» и «ребенка» содержат в себе общую составляющую; идею зависимости и бесправия, не полной социальной ценности, чем и могут быть обусловлены соответствующие семантические переходы, возникающие - по смежности.

Особый интерес представляет семантическое развитие лат. *planta* 'поросль, посадки' в островном кельтском. В валл. *plant* имеет значение 'дети', причем и как собирательное понятие (дети по отношению к родителям), и как pl. от *plentyn* 'ребенок как не взрослый' (сингулятив, вторично образованный уже в рамках развития собственно валлийского). В ирландском же языке данное раннее заимствование ($p > k$) дало лексему *cland* > *clann*, получившую в качестве основного значение 'совокупность детей по отношению к родителям, потомки'. На раннем этапе оно представлялось синонимичным *maicc* 'сыновья', ср. например, названия саг, трактующих один и тот же сюжет: *Longas mac nUisnig* - «Изгнание сыновей Уснеха» и *Aided cloinne nUisnig* «Смерть детей Уснеха». В то же время в языке глосс оно употребляется как

синоним к *cenél* ‘племя’. Ср. например, глоссу к Посланию к Тимофею (2-му):

... *admoneo te ut resuscites gratiam Dei* («...напоминаю тебе возгревать дар Божий») *i. hóbb mo chland et mo chenéel* - с тех пор, как появилось мое потомство и мой род.

В шотландском значение ‘род’ сохранилось и стало употребительным в сочетании с фамилиями (*clann Domhnall* - род Домналлов. или - МакДоналдс), и именно в этом значении было затем заимствовано в английском, первая фиксация - в XVII в. (у Мильтона). А затем уже появились «мафиозные кланы».

В современном ирландском языке лексема отчасти сохраняет значение ‘род, потомки’ и даже получает значение ‘последователи’ (ср. *clann Lúitair* ‘протестанты’, букв. «потомки Лютера»), однако в первую очередь используется для обозначения детей по отношению к родителям. Ср. примеры из словаря П. Диннина: *an bhfuil aoinne clainne asa?* - *есть ли у них хотя бы один ребенок?* (букв.: единственный из детей); *clann mhac* - сын, *clann inghean* - дочь [Dinneen 1927: 200]. И таким образом, отмеченная нами в начале неоднозначность понятия «дети» для языка ирландского не актуальна.

Литература

- Михайлова Т.А. *Дочь – девочка: динамика семантических скачков от континентального кельтского к поздним островным данным // Текст и язык в переходные эпохи. Материалы круглого стола. 26 октября 2010 г. М., Тезаурус, 2010, 27-32.*
- Падучева Е.В. *Динамические модели в семантике лексики. М., Языки славянской культуры, 2004.*
- Попов В.А. *Половозрастная стратификация и возрастные классы древнеаканского общества: к постановке проблемы // Советская этнография, 1981, № 6, 89-97.*
- Трубачев О.С. *История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М.: URSS, 2006.*
- Delamarre X., *Dictionnaire de la langue gauloise. Une approche linguistique du vieux-celtic continental. Paris: edition errance, 2003.*

- Dinneen P.S. *Foclóir Gaedhilge agus Béarla. An Irish-English Dictionary*. Dublin: The Irish Texts Society, 1927.
- Lambert P.-Y. *La tablette gauloise de Chamalières // Études celtiques*, vol. 16, 1979, 141-169.
- Mallory J.P., Adams D.Q. *The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World*. Oxford, 2006.
- Matasović R. *Etymological Dictionary of Proto-Celtic*. Leiden: Brill, 2009.
- Morris Jones J. *A Welsh Grammar*. Oxford: Oxford University Press, 1913.
- Schmidt K.H. *Zur Entwicklung einiger indogermanischer Verwandtschaftsnamen im Keltischen // Études celtiques*, vol. 16, 1979, 117-122.
- Szemerényi O. *Studies in the Kinship Terminology of the Indo-European Languages with Special Reference to Indian, Iranian, Greek and Latin. Acta Iranica 16*. Leiden, 1977.
- Whatmough J. *The Dialects of Ancient Gaul*. Cambridge: Harvard University Press, 1970.

Маленький Ганс и другие: Дети в психоанализе

1.

Маленький Ганс - герой работы Фрейда «Анализ фобии пятилетнего мальчика» - он боялся больших лошадей, которых отождествлял с отцом [Фрейд 1990]. В 1972 году Жиль Делёз и Феликс Гваттари критиковали Фрейда в книге «Анти-Эдип», утверждая, что он навязывал маленькому Гансу Эдипов комплекс [Делёз-Гваттари 2007]. Пятилетний мальчик Ганс страдал навязчивой фобией — боязнью больших белых лошадей, которых отождествлял с отцом. Обратим внимание на устойчивую связь между детской сексуальностью и воображаемыми животными-монстрами, которые сняты мальчику или которых он выдумывает. Приведем диалог между Гансом и его отцом, помогавшим Фрейду проводить анализ и терапию невроза своего сына:

На следующее утро я начинаю его усовещивать, чтобы узнать, за чем он ночью пришел к нам. После некоторого сопротивления развивается следующий диалог, который я сейчас же стенографически записываю.

Он: «Ночью в комнате был один большой и другой измятый жираф, и большой поднял крик, потому что я отнял у него измятого. Потом он перестал кричать, а потом я сел на измятого жирафа».

Я, с удивлением: «Что? Измятый жираф? Как это было?»

Он: «Да». Быстро приносит бумагу, быстро мнет и говорит мне: «Вот так он был измят».

Я: «И ты сел на измятого жирафа? Как?» Он это мне опять показывает и садится на пол.

Я: «Зачем же ты пришел в комнату?»

Он: «Этого я сам не знаю».

Я: «Ты боялся?»

Он: «Нет, как будто нет».

Я: «Тебе снились жирафы?»

Он: «Нет, не снились; я себе это думал, все это я себе думал, проснулся я уже раньше».

Я: «Что же это должно значить: измятый жираф? Ведь ты знаешь, что жирафа нельзя смять, как кусок бумаги».

Он: «Это я знаю. Я себе так думал. Этого даже не бывает на свете. (Примеч. Фрейда: Ганс на своем языке определенно заявляет, что это была фантазия.) Измятый жираф совсем лежал на полу, а я его взял себе, взял руками».

Я: «Что, разве можно такого большого жирафа взять руками?»

Он: «Я взял руками измятого».

Я: «А где в это время был большой?»

Он: «Большой-то стоял дальше, в сторонке».

Я: «А что ты сделал с измятым?»

Он: «Я его немножко подержал в руках, пока большой перестал кричать, а потом сел на него».

Я: «А зачем большой кричал?»

Он: «Потому что я у него отнял измятого».

Большой жираф — это я (большой пенис, длинная шея), измятый жираф — моя жена (ее половые органы), и все это — результат моего разъяснения.

Кроме того, изображения жирафа и слона висят над его кроватью. Все вместе есть репродукция сцены, повторяющейся в последнее время почти каждое утро. Ганс приходит утром к нам, и моя жена не может удержаться, чтобы не взять его на несколько минут к себе в кровать. Тут я обыкновенно начинаю убеждать ее не делать этого («большой жираф кричал, потому что я отнял у него измятого»), а она с раздражением мне отвечает, что это бессмысленно, что одна минута не может иметь последствий и т. д. После этого Ганс остается у нее на короткое время («тогда большой жираф перестал кричать, и тогда я сел на измятого жирафа»).

Разрешение этой семейной сцены, транспонированной на жизнь жирафов, сводится к следующему: ночью у него появилось сильное стремление к матери, к ее ласкам, ее половому органу, и поэтому он пришел в спальню. Все это продолжение его боязни лошадей [Фрейд 1990: 56-57].

Вспомним, какую большую роль играют вымышленные, виртуальные животные-монстры в «Винни Пухе» (далее - В.П.): Woozle, Heffalump (Слонопотам), Busy Backson (Щасвирунус), Jag ular (оказавшийся Тиггером).

То, что эти вымышленные животные имеют агрессивный характер, что они полны, по словам Поросенка, Враждебных Намерений,

рений, не вызывает сомнений. Ниже мы покажем, что они имеют сексуальный, анально-фаллический характер.

История с Heffalump'ом начинается с того, что Кристофер Робин сам подкидывает эту идею Пуху и Поросенку (заметим, что реальному Кристоферу Милну (род. в 1920 г.) было примерно столько же лет, сколько Гансу, когда А. Милн писал *ВП*), вытесняя его из своего сознания:

Однажды, когда Кристофер Робин, Winnie Пух и Поросенок вместе проводили время за разговорами, Кристофер Робин перестал жевать травинку и как бы между прочим говорит: «Знаешь, Поросенок, я сегодня видел Heffalump'a».

«Что же он делал?», спрашивает Поросенок. «Просто фланировал в одиночестве», говорит Кристофер Робин. «Не думаю, чтобы он меня заметил».

Таким образом, Heffalump предстает как некая загадка, некая неразрешенная проблема. Что такое Heffalump? Безусловно, что-то большое (как слон — elephant), агрессивное, дикое и необузданное. Его надо поймать, обуздать. Это пока все, что мы о нем знаем, так как его на самом деле никто не видел. Здесь на помощь вновь приходит работа Фрейда о Гансе, где обсуждается немецкое слово Lumpf (ср. Heffalump), обозначающее экскременты, нечто вроде 'какашка, колбаска', анальный заместитель мужского полового органа. Аналогия между Lumpf и Heffalump поддерживается тем, что в английском языке слово lump означает 'глыба, ком, огромный кусок, большое количество, куча, чурбан, обрубок, опухоль, шишка'. Итак, Heffalump — это нечто огромное, набухшее, набрякшее, короче говоря, это фаллос [Руднев 1994: 45]. Подтверждает ли текст эту интерпретацию? Мысль поймать Heffalump'a завладевает Пухом и Поросенком всецело. Они решают вырыть яму (ср. ниже о норе как синониме вульвы и пролезании в нору как субституции полового акта и рождения), чтобы Heffalump угодил в нее. Пух и Поросенок символически разыгрывают здесь половой акт. Отношения между ними латентно сексуальные, они все время падают друг на друга. Пух — активное, мужское начало, Поросенок — очень маленькое и слабое, трусливое животное, полностью лишенное мужских признаков.

Heffalump предстает как сексуальный соперник, или субститут, Пуха, поедающий его священную пищу (мёд), в которого Пух символически превращается, отведав пищи, оскверненной им. Для Поросенка этот страшный и агрессивный фаллос — Heffalump (еще одна символическая этимология этого слова) является одновременно привлекающим и отталкивающим (страх дефлорации):

Что такое был этот Heffalump?

Был ли он Свиреп?

Приходил ли он на свист?

И как он приходил?

Нежен ли он вообще с Поросятами?

Если он нежен с Поросятами, то *Смотря с Какими Поросятами?*

2.

Мелани Кляйн в статье «Значение формирования символа в развитии Эго» анализирует случай ранней шизофрении четырехлетнего мальчика Дика, который был сильно задержан в своем развитии, он едва умел говорить: «В основном он просто издавал бессмысленные звуки, то и дело что-то выкрикивая. Когда он говорил, он обычно неверно использовал свой небогатый словарный запас, <...> иногда он повторял слова верно, но повторял их непрерывно, как заведенный, до тех пор, пока всем вокруг не становилось от этого худо» [Кляйн 2001: 75]. Далее Мелани Кляйн пишет:

Из анализа Дика я поняла, что причиной необычного торможения развития было неудачное прохождение тех первых стадий, о которых я говорила в начале статьи. У Дика была полная и, по-видимому, конституциональная неспособность Эго переносить тревогу. Гениталии начали играть роль очень рано; это вызвало преждевременную и чрезмерную идентификацию с объектом нападения и способствовало появлению столь же преждевременной защиты от садизма. Эго перестало развивать фантазийную жизнь и устанавливать отношения с реальностью. Едва начавшись, формирование символа у этого ребенка застопорилось [Там же: 77].

Но что понимает Мелани Кляйн под символом? Она далее пишет: Двери и замки символизировали вход и выход из ее (матери. – В. Р.) тела, тогда как дверные ручки символизировали отцовский и собственный пенис. Таким образом, страх перед тем, что с ним бу-

дет сделано (в частности, отцовским пенисом) после того, как он проникнет в материнское тело, остановил формирование символа. <...> Необычайная трудность, которую мне пришлось преодолеть в анализе, заключалась не в нарушении речевой способности. В игровой технике, которая занимается символическими репрезентациями ребенка и дает доступ к его тревоге и чувству вины, мы в основном можем обходиться без вербальных ассоциаций. <...> Поскольку в его психике отсутствовало эмоциональное или символическое отношения к ним (объектам. - В. Р.), то все его случайные действия с объектами не были окрашены фантазией и потому их нельзя рассматривать как символические интерпретацию. Отсутствие у него интереса к окружению и трудности в установлении контакта с его психикой являлись исключительно результатом отсутствия символического отношения к вещам [Там же 77-78].

3.

Истерическое начало у ребенка возникает на фоне достаточно зрелых объектных отношений. Да, отношения зрелые, это так, но пользуется будущий истерик ими незрело. Он не устанавливает какой-то определенности в отношениях с матерью и отцом, он примыкает то к матери против отца, то к отцу против матери. На это можно возразить, почему обязательно нужно вступать в конфликт с кем-то, почему нельзя всем троим жить дружно? По-видимому, это универсальный социально-психологический закон. Например, в политике, для того чтобы возможна была демократия, необходимо минимум две партии, которые вступают в конфликт между собой, в борьбу за избирателя и за власть - потому что конфликт это развитие. Между республиканцами и демократами может не быть большой разницы, но жизненное пространство утроено так, что они должны конфликтовать в борьбе за избирателя. И вот две партии - это аналог отца и матери, а избиратель - аналог нашего маленького субъекта. Он все время голосует, и ему нужно сделать выбор, потому что жизнь так утроена. Избиратель не может голосовать одновременно за демократов и за республиканцев. Точно так же ребенок не может одинаково любить отца и мать, он должен сделать выбор. Это и есть то наименьшее

зло, которое дает эта демократия объектных отношений. Но если партия только одна - это ведет к тоталитаризму, аналогом чего служат диадные объектные отношения. Когда выбирать не из кого, никакой демократии не получится. Таким образом, тоталитарный режим - аналог психоза (недаром почти все тоталитарные лидеры были психотиками или околоспсихотиками), а демократический режим аналог невроза: здесь все не гладко, но все-таки жить можно. И вот будущий истерический невротик не знает, за кого ему голосовать, он примыкает то к одной партии, то к другой. Другими словами, он при зрелых объектных отношениях пользуется незрелой плавающей идентичностью: он не знает определенно, чей он сын (или дочь) мамин или папин (Поэтому неслучаен стандартный вопрос, который обычно задают ребенку Эдипова возраста: «Ты кого больше любишь, маму или папу?». За этим как будто бы внешне бессмысленным вопросом стоит огромная психологическая проблематика.) Почему это происходит? Потому что истерия формируется в период фаллической стадии, когда временно архаическая аксиологическая модальность вновь (после деонтических норм анального периода) занимает первое место - любование своим фаллосом - аналог позднейшей истерической инфантильной позы, демонстративности, как говорят характерологи. Истерик перескакивает через анальную фазу, он как-то ее незаметно проходит и из аксиологической оральности сразу попадает в фаллическую аксиологию. Что же касается анальной фазы, то здесь как раз наибольшую актуальность приобретают деонтические нормы «должно - нельзя» - здесь властвует отец. Если ребенок зафиксируется на этой стадии, он станет обсессивной личностью и последующая фаллическая стадии пройдет для него незамеченной. Это будет человек нормы. И это перегиб в другую сторону, как если бы избиратель всю жизнь голосовал только за республиканцев, не вдаваясь в суть дела, просто потому что так поступали в его семье. Эта негибкая, вязкая позиция обсессивного невротика противопоставлена сверхгибкой безответствен-

ной позиции истерического субъекта. Истерик голосует за того, кто больше его любит. То есть предпочтения обсессивного - это предпочтения, диктуемые моралью; он так делает, потому что так надо, а истерик поступает определенным образом, потому что ему так хочется. В результате и то и другое является ненормальным перегибом - мы знаем, как страдают истерики и как страдают ананкасты.

Но что же можно предложить взамен? Что означает зрелую позицию? Что такое нормальный человек, в конце концов? Нормальный человек - это такой человек, у которого деонтические нормы не перевешивают аксиологические удовольствия, другими словами, это такой человек, у которого Суперэго (совпадающее со сферой норм) и Ид (совпадающее со сферой удовольствий) живут в согласии и гармонии. Конечно, такое положение вещей - идеал. Всегда в каждом человеке есть либо истерический перегиб, либо обсессивный, либо и того и другого понемножку. Но если того или другого самую малость - это и есть не идеализированная, а реальная зрелая личность - у нее есть и нормы, и аксиологические радости. Такие люди проходят испытание в детстве Эдиповым комплексом, разрешают, избывают его и уходят дальше в своем развитии, не зафиксированные ни на том, ни на другом, ни на третьем. Или, что чаще, зафиксированные, но только слегка, на всем понемножку.

Литература

- Делёз Ж., Гваттари Ф. АнтиЭдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.
- Кляйн М. Развитие в психоанализе. М.: Наука, 2001.
- Руднев В. Винни Пух и философия обыденного языка. М.: Гнозис, 1994.
- Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1990.

М.М. Руссо
Институт языкознания РАН
(maks.rousseau@gmail.com)

Дети в базе данных семантических переходов (DatSemShifts)¹

Данный текст написан с целью создать полезный для других исследователей путеводитель по семантическому полю 'ребенок' в «Базе данных семантических переходов в языках мира» (<https://datsemshift.ru>, далее DatSemShifts). Также эта работа позволит оценить степень разработанности этой тематики в DatSemShifts и определить направления дальнейших поисков.

Информация о DatSemShifts содержится в работах [Zalizniak 2008, 2018; Zalizniak et al. 2012; Gruntov, Rykov 2023]. Для дальнейшего изложения существенно, что для проявления семантического перехода в конкретном языке в DatSemShifts используется термин **реализация**, причем реализациями могут быть не только случаи лексической полисемии, но и морфологическая деривация (нгарди *ita* 'маленький', *ita-ita* 'дети'), семантическое отношение между когнатами в родственных языках (чокто *chipota* 'маленький' и чикасо *chipota* 'ребенок') или внутри одного языка (пуэльче *gišciχ* 'маленький' и *gisčix* 'ребенок'), семантическая эволюция (ср.-англ. *gyrle* 'ребенок любого пола' → англ. *girl* 'девочка') и некоторые другие.

Концептуальный арсенал базы включает семантические ярлыки 'ребенок (по возрасту)' и 'ребенок (сын или дочь)', 'мальчик', 'девочка', 'внук', 'ребенок до крещения' 'сирота'

¹Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект 22-18-00586 «Построение типологии полисемии с применением частично-автоматизированной системы кросс-языковой идентификации семантических переходов»).

‘новорожденный’, ‘незаконнорожденный ребенок’. Семантический переход ‘ребенок (по возрасту)’ — ‘ребенок (сын или дочь)’ один из самых распространенных случаев многозначности в языках мира (на август 2023 года в DatSemShifts представлен 87 реализациями и занимает восьмое место по количеству реализаций среди всех переходов в базе данных), поэтому особый интерес представляет поиск языков, в которых данная полисемия отсутствует. К таким языкам относится грузинский, где *švili* отражает только отношение к родителям, но не юный возраст, для которого используется слово *bavšvi*. В древнеанглийском аналогичное распределение существовало между словами *bearn* и *ċild*, что отражалось и в производных словах, например, *bearnliest* ‘бездетность’ и *ċildhād* ‘детство’. Аналогично в суахили *mwana* vs. *mtoto*, тайском *lūuk* vs. *dèk*, нгарди *ngarlayi* vs. *jingka*, *kurdu*, *lamparn*. В ряде языков для обозначения ребенка по отношению к родителям предпочитают термины ‘сын’ и ‘дочь’, а не общий термин ‘ребенок’ (исп. *hijo*, *hija* vs. *chico*, *chica*, *niño*, *niña*, итал. *figlio*, *figlia* vs. *bambino*, *bambina*). Из-за частой полисемии ‘ребенок (по возрасту)’ / ‘ребенок (сын или дочь)’ нередки случаи, когда в других семантических переходах невозможно определить, какое из этих двух значений входит в переход, поэтому в DatSemShifts предусмотрен и общий ярлык ‘ребенок’, объединяющий оба значения.

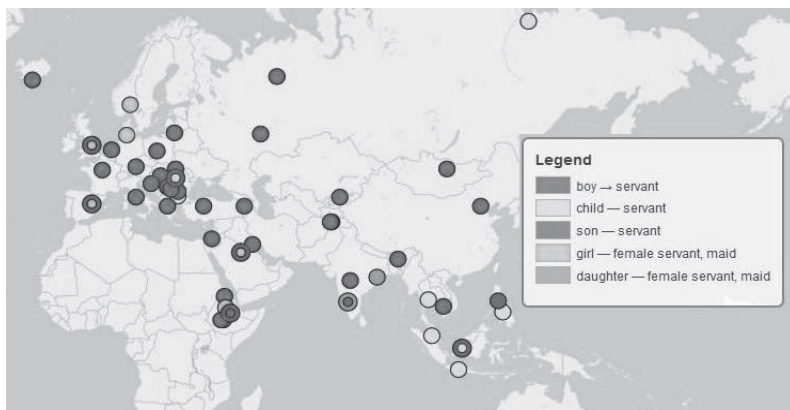
Среди распространенных семантических переходов в данной области ‘детеныш животного’ ↔ ‘ребенок’ (34 реализации), ‘мальчик’ → ‘сын’ (46), ‘девочка’ → ‘дочь’ (31), ‘мальчик’ — ‘ребенок’ (33), сын — ребенок (19), ребенок → девочка (5). Направление перехода в большинстве реализаций невозможно определить из-за тесной связи значений, исключения редки, например, румейск. *pedъы* ‘сын’ ← др.-греч. *παῖδιον* ‘ребенок’. Примечательно, что переход ‘ребенок’ ↔ ‘дочь’ может происходить в обоих направлениях зафиксирован только в одном направлении: тамил. *taka* ‘(устар., книжн.) ребенок’, → ‘(разг.) дочь’, тув. *yuyug* ‘ребенок’, ‘дочь’ из пратюрк. **uigug* ‘семья; поколение, родственник, ребенок’ [ЭСТЯ 1: 604-606], с другой стороны монг. *хүүхэд* ‘дети’, которое представляет собой мн. ч. от *хүүхэн* ‘девочка, девушка’.

Наиболее частым источником значения 'ребенок' выступает 'маленький' (49 реализаций). Частотный переход 'ребенок' ↔ 'отросток растения' (варианты 'ветка', 'побочный побег' представляет интерес наличием в нем обоих направлений изменения значения. С одной стороны, ребенок метафорически может представляться как ветвь или отросток. К таким случаям относятся рус. *отпрыск* (*растение размножается корневыми отпрысками* и *отпрыск знатного рода*), исп. *retoño* 'отросток', разг. 'ребенок', исп. *vástago* 'отросток, побег растения', 'потомок', фр. *rejeton*, яки *vasiula* 'потомок, побег растения' из *vaso* 'трава', абуи *bilel* 'потомок, ребенок' из 'побег растения'. Лат. *planta* 'саженец, побег' было заимствовано в кельтские языки в значении 'дети', др.-валл. *plant*, др.-ирл. *cland, clann* 'потомство', позже 'клан'. С другой стороны, ветка или побег растения может метафорически описываться как ребенок: словен. *otròk* 'ребенок', 'побочный побег, побочный стебель', англ. *sucker* 'детеныш, которого кормят грудным молоком', 'отросток, ветка, боковой побег', лат. *fetus* 'потомство, молодняк, дети', 'побег, отпрыск', гавайск. *keiki* 'ребенок', 'побочный побег, отросток', монск. *kon* 'ребенок', 'молодой побег' санскр. *śíśu* 'ребенок', 'молодое растение' В некоторых случаях направление перехода определить не удастся: малак-малак *pulk* 'дети', 'ветка', баму *mere* 'ребенок', 'побочный побег', чебуано *batà* 'ребенок', 'росток'. Разновидностями этого перехода можно счесть варианты 'приемный ребенок' → 'побочный побег' (рус. *пасынок* в знач. 'побочный побег') и 'незаконнорожденный ребенок' → 'побочный побег' (арм. диал. *biç* 'незаконнорожденный', 'нежелательный стебель, растущий из корней или нижней части ствола растения', тур. *piç* 'незаконнорожденный', 'побочный стебель', рум. *copil* 'ребенок' (изнач. 'незаконнорожденный ребенок'), 'боковой побег растения'), ср. также каталан. *bord* 'незаконнорожденный ребенок', 'дичок, непривитый сеянец плодового дерева'. Данные переходы связаны с распространенным «растительным кодом» родства [Толстая 2009: 442].

Другим источником значения 'ребенок' выступают слова со значением 'немой', 'тот, кто не говорит' Как синхронная полисемия этот переход присутствует в лат. *infans* из *fans* 'говорящий',

как деривация в укр. *немовля*, белор. *немаўля*, чеш. *nemluvně*, пол. *niemowle*, *niemowlak*, *niemowlątko*. Также праслав. *отъгокъ, для которого предполагается происхождение из отрицательной приставки *ot- и *гокъ из *rekti ‘говорить’, хотя зафиксированные рефлексy *отъгокъ в славянских языках и не имеют значения ‘не говорящий’ [ЭССЯ 38, 126-131]. Считается, что др.-гр. *νήπιος* ‘ребенок’ содержит отрицательную приставку *νη-*, но корень слова неясен, по одной из версий это *ῥεος* ‘речь’ [Strong 1890]. Возможны два объяснения этой мотивации. Во-первых, изначальным значением может быть ‘младенец, который еще не умеет говорить’, во-вторых слово может указывать на социальный статус ребенка, который еще не имеет права высказываться.

В языках Юго-Восточной Азии (тайский, лаосский, илокано) в качестве метафорических обозначений ребенка используются слова со значением ‘мышь’. В трех географически далеких друг от друга языках засвидетельствована полисемия ‘ребенок/яйцо’ (гавайский, каювава, кайнганг).

Положение детей в системе традиционных социальных отношений отражаются в ‘мальчик’ → ‘слуга’ (43), ‘девочка’ → ‘служанка’ (7), ‘дочь’ → ‘служанка’ (2), ‘сын’ → ‘слуга’ (3), ‘ребенок’ → ‘слуга’ (9), ‘ребенок’ → ‘подчиненный’ (1), ‘ребенок’ → ‘протееже’ (2). Модель характерна для Старого Света и пока не отмечена в Америке, Австралии и Африке (за исключением языков Эфиопии). В тамильском, испанском и португаль-

ском существует переход 'ребенок' → 'принц'.

Для значения 'новорожденный' выявлены переходы 'красный' → 'новорожденный' (в японском, тайском, малайском, китайском, яванском, лаосском, индонезийском, шанском, ветарском, восточном увеа, эмаэ, нукуману, самоа, такуу, тикопиа, пилени, якутском, казахском, кыргызском, алтайском хакасском, бурятском, монгольском и австралийских языках варнман и нгарди, см. [Федотова и др. 2023: 99-100]) и 'мягкий' → 'новорожденный'. Последний представлен в австралийских языках малак-малак (*duem* 'мягкий', 'новорожденный') и тиви (*turlungata*, *tuwulingata* 'краб после линьки с еще мягким панцирем', 'новорожденный').

Для значения 'близнец' примечателен переход 'близнецы' → 'сдвоенный плод, цветок, колос'. Он отмечен в каталонском (о плодах), нидерландском (о плодах), тайском (о плодах, цветах), монгондоу (о бананах), каян (о бананах), белорусском (о колосьях) и болгарском (о колосьях). В языке чебуано *singin* 'сдвоенный плод' используется также в значении 'сиамские близнецы'.

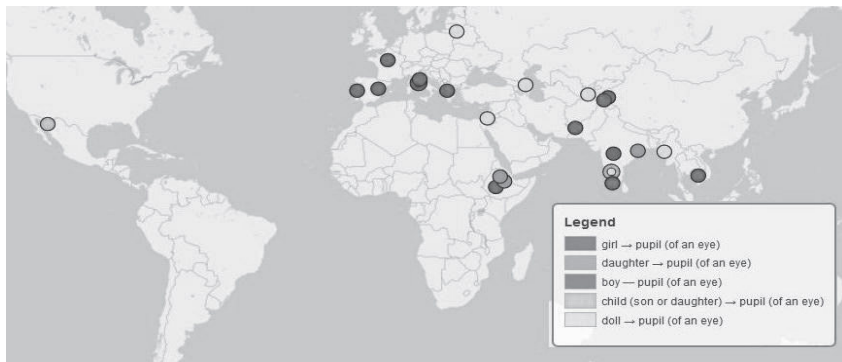
Значение 'сирота' связано семантическими переходами со значениями 'бедный, нищий' (12). Другие значения, связанные со значением 'сирота' это 'батрак' (4), 'вдова' (3). Как источник оно присутствует в переходе 'сирота' → 'уникальный' (совр. лит. араб. *yatīm*-, ср. нем. *Waise* 'холостая строка, нерифмованная строчка среди рифмованных', букв. 'сирота'. В близкородственных австралийских языках гамилараай, йуваалараай и йуваалайаай *gunidjaa* 'сирота' обозначает также вид птиц — маскового сорокопутового личинкоеда (*Coracina novaehollandiae*), так как черные пятна на голове птицы напоминают ритуальный рисунок глиной или пеплом, который наносит на лицо человек в знак траура по умершему родителю [Ash et al. 2003: 96].

Для значения 'незаконнорожденный ребенок' характерны семантические переходы от названий животных или растений: рус. диал. *баранчик*, удэг. *тукса* букв. 'заяц', луг.-мар. *мерангиге* 'зайчик', нивх. *меугай оула* 'ящерица-ребенок', аккад. *līdānu* 'детеныш животного', мехри *farḥ*, сокотри *forḥ*, джиббали *ferḥ* (из класс. араб. *farḥ*- 'цыпленок, птенец' [SED II No. 179]), рус. диал. *капустничек*, *кративник*, укр. диал. *кративник*, *покропивник*,

монг. *бутач* (от *бут* 'куст'), удм. *сяська* 'цветок', см. также [Кабакова 2009: 414].

У народов, исповедующих христианство, существуют специфические семантические переходы для выражение значений 'некрещеный ребенок' 'ребенок, умерший до крещения'. Самый характерный из них производит слова с данным значением от слов, обозначающих представителя иной национальности: исп. *togo*, итал. *тауро*, *тогo*, порт. *тоуро*, *тоиро* букв. 'мавр', рус. диал. *лоп* букв. 'саам', болг. *еврейче*, *помачета* 'помак, болгарин-мусульманин', серб. *турче*, *бугарче*, *влашче*, *циганчица*, или язычника: исп., итал. *рагано*, серб. *поганче* [Кабакова 1999: 86; Рождение ребенка 1999: 286, 320, 337].

Часть переходов отражает метафорическое использование обозначений ребенка, например, 'ребенок' → 'мизинец'. Интересен переход 'ребенок' → 'проценты с капитала': др.греч. *тоκος*, кит. *zì, zǐ* (子), монг. *хүү*, амхар. *wälläd*, курух *khadd*, пайван *alvak*, илокано *anáк*, батак-тоба *anak*, рембонг *anak*, в форме деривации нгайю-даяк *anak rear* 'дети-деньги', ибан *anak duit*, малагасийск. *anak-anaka*, малайск. *anak uaη*, ниас *ono gana?a*, дайри-пакпак батак *теη-anak-i*, балийск. *m-anak-aη*, индонез. *anak-an*, яван. *anak-an*, сасак *anak-aη*, ср. также амхар. *wällädä* 'рожать', 'приносить проценты (о капитале)', индонез. *temperanakkan* 'рожать', 'ссужать деньги под проценты'.

Группа близких переходов содержит семантические источники значения 'зрачок': 'девочка' → 'зрачок'(11), 'кукла' → 'зрачок'(6), 'мальчик' → 'зрачок' (1), 'ребенок' → 'зрачок'(3),

‘дочь’ → ‘зрачок’(3). Переходы данного типа распространены на протяженной полосе от Западной Европы до Южной и Юго-Восточной Азии. В языке яки (север Мексики) такой переход мог возникнуть под влиянием испанского *niña*.

Литература

- Кабакова Г. И. Дети некрещеные // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 2. М., 1999.
- Кабакова Г. И. Ребенок внебрачный // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 4. М., 2009.
- Рождение ребенка в обычаях и обрядах. Страны зарубежной Европы. М., Наука, 1999.
- Толстая С. М. Род, родство // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 4. М., 2009.
- Федотова И. В., Прокопьева А. К., Шамаева А. Е., Тимофеева А. В. Якутские обозначения младенца и основные стратегии номинации новорожденного ребенка в тюркских языках // Урало-алтайские исследования. № 2 (49), 2023, 96–111.
- ЭССЯ - Этимологический словарь славянских языков. Прагский лексический фонд. М., 1974 —.
- ЭСТЯ - Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974.
- Ash A., Giacón J., Lissarrague A. Gamilaraay, Yuwaalaraay, & Yuwaalayaay Dictionary IAD Press, 2003
- DatSemShifts Zalizniak A. et al (2003-2023). "Database of Semantic Shifts". Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. <https://datsemshift.ru/>.
- Gruntov I., Rykov E. Computer-assisted detection of typologically relevant semantic shifts in world languages // Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference “Dialogue” (2023). Issue 22, 161-171
- SED II Militarev A., Kogan L. Semitic Etymological Dictionary. Vol. II. Animal Names. Münster 2005.
- Strong, James The Exhaustive Concordance of the Bible Cincinnati: Jennings & Graham. 1890. Online version

<https://www.blueletterbible.org/lexicon/g3516/kjv/tr/0-1/>.

- Zalizniak Anna A., M. Bulakh, D. Ganenkov, I. Gruntov, T. Maisak, M. Russo. The Catalogue of Semantic Shifts as a Database for Semantic Typology // M. Koptjevskaja-Tamm, M. Vanhove (eds.) New directions in lexical typology. Linguistics, a special issue. 2012. Volume 50, Issue 3, 633–669.
- Zalizniak Anna A. A Catalogue of Semantic Shifts: towards a Typology of Semantic Derivation // Vanhove M. (ed.) From Polysemy to Semantic Change Towards a typology of lexical semantic associations. Amsterdam. 2008. 217–232.
- Zalizniak, Anna A. The Catalogue of Semantic Shifts: 20 Years Later. // Russian Journal of Linguistics. Vol. 22, № 4 (2018). 770-787.

И.А. Седакова

Институт славяноведения РАН, Москва
(ised@mail.ru)

Категория пространства в «тексте рождения» болгар¹

Под «текстом рождения» в статье понимается весь комплекс народных представлений, поверий, ритуалов, запретов и рекомендаций, связанных с появлением ребенка на свет в «этнографическом прошлом» Болгарии. Родины как мифологический и семиотический текст разворачиваются во времени и пространстве — от зачатия до первых ритуалов социализации ребенка. Исполнение ритуалов и соблюдение запретов и рекомендаций призваны уберечь ребенка от всего негативного в жизни и смоделировать его нормальное и благополучное развитие. Специфические черты и свойства личности, аномалии во взрослом возрасте объясняются обстоятельствами зачатия, рождения, нарушением правил, причем хронотоп играет в этом важную роль.

В «текст рождения» вписано немало конкретных темпоральных и пространственных параметров, которые служат судьбообразующими и влияющими на жизненный путь человека. Время — магистральная тема в «тексте рождения», оно обозначено во всех компонентах родильной обрядности. Известны темпоральные запреты на сексуальные контакты, чтобы не был зачат неполноценный ребенок; по часу, дню недели, сезону рождения предсказывают будущее младенца; имя подбирается в соответствии с календарем и другими темпоральными обстоятельствами; обряды детской инициации приурочиваются к праздникам и пр. [Цивьян 1982, Седакова 2011]. Пространство, на первый взгляд, не так значимо, как время, однако анализ опубликованных, архивных (в

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-18-00365 «Семиотические модели в кросскультурном пространстве: Balcano-Balto-Slavica», <https://rscf.ru/project/22-18-00365/>

том числе собственных полевых [ЛА] этнографических, фольклорных и языковых данных позволяет воссоздать ландшафтный рисунок в родильных обрядах и отметить знаковые точки.

Традиционно маркированные в народных представлениях локусы (дом, двор, окно, дверь, порог, перекресток и др.) в родильной обрядности нередко получают специфический семиотический статус. Они включаются в конкретные пространственные противопоставления «левый»/«правый», «ближний»/«дальний», «внутри»/«наружу», «верх»/«низ», «открытый»/«закрытый» и др., которые, в свою очередь, образуют более общие оппозиции «жизнь»/«смерть», «свой»/«чужой», «человеческое»/ «демоническое», «счастье»/«несчастье» [Иванов, Топоров 1974; Толстой 1987]. Позитивная или негативная оценка места в рамках этих оппозиций может меняться в зависимости от конкретных обстоятельств и соответствующих мотивировок, объясняющих запреты и рекомендации. «Левый» последовательно связывается с «женским» и «несчастливым», «правый» — с «мужским» и «удачливым», а «высокий» и «верх» получают противоположную оценку (см. ниже). Деление пространства на «свое» и «чужое» не всегда совпадает с представлениями о «безопасном» и «опасном», при его анализе необходимо принимать в учет и другие параметры. Так, домашнее помещение, где находятся младенец и его мать, считается «своим», «безопасным», однако в период 40 дней после рождения оно таит в себе определенные риски, связанные с демонами, которые могут или подменить ребенка, или умертвить.

Сложный комплекс народно-христианских взглядов дополняется собственно магической практикой, и именно здесь *месту* и *местам* уделяется особое внимание. Дохристианская, языческая картина мира апеллирует прежде всего к демонам, которые в родильных обрядах многочисленны — от духов специфических болезней рожениц (*лауси, нави, арменки*) до предсказательниц судьбы (*ориснищи, съденищи*). Кроме специализированных родинных демонов, в лиминальный период активизируется вся нечистая сила; поэтому к традиционно опасным местам при посещении присоединяются «неопасные» локусы — такие как, к примеру, постель и пространство под ней и около нее. Поэтому под кроватью помещали обереги (острые предметы), рассыпали просо

[Сакар 2002: 260], повитуха в течение трех дней после родов обходила постель кругом справа налево и окуривала ее, читая молитву [Родопи 1994: 128].

Мотивировки конкретизируются и содержательно соотносятся с основными интенциями всех обрядовых ситуаций, призванными обеспечить матери и младенцу жизнь и здоровье (в том числе сон и грудное молоко как основные условия для нормального развития), счастье и удачу. При анализе семиотики пространства можно выделить несколько направлений для анализа: исходить из собственно **локуса** (1) и его мифологии, полисемии и амбивалентности или изучать локусы, следуя **хронологии** родильной обрядности (2). Можно описывать также представленность одного пространственного параметра **в разных кодах** (3) и реконструировать **генезис** (4) семиотики локуса или пространственного параметра. Мы пунктирно обозначим эти стратегии.

1. Ритуальные действия или запреты, связанные с одним и тем же локусом или пространственным параметром, получают разные объяснения. Так, запрет сидеть на пороге во время беременности в одних регионах Болгарии обусловлен верой в то, что ребенка будут оговаривать, сплетничать о нем (буквальное прочтение метафорических выражений «выносить за порог»), игнорировать его, то есть «перешагивать» через него, как перешагивают через порог [Сакар 2002: 257]. В других же регионах верят, что у новорожденного будут чирьи, что соотносится с амбивалентным статусом порога, соединяющим «демоническое» и «человеческое» пространство [Родопи 1994: 122]. После родов до 40-го дня порог окуривают и кладут на него обереги «от нечистой силы» [Странджа 1996: 264]. На пороге (или в другом домашнем пространстве, например в углу) «запирают» грудное молоко, чтобы оно «не ушло из дома»: мать сцеживает на красную нить, которую прибивают к порогу [Родопи 1994: 129]. После крещения крестная мать трижды передает ребенка его матери через порог дома со словами «Некрещеного взяла, крещеного возвращаю», таким образом, пересекая границу между «чужим» и «своим», она обозначает изменение статуса ребенка, его приобщение к христианскому миру. Семантику границы дома приобретает и окно, которое в родильной обрядности связывается преимуще-

ственно с благополучием ребенка: именно через него передаются ребенку бессонница и болезненный крик, через него же от них и избавляются.

2. Хронологически место релевантно уже с момента зачатия/рождения (зачатие и рождение часто синонимичны в семиотическом плане и в плане интерпретации). Болгарам известен фразеологизм о болтливом человеке *направен/роден на воденицата* «зачат/рожден на водяной мельнице», то есть считалось, что место зачатия/рождения влияет на характер и судьбу ребенка. Подобным образом многие локусы ассоциировались с будущими занятиями новорожденного. При том что роды нередко проходили в поле, известны и рекомендации беременным специально рожать на ниве, чтобы ребенок стал удачливым земледельцем [Родопи 1994: 125].

В ритуалах с плацентой и пуповиной локусы также служили знаками будущих занятий ребенка. Плаценту девочки зарывали под плодовым деревом, чтобы она была сладкой, как яблоки, или под ароматными розами [Сакар 2002: 259]. Кроме того, плацента как «двойник ребенка» (Г. А. Кабакова) не должна была подвергнуться магическому воздействию. Повсеместно встречаются рекомендации зарывать плаценту во дворе на чистом месте, где не ходят собаки и куда не выливают помой [Ловешки край 1999: 350], поскольку верят, что если ее откопают, то могут навредить младенцу и его матери. Считается, что плацента связана с кормом младенца, поэтому ее бросают в реку «для молока» у матери [Родопи 1994: 127]. Известны поверья о связи плаценты с плодовитостью женщины, поэтому детское место зарывают в «мокрое» место, чтобы роженица «не усохла» и осталась плодовитой [Там же].

Пуповину помещали в такие места, которые ассоциировались с престижной или «нужной» профессией, — в школьный или церковный двор, в загон, чтобы новорожденный стал, соответственно, учителем, священником или удачливым животноводом. Документируется практика помещения пуповины под камень — «для здоровья», бросания в воду, чтобы «всё шло как по воде» [Родопи 1994: 127], причем пуповину девочки зарывали в «ближнем» пространстве — в доме или в саду, «чтобы не вышла

замуж далеко» [Сакар 2002: 259; Ловешки край 1999: 355]. Поверье, связывающее профессию с тем, куда брошена пуповина, и соответствующий фразеологизм *Там му е хвърлен пътят* («Туда брошена его пуповина») очень устойчивы и сохранились повсеместно в Болгарии до наших дней. Девушка, мечтавшая с детства стать журналисткой и ставшая ею, сообщила, что все ей говорили, что ее пуповина брошена перед Домом журналистов в Софии [ЛА 2018].

С судьбой ребенка связан и обряд первых шагов ребенка *процъпалник*, который концентрирует в себе реализацию метафоры «жизнь» — «путь» и транслирует идею появления на свет, а затем и взросления как движения (см. подробнее [Седакова 2007: 300–318]). Эти идеи реализуются в «тексте рождения» на всех этапах, ср.: если повитуху застали вне ее дома, ей запрещается заходить домой, нужно отправляться сразу к роженице [Родопи 1994: 126], поскольку возвращение, движение назад означает регресс и ассоциируется со смертью и несчастьем. То же самое относится и к пересечению пути — так, беременной не переходят дорогу [Родопи 1994: 122].

3. Интересна трансформация параметра «высокий» (о ребенке) в разных кодах — акциональном, атрибутивном, субъектном и вербальном. Так, обрядовый хлеб, выпеченный сразу после появления ребенка на свет, помещают на высокое место [Странджа 1996: 266], поднимают вверх [Там же: 183]; разламывая его, повитуха подпрыгивает [РКС 97]. Чтобы ребенок вырос высоким, на роль крестной матери выбирают высокую женщину [РКС 206], после крещения поднимают ребенка над головой [Там же]. При купании младенца приговаривают: *Долу вода, горе момченце* («Вода вниз, мальчик вверх») [РКС 114].

4. Маркирование локуса нередко обусловлено аллюзией к евангельскому тексту и столь характерному для родильной обрядности культу Богородицы. Местом рождения ребенка в селах служили хозяйственные постройки, причем в качестве мотивировки выступает прецедентный текст — именно в таких условиях появился на свет Иисус Христос. Это представление сочетается с распространенным желанием скрыть происходящее от членов

семьи, соседей и от вредоносных духов болезней, чтобы избежать осложнений [Седакова 2007: 171–187].

Часть мотивировок обусловлена непосредственно языком — фразеологией или семантикой мотивировок. Выражение «Рожден/зачат на водяной мельнице» соотносится с и.-е. метафорами речи как воды, потока, а говорения — как молотьбы. Еще один пример — полисемия болгарского глагола *вдигам се*, который означает ‘подниматься вверх’ и вместе с тем ‘исчезать’. Из-за того что молоко может «подняться, исчезнуть», роженице запрещалось смотреть вверх, на звезды; люльку не вешали выше уровня постели матери [Ловешки край 1999: 356–357]. То же самое относилось и к параметру «вдаль»: молодая мать не должна была провожать гостей даже взглядом — молоко могло уйти (болг. *да отиде*).

И наконец, о выборе имени («знака знаков») для новорожденного. Пространственные объекты, как и оттопонимические и др. антропонимы, хотя и фиксируются в болгарском именовании, но, в сравнении с темпоральными параметрами, не так часто. Рождение в день церковного двенадцатого праздника или почитания христианского святого требует прецедентного именованья ребенка, что создает определенные конфликты в семьях, где принято называть ребенка в честь старших родственников (подробнее с цитированием нарративов см. [Седакова 2007: 113–114]). Локусы в истории имянаречения фигурируют реже. Место рождения стало знаковым для выбора имени у моего информанта из с. Сеслав Разградской области 1948 г. р., который, согласно семейному нарративу, родился в пути — и мать дала ему имя *Друм* (общеебалканский грецизм, из греч. *δρόμος* ‘путь, дорога’) [ЛА 2014].

Можно говорить о довольно поздней распространившейся тенденции в имени ребенка закреплять знаковую для родителей географическую точку. Так, отмечаются памятные точки, связанные с важными событиями в жизни, с романтическими поездками (*Критка* от *Крит*, *Океан* и др. [Илчев 1969: 17]), с ландшафтом детства (*Вая* по названию реки на юге Болгарии, где выросла мать девочки, подробнее см. [Седакова 2023: 21]).

Имя в его региональной привязанности (некоторые антропони́мы характерны для определенных областей, различаются даже в соседних селах) через пространственную маркированность служит знаком «своего» или «чужого» [Седакова 2007: 120–121; Младенов 2008].

Таким образом, пространственные параметры — неотъемлемые структурные компоненты, реализующиеся вербально и невербально, в комплексном «тексте рождения» болгар.

Литература и источники

Сокращения

ЛА — Личный архив И. А. Седаковой. Полевые записи в Болгарии 1995–2022.

РКС — Архив Ст. Романского (хранится в Софийском университете Климента Охридского, София, Болгария).

Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.: Наука, 1974.

Илчев Ст. Речник на личните и фамилни имена у българите. София: Изд-во на БАН, 1969.

Ловешки край. Материална и духовна култура. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 1999.

Младенов М. Съвременна лично-именна система в с. Спасово, Чирпанско // Младенов М. Диалектология. Балканистика. Етнолингвистика. Лингвистично наследство. София, 2008, 466–483.

Родопи. Традиционна народна духовна и социалнонормативна култура. София: Издателство на БАН, 1994.

Сакар. Етнографско, фолклорно и езиково изследване. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2002.

Седакова И. А. Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст. М.: Индрик, 2007.

Седакова И. А. Категория времени в славянском «тексте рождения»: зачатие и беременность // Пространство и время в языке и культуре. М.: Индрик, 2011, 181–198.

- Седакова И. А. Болгарский антропоним во времени и пространстве // Живая старина. № 3. М., 2023, 19–23.
- Странджа. Материална и духовна култура. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 1996.
- Толстой Н. И. О природе связей бинарных противопоставлений типа *правый — левый, мужской — женский* // Языки культуры и проблемы переводимости / Б. А. Успенский (отв. ред.). М.: Наука, 1987, 169–183.
- Цивьян Т. В. Пространство и время в балканских охранительных обрядах, связанных с рождением ребенка // Македонски фолклор, № 29–30. 1982, 117–123.

А. А. Смирнитская
Институт Востоковедения РАН, Москва
(nyushas@gmail.com)

Понятие *child* в дравидийских языках и его семантическое развитие¹

1. Введение

Настоящая работа посвящена анализу путей семантического развития слов со значением 'ребенок' в дравидийских языках. Рассматриваются выражения данного понятия в языках дравидийской языковой семьи, относящихся к различным подгруппам. При необходимости привлекаются к рассмотрению данные языков соседних народов, находящихся с дравидами в ситуации языкового контакта, преимущественно говорящих на индоевропейских языках. Основным методом для анализа данных в работе является методологический аппарат семантических переходов, разрабатываемый группой исследователей в Институте языкознания под рук. Анны А. Зализняк.

Вслед за Анной А. Зализняк под «семантическим переходом» мы понимаем наличие "концептуальной смежности между двумя языковыми значениями, проявляющейся в совмещении этих значений в пределах одного «слова в широком смысле»" [Зализняк 2013: 33], взятого в двух временных планах: как синхронное единство слова с его полисемией и как единство слова, взятого в историческом развитии. В Каталоге семантических переходов *DatSemShift* (ср. [Datsemshift 2023]), на настоящий момент собрано более 8300 подтвержденных семантических пере-

¹ Исследование поддержано грантом РНФ № 22-28-00072 «Стратегии номинации в области базовой зоо- и антропонимической лексики в языках Евразии».

ходов из более, чем 1600 языков мира. Для постулирования семантического перехода принимаются во внимание совмещения значений, реализованные одним из следующих типов: 1) синхронная полисемия, 2) диахроническая семантическая эволюция, 3) морфологическая деривация, 4) когнаты и 5) заимствования. Данная работа посвящена анализу семантических переходов в дравидийских языках, в которых участвует значение *child* «ребенок», как в функции значения-источника перехода, так и в функции значения-цели.

2. Выражение понятия *child* в дравидийских языках:

Основные формы, выражающие значение 'child' в современных нам языках дравидийской семьи, происходят из прадравидийских корней: ПДр **mayl*- 'child'; ПДр **pił*- 'young girl'; ПДр **kõz*- 'young, sprout' и ПДр **paC*- 'green, yellow, fresh' [Starling 2023]. Их семантическое развитие может быть иллюстрацией к нескольким классическим типологически распространенным случаям семантического развития, а именно *green* — *child*; *child* — *girl*; *child* — <*young plant*> и др. (направление в разных реализациях этой семантической связи может различаться).

Помимо этого, в выражении значения участвуют заимствования, в основном индоарийского происхождения, как например, в канн. *bāla* 'ребенок', 'мальчик'. Благодаря многовековому контакту с санскритом как языком передачи культурной традиции индуизма, число индоарийских заимствований, использующихся для передачи этого значения, достаточно велико. Многообразные выражения, с емантикой юности и детства, часто имеют санскритское происхождение. Встречаются также заимствования иранского происхождения, как в брахуи *zah* 'ребенок, детеныш' и др. В то же время основные, наиболее употребительные лексические единицы имеют дравидийское происхождение. Рассмотрим, как именно выражается это значение в конкретных языках.

2.1. Каннада

Значение *child* выражается, согласно имеющимся лексико-графическим источникам², лексемами *magu* (варианты *moga*, диал. *togu*, *toguvu*, устар. *magavu*) ‘ребенок, младенец, малыш’; *kūsu* ‘ребенок, малыш’; *taruvali* ‘маленький ребенок’ (ср. дериват *taruvalitana* ‘детство’); *pasu* ‘быть зеленым’, ‘молодой’, ‘ребенок, малыш’; *pasuḷa* / *pasuḷe* ‘ребенок’ (ср. также дериват *pasuḷetana* ‘детство’); *pāra 1* ‘ребенок, младенец, малыш’.

Интересна омонимия последней лексемы и *pāra 2* ‘зрачок глаза’, а также *pāra 3* ‘зло, грех, злонамеренный поступок’; ‘симпатия, сострадание’. Здесь вероятно когнитивная связь понятий ‘ребенок’ и ‘зрачок глаза’ – через отражение: в зрачке глаза собеседника отражается говорящий как маленький человечек. Наличие семантического перехода *child* → *pupil (of an eye)*, ID 3906, зафиксированного в базе данных и представленного в языках различных генетических групп (ср. напр. фр. *pupille* ‘зрачок’ из лат. *pupa* ‘девочка’, а также данные юто-ацтекских языков), а также родственного перехода *boy* – *pupil (of an eye)*, ID 0670, реализованного в санскрите, позволяет отвергнуть представление об этих лексемах как омонимичных, и признать их развитием полисемии, существовавшей на более раннем этапе. Интерес представляет семантическое соотношение «глаза» и «проклятия», ср. рус. *сглаз*, *дурной глаз*, реализуемое в каннада той же омонимичной, по мнению составителей словаря, лексемой, ср. переход *eye* → *devil eye*, ID 0474, встречающийся в разных языках.

Ср. также: *piḷḷa* (устар. *piḷḷu*, более частый вариант *piḷḷe*) ‘младенец, малыш, ребенок до пяти лет, детеныш любого животного’; ‘нечто маленькое, лилипут, карлик’; *pāra* ‘младенец, маленький ребенок’ (в диалекте гулбарга); *piṭṭāni* ‘младенец, маленький ребенок’ (от *piṭṭa* (adj) ‘маленький (по размеру)’, ‘маленький (по возрасту)’, ‘человек низкого роста’). Также *peṅḡusu* ‘ребенок женского пола, девочка’, ‘женщина’ [*peṅ* + *kūsu*]; *gaṭḍuḡusu* ‘ребенок мужского пола, мальчик’, ‘мужчина’; *makkaḷu* (устаревш. *takkaḷ*, *takkaḷir*) ‘дети’. Также драв. *mari* ‘детеныш животных и птиц (кроме буйволов и коров)’, ‘маленький

² Данные каннада: по словарю [Učida, Rajapurohit 2013].

ребенок'; диал. *haykaḷu* 'дети'; *hasu* 'зеленый', 'юный', 'ребенок, малыш, младенец' (когнат *pasu*, причем *hasuku* имеет значение 'неспелый', 'не полностью приготовленный', 'неприятный запах наполовину приготовленной пищи или неспелого фрукта'); устар. *hiḷḷu* (*hiḷḷe*) 'младенец, малыш' (тот же корень, что и *piḷḷe*). Также возможно словосложение дравидийских корней *hasugūsu* 'малыш' (*hasu* + *gūsu*).

Другие способы выражения значения child: словоформы санскритского происхождения *arb^haka* 'малыш, младенец'; *kaṃḍa* 'ребенок, малыш', 'эмоциональное обращение к младшему'; устар. *kaḷu* 'теленоч (буйвола или коровы)', 'ребенок'; *cilṭēri* 'ребенок, малыш', 'гном, карлик'; *ḍimpa* 'ребенок', 'детеныш животного'; *bāla* 'ребенок', 'мальчик', (adj) 'молодой и нежный (как овощи и т.д.)', 'молодой (о живых существах, включая человека' (санскр.) с дериватами *bālaka* 'мальчик, парень', *bālya* 'детство'); санскр. *śīśu* 'маленький мальчик, малыш' (ср. дериват *śīśusamrakṣaṇe* 'охрана детства').

Семантические переходы, в которых участвует значение child в языке каннада: child – man (male), ID 5170; green → child, ID 5097; child → term of address with endearment, ID 5131; child – pupil (of an eye), ID 3906; <young animal> ↔ child, 3494; little, small → child, ID 8334; child (son or daughter) — undercooked, ID 5200; son ↔ child, ID 4235; child (son or daughter) — dwarf, ID 5201; child → <small artifact>, ID 5028.

2.2. Тамильский язык

Значение **child** в тамильском выражают лексемы *piḷḷai*, *kuzantai*, а также менее употребительные *puru*, *iḷampīḷḷai*, *mākkal*, *māntar*, *māntar*³. В языке реализуются следующие семантические переходы: <young animal> ↔ child (son or daughter)⁴, ID 3494 со-

³ Тамильские лексические примеры приводятся, в основном, по тамильско-русскому словарю [Пятигорский, Рудин 1960] и русско-тамильскому [Андронов и др. 1989], и частично также по [Tamil Lexicon 1924–1936].

⁴ В статье в большинстве переходов участвует значение child (son or daughter), противопоставленное в базе данных Datsemshift значению

ответствует грамматикализация лексемы *pillai* в суффикс со значением "молодой детеныш животного или молодое растение": *aṇipillai* 'детеныш белки', *killipillai* 'детеныш попугая', *teṇṇampillai* 'молодой кокос', а также полисемия *maka*. Переход *child* – *man*, реализуется полисемией *makaṇ* в тамильском языке. Можно говорить о семантическом переходе *child* → *bridegroom*, ID 5189, основываясь на морфологической производности: *pillai* 'ребенок' – *māpillai* 'жених', а также о переходе *child* → *people*, ID 5087, основываясь на полисемии лексемы *makka!*.

2.3. Телугу

Значение *child* в телугу выражается лексемами⁵: *biḍa* 'child'; *pilla* 'ребенок' (ср. там. *pillai* 'child', 'son', 'youth', 'daughter', 'young of animals', тел. дериват *cinnapilla* 'childish'); *isu* 'child', 'infant', 'pupil'; *arbhakuḍu* 'infant', 'child'; *apatyamu* 'a child (male or female) offspring'; *santānamu* 'child'; *mūdhudu* 'ignorant man', 'fool', 'boy', 'child'; *boṭṭe* 'child'; *buruka* 'child'; *buḍuta* 'little one', 'child'; *paida* 'boy', 'child'; *pilla* 'child', 'babe', 'young girl', 'young one', 'offspring', 'shoot or young plant'; *pilla-kāya* 'child', 'little boy'; *pāra* 'child', 'pupil of the eye' (ср. *kaṅṭipāra*, см. также выше обсуждение в каннада, п. 2.2.); *paṭṭi* 'child', 'infant'; *duḍḍe* 'child', 'boy'; *tōkamu* из санскр. 'child', 'offspring'; *ṭṣūli* 'child', 'offspring', 'fruit' (ср. дериват от того же корня *ṭṣūlu* 'pregnancy'); *koṇḍika* 'infant', 'little boy', 'young'; дериваты *koṇḍikiḍi* 'little girl', *koṇḍikanāḍu* 'childhood'; *kurra* 'child', 'young one', 'boy' (также 'a young male buffalo'), *kurraḍa* 'young lad'; *kasu-kandu* 'a mere child', 'quite a child' (ср. префикс *kasu* со значением 'a little', а также адъективную форму *kasi*). Значение 'child' можно было бы также предположить у дериватов корня *chinna* 'small', 'short', 'young', 'narrow', 'insignificant', ср. [DEDR 2594], по сопоставлению с такими лексемами, как *chinna-kāru* 'childhood', 'youth' и

child (young person), и далее, если не указано дополнительно, под ярлыком ***child*** понимается именно *child* (son or daughter), см. [Datsemshift 2023].

⁵ Основной лексический материал телугу приводится по словарю [Brown 1884, 2011 updated], дополненному [Gwynn 1991].

др. Однако, среди однокоренных с *chinna* лексем мы не обнаружили прямого выражения значения ‘child’: *chinnadi* ‘little girl’, ‘little one’ и т.д., и при рассмотрении рефлексов ПДР *čīn- аналогично, их не было обнаружено, кроме, предположительно, формы *cunā* ‘child’ в брахуи (тж брахуи *cun-ak*).

В целом, значение child в материале телугу участвует в следующих семантических переходах child – son; boy ↔ CHILF, ID 7220; child – young of an animal, child (son or daughter) → daughter, ID 8346; child (son or daughter) — offspring, ID 4319; child (son or daughter) — baby, ID 5168; child (son or daughter) → <young plant>, ID 4856; child — girl, ID 8333; child → pupil (of an eye), ID 3906.

2.4. Гондванские языки:

Рассмотрим выражение данного значения в языках пенго, куи и манда из гондванской группы.

В пенго значение выражается лексемой *hīmṇa* ‘child’, ‘young of an animal’, употребляются также т.наз. слова-эхо, такие как *hīmṇa hūmṇi* ‘child’. Другой вариант выражения значения форма *kurnja* ‘young child’ [male], *kurnji* ‘female child’, а также *kelay* ‘foolish, silly child’; *cedla* ‘young child’. Встречается также многозначная форма *bopa* ‘child’, ‘son’, ‘boy’, ‘wife’s younger sister’s husband’.

В языке куи значение child выражается лексемой *mīḍa* ‘child, infant, offspring, the young of animal, bird, insect, or reptile, diminutive person or thing’, ср. *mīḍa bōda* ‘family’, вариант *mīla* ‘female child’. При этом отдельно употребляется и форма *bōda*, и полисемия здесь отражает семантический переход family → child (son or daughter), ID 5275. При этом рефлекс праморфы ПДР **mad_-i* ‘сын, ребенок’ (DED 4764) приобретают значение ‘сын’ и ‘дочь’: *mrāga* daughter, *mrāgaska* pl [Kuvī *māṅga*, pl *māska*]; *mṛehenju* (вариант *mṛīenju*) ‘man’, ‘boy’, ‘husband’.

Значение в языке манда выражается лексемами *hīmṇa* ‘a newborn baby’, ‘an infant’, ср. производное *hīmṇa-vākṛa* ‘child and childlike’ [a binominal], *hīmṇa tāya* ‘nursing mother’; также *irel hīmṇaṅ* ‘twins, two children’; *hīpra* ‘child’. Другой корень *kaḍde* имеет значение не ‘ребенок’, но ‘boy’, ‘son’, и однако в произ-

водном от него выражении можно увидеть значение ‘ребенок’: *kaḍḍe vēra* ‘boyhood’, ‘childhood’. Еще одна указываемая словом лексема - *pū* ‘child’, ‘son’.

Помимо этого, рефлексами праформы ПДР *rai- с этим значением в гондванских языках также, по-видимому, являются формы гонди *raiū*, конда *peya* ‘calf of either sex’.

Таким образом, в гондванских языках можно говорить о реализации семантических переходов: child – young animal, child – family, child – son, child – boy, child – newborn baby.

2.5. Центрально-дравидийские языки:

В языке парджи значение child выражается лексемой *rār* (pl. *rārkuḷ*; voc. *rārā*) ‘child’, ‘baby’, ‘young of animals’; тот же корень наблюдается в диалекте оллари гадаба *rār* ‘child, young one, small one (of articles)’, ср. *rārōṇḍi* ‘young, small, green (of fruit)’; *rē-rār* young calf; и в телугу *rāra* ‘infant, babe, child’.

В базе данных дравидийской этимологии корень возводится к праформе ПДР **rār*-, далее в результате упрощения консонантного кластера и редукции инлаутного –*r- превратившимся в *rār*- в центрально-дравидийских языках ср. ([Старостин 2000: 35], [Starling 2023]). В колами этот корень не наблюдается.

В колами значение выражается формой *bāla* (pl. -*kuḷ*) ‘son’, ‘child’, вероятно, заимствованной из санскрита, ср. санскр. *bālā* ‘young’, ‘foolish’ [Turner 9216], ср. также ория *bāla* ‘child’, *baḷā* ‘son’, *bālī* ‘young woman’ и др.

Семантические переходы: child – young animal, child – baby, child – son.

2.6 Северо-дравидийские языки. Брахуи

Язык брахуи относят к северной подгруппе дравидийских языков, считается, что он раньше других отделился от дравидийской семьи языков. В настоящее время он распространен на территории современных Пакистана, Ирана и Афганистана.

У значения child в языке брахуи⁶, как и в других языках, фиксируется несколько лексических выражений с разными от-

⁶ Данные брахуи приводятся по словарю [Bray 1934].

тенками семантики: *chunā* ‘ребенок’ от *chunak*, ‘маленький’ (дравидийского происхождения, от ПДР *čip- ‘маленький’, ср. там, *cinna*, мал., кан., тел. *cinna* ‘маленький’); *alvād* ‘дети’, ‘потомки’, ‘семья’, ‘жена’. (из арабск. *aulād*); *chūcha* ‘мальш’, ‘грудной ребенок’ (Д. Брей предполагает происхождение из персидского *chūcha* ‘цыпленок’, однако такое необычное семантическое развитие требует дополнительного изучения); *zah* ‘ребенок, детеныш’ (про человека и ягненка), из белуджского ‘потомство’, ‘приплод’; *pillōta* ‘бедный ребенок’, ‘сирота’; лексема имеет дравидийское происхождение, ср. там. *pillai*, мал. *piḷḷa*, тел. *piḷḷa* и др. ‘маленький ребенок’, ср. DEDR 4198 и восходит к ПДР *pil- ‘девочка’, ‘ребенок’ [Старостин 2000: 84] и др.

Семантические переходы, которые реализуют данные формы в брахуи: *child* — *small*; *child* — *family*, *child* — *baby*; *child* — *lamb*; *child* — *orphan*, *child* — *girl*.

2.7. Северо-дравидийские языки. Малто и курух

Информация о выражении этого значения в других северо-дравидийских языках скудна. В малом языке малто для выражения значения *child* используются лексемы *maqu* ‘ребенок’, ‘детеныш’; *ponḍer* ‘потомок, ребенок’, *qés-maqe* ‘собственный ребенок’. В языке курух значение *child* выражается лексемами *khadd* ‘child, ‘young animal or plant’, ‘profit percent from money lent or invested’ (при этом основной капитал, который дается в займы или инвестируется, и от которого считается процент, выражается формой *tanguō* ‘(его) мать’; *cicī*, *cicō* ‘young fruit’, ‘child’; *khadā* ‘small child’, ‘young animal’, (в адъективном употреблении) ‘small’ 398. Этот корень практически не встречается в других дравидийских языках с подобным значением, кроме манда *kaḍḍe* ‘boy’, ‘son’, малто *qade* ‘son’ и тел **kand-* ‘infant’ (в телугу он скорее, можно сказать, вытеснен на периферию, ср. *konḍika* ‘infant’, ‘little boy’, ‘young’). Согласно базе данных дравидийских этимологий [Starling 2023], эту форму можно возвести к праформе ПДР **kanr* ‘sapling’, с рефлексами, в основном относящимися к описанию молодых животных, как в тамильском **kanr* ‘calf’, мал. *kannu* (*obl.* *karru-*) ‘young of cattle’, ‘young plaintain trees around the mother plant’; парджи *kar* (pl. -kul) ‘sapling’ и др, ср.

DEDR 1411. Однако, как известно, семантический переход *child* – *young animal* широко распространен, и нет ничего удивительно в появлении значения *child* у лексической формы, которая ранее выражала значение ‘детеныш животного’, ‘теленок’.

Обнаруженные семантические переходы *child* – <*young animal*>, ID 3494; *child* – <*young plant*>, ID 4856; *child* – *interest (finance)*, ID 4013.

3. Сохранность прадравидийских форм

В разных языковых подгруппах встречаются формы, которые исследователи, в частности, Г.С. Старостин и другие, возводят к разным реконструируемым корням. Таких прадравидийских корней несколько (ср. [Старостин 2000], база данных дравидийской этимологии [Starling 2023]).

В частности, в южной подгруппе рефлексy ПДр **pi*l- ‘*young girl*’ и ПДр **kō*ḷ- ‘*young, sprout*’ продолжают использоваться как в качестве основной лексемы для выражения значения *child*, при этом, как можно увидеть, для корня ПДр **pi*l- это использование, скорее, представляет собой семантическую эволюцию значений *young girl* → *child*; в языке брахуи северной группы форма отнесена на периферию, ср. *pillōta* ‘бедный ребенок’, ‘сирота’.

Рефлексы формы ПДр **ma*ṷl- ‘*child*’ используются повсеместно для выражения значений *soni daughter*, в значении ‘*child*’ она сохранилось в отдельных языках, ср. малто *maḷi* ‘ребенок’, ‘детеныш’, *qēs-maqe* ‘собственный ребенок’. В целом, можно сказать что она наиболее сохранна в языках, ее рефлексы сохранились во всех подгруппах.

Прадравидийский корень ПДр **kō*ḷ- ‘*young, sprout*’ - сохранился в южно-дравидийской подгруппе (тамильский), и его рефлексы также используются в качестве одной из основных форм – носителей значения *child*, ср. там. *kuzantai*.

Рефлексы ПДр формы **ko*ṷ- ‘*child*’ встречаются только в северо-дравидийских языках, как в курух, и в языках гондванской группы, ср. курух *kukkos* ‘*boy, lad, young man, male child*’, *kukoy* ‘*girl, lass, young woman*’; куи *koganju* ‘*a small man or boy, lad*’; куви (Schulze): *kokkasi* ‘*boy, pupil, child*’.

Праформа со значением ПДр *paC- 'green, yellow, fresh' и др. сохранилась в большинстве языков-потомков, в 4 из ветвей, то есть во всех языках, кроме северо-дравидийских и брахуи,). В большинстве языков ее значение сохраняется в семантическом поле «зелено-желтого цвета» и «свежести, юности», в то же время значение *child* наблюдается, например, в каннада *pasu* 'быть зеленым', 'молодой', 'ребенок, малыш'; *pasuḷa / pasuḷe* 'ребенок', ср. также дериват *pasuḷetana* 'детство'.

Наблюдается также ПДР **kanr* 'sapling', с рефлексамми, в основном относящимися к описанию молодых животных, как в тамильском **kanr* 'calf', мал. *kannu* (*obl.* *karṅṅu-*) 'young of cattle', 'young plaintain trees around the mother plant'; парджи *kar* (pl. -*kul*) 'sapling' и др, ср. [DEDR 1411]. Однако, как известно, семантический переход *child* – *young animal* широко распространен, и нет ничего удивительного в появлении значения *child* у лексической формы, которая ранее выражала значение 'детеныш животного', 'теленок'.

Также встречаются другие, менее распространенные в языках-потомках праформы, такие как ПДР **pōḷ* 'child', сохранившийся в каннада; ПДр **pai-* 1 *boy*, *child* 2 *calf* в современных гонди *paiyā*, конда *peya* 'calf of either sex', там. *peiyān* 'boy', малаялам *paital* 'child'; ПДР **ṣē[v]*- 'child' в тамильском *cēy* 'child', 'boy' гадаба *sāpal* 'boy'; ПДР **ṣin-* 'small', у которой обнаружен рефлекс *cunā* 'child' в брахуи (ср. также брахуи *cun-ak* 'small'), а также ПДР **paḍḍ-* 'woman', 'child' с единственным рефлексом в телугу *paṭṭi* 'child', среди многочисленных форм как колами *paḍas* "boy, son", каннада *paḍati* 'woman', ср. [Starling 2023].

4. Характерные паттерны полисемии

На основании рассмотренных выше данных о семантических отношениях, связывающих значение «ребенок» с другими лексическими значениями, выясняется распространенность в дравидийских языках следующих семантических переходов с его участием:

child – <*young animal*>; *child* – <*young plant*>, *young* → *child*, *son* – *child*, *child* – *family*, *green* → *child*, *child* — *orphan*, *child* – *interest (finance)*, *child* – *boy*, *child* – *newborn baby*, *child* – *daugh-*

ter, child → pupil (of an eye), child — lamb; child – offspring, child — family, child – girl и др.

При этом можно выделить некоторое количество повторяющихся систем таких переходов, или паттернов полисемии, включающих в себя два или более бинарных отношения семантического перехода и выражаемых одной и той же лексемой или рефлексами одной и той же праформы.

К таким случаям можно отнести следующие паттерны:

- child – <young animal> – <young plant> – calf, выражаемый лексемой *khadd* в курух; *kunna* и *pilla* в телугу, *piḷḷai* в тамильском языке; из них многие являлись рефлексами ПДр *piḷ- и ПДр *kanr, а также лексемами гонди *paiyā*, конда *peya* 'calf of either sex', там. *peiyān* 'boy', малаялам *paital* 'child' и восходящими к ПДр корню *pai- 1 boy, child 2 calf и др.

- child – small – boy – girl, выражаемый рефлексами праформ ПДр *piḷ- 'young girl'; *koṅ- 'child' в языках гондванской группы; ПДр *pōṅ 'child' в каннада, ПДр *ṣē[v]- 'child' в тамильском *cēy* 'child', 'boy' гадаба *sāpal* 'boy', ср. [Starling 2023] и др.

Однако следует сказать, что граница между этими паттернами достаточно зыбкая: лексемы, происходящие из праформы с дополнительным значением 'calf', 'young animal', могут использоваться для выражения значения 'girl', 'boy' и наоборот.

5. Заключение

В работе были рассмотрены способы выражения значения child в дравидийских языках. Показано, что на уровне целой языковой семьи преемственность прадравидийских форм в выражении этого значения не наблюдается. Реконструируется несколько вариантов выражения понятия, имеющих каждый свою историю развития в отдельных языковых подгруппах. Это праформы:

ПДр *may1- 'child', ПДр *kōz- 'young, sprout', *koṅ- 'child', ПДр *paC- 'green, yellow, fresh', ПДр *kanr 'sapling', ПДр *pai- 'boy, child', 'calf', ПДр *pōṅ 'child', ПДр *ṣē[v]- 'child', ПДр *paḍḍ- 'woman', 'child', ПДр *čin- 'small' и др. (см. выше анализ в п.3).

Были описаны семантические переходы с участием значением child из универсального Каталога семантических переходов

[Daysemshift 3.0], реализующиеся в данных языках, а именно переходы:

child – <young animal>; child – <young plant>, young → child, son – child, child – family, green → child, child — orphan, child – interest (finance), child – boy, child – newborn baby, child – daughter, child → pupil (of an eye), child — lamb; child – offspring, child — family, child – girl и др.

Также были выявлены два многокомпонентных паттерна семантических переходов, реализация которых не зависит от конкретной реконструируемой праформы и встречается в рефлексах разных дравидийских праформ: child – <young animal> – <young plant> – calf; child – small – boy – girl.

Такого рода паттерны полисемии могут быть характерны не только для дравидийской семьи, но и для других языков мира. В целом, можно утверждать, что данные, полученные путем такого рода семантического анализа, могут быть использованы для разработки более детального представления о состоянии семантики данного лексического поля в ранние языковые периоды.

Литература

- Андронов, М. С. Сравнительная грамматика дравидийских языков. – М.: Издательство «Наука», 1978.
- Андронов, М. С. Язык брауи. (Языки народов Азии и Африки). – М.: Наука (ГРВЛ), 1971.
- Бурлак, С. А., Старостин, С. А. Сравнительно-историческое языкознание: Учебник для студ. высш. учеб. заведений / – М.: Издательский центр «Академия», 2005.
- Зализняк, Анна А. Семантический переход как объект типологии. // Вопросы языкознания, № 2, 2013, 32–51
- Русско-тамилский словарь. Сост. М. С. Андронов, А. Ш. Ибрагимов, Н. Н. Юганова, Е. И. Коновалов. М., 1989.
- Старостин, Г. С. Реконструкция фонологической системы прадравидийского языка Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2000.
- Тамилско-русский словарь. Сост. А. М. Пятигорский, С. Г. Рудин. – М., – 1960.

- Bray, Denys. The Brahui Language, part II - The Brahui Problem, Etymological Vocabulary, – Delhi, 1934.
- Brown, Charles Philip. A Telugu-English dictionary. New ed., thoroughly rev. and brought up to date ... 2nd ed. Madras: Promoting Christian Knowledge, 1903 [updated 2022].
- Burrow, T. D. and Emeneau, M. B. A Dravidian Etymological Dictionary (DEDR), 2nd edn. – Oxford: Munshirm Manoharlal / Clarendon Press, 1984 (1st edn. 1961).
- Burrow, T., Bhattacharya, S. A comparative vocabulary of the Gondi dialects. Calcutta, 1960.
- Burrow, T., Bhattacharya, S. Notes on Kuvi with a short vocabulary. Indo-Iran J 6, 1963, 231–289.
- Burrow, T., Bhattacharya, S. The Pengo Language. Oxford, 1970.
- DatSemshifts 3.0. – Зализняк, Анна А., Бобрик, М., Бибаева, М., Булах, М., Воронов, М., Ганенков, Д., Грунтов, И., Майсак, Т., Михайлова, Т., Орлова, М., Панина, А., Руссо, М., Смирнитская, А. DatSemshifts. Каталог семантических переходов в языках мира. Электронный ресурс: <https://datsemshift.ru/> Дата обращения: 25.02.2023.
- Emeneau, M. B. Kolami. A Dravidian language. University of California press. – 1955.
- Gwynn, J. P. L. (John Peter Lucius). A Telugu-English dictionary. Delhi; New York: Oxford University Press, 1991. (2006 updated).
- Krishnamurti, Bh. The Dravidian Languages. Cambridge, 2003.
- Ramakrishna Reddy. Manda-English Dictionary. Central Institute of Indian languages (издание 2009 года, но описывает данные полевой работы автора 1978-1981 гг).
- STARLING: База данных по эволюции языка. Старостин С. А. <http://starling.rinet.ru/> Электронный ресурс. Дата доступа: 12.03.2023.
- Tamil lexicon. – Madras: University of Madras, 1924–1936.
- Učida, N., Rajapurohit B.B. Kannada-English Etymological Dictionary, Tokyo, 2013.
- Winfield, W.W. A vocabulary of the Kui Language, Calcutta, 1929.
- Zalizniak, Anna A. The catalogue of semantic shifts: 20 years later. Russian journal of linguistics, 2018, 22, no. 4, 770–787.

И.В. Федотова

Институт системного программирования им. В.П.Иванникова
РАН, Москва
Институт языкознания РАН, Москва
(idal.fedotova@gmail.com)

Дети и детеныши в уральских языках¹

В научной литературе обозначения ребёнка ещё не подвергались систематическому анализу на материале разных групп уральской языковой семьи. Встречаются работы по отдельным языкам (например, по мансийскому [Динисламова 2021]). В отличие от терминов родства, связанных с детьми ('сын', 'дочь'), в уральском праязыке невозможно реконструировать одну лексему, обозначающую ребёнка, и даже не во всех группах эти лексемы однокоренные. Таким образом, анализ способов номинации ребёнка интересен не только для этимологии уральских языков, но и для лингвистической типологии в целом.

В первую очередь рассмотрим лексемы в уральских языках и, при наличии, их этимологии (Таблица 1.). Выбиралось нейтральное слово, обозначающее ребёнка, без специализированных слов 'младенец', 'юноша' и т.д.

Группа	язык	лексема	этимология
Прибалтийско-финские	финский	<i>lapsi</i>	[SKES 1:277]
	карельский	<i>lapsi</i>	

¹ Исследование поддержано грантом РФФ № 22-28-00072 «Стратегии номинации в области базовой зоо- и антропонимической лексики в языках Евразии».

	вепсский	<i>laps'</i>	
	эстонский	<i>laps</i>	
	ливский	<i>läps</i>	
	сето	<i>lats</i>	
Саамские	терско-саамский	<i>lapsaka</i>	возможно, когнат прибалтийско-финских слов, “если только не от т-саам. <i>lapsa</i> ‘колыбель’ [SKES 1:277]
	северносаамский	<i>mánná</i>	ПСаам. * <i>mānā</i> ‘ребёнок’ [Koronen et al.]
	кильдинский саамский	<i>nārнэнч (pārnenč)</i> [Rießler 2009]	ПСаам. * <i>parne</i> , заимствование из сканд. яз. из др.-норв. <i>barn</i> [Lehtiranta 1989: 98]
	нотозерский саамский	<i>paṛnəs</i> [LingvoDoc]	
Мордовские	эрзянский	<i>эйкакш, эйде</i>	ПМорд. * <i>ejdi</i> [LingvoDoc], этимология разобрана в [Вершинин 2004: 82]
	мокшанский	<i>идь шаба</i>	
Марийские	луговой марийский	<i>аза, иге, йоча</i> [Марий йылме мутер]	* <i>(j)EkV</i> ~ * <i>(j)EγV</i>

		горномарийский	<i>ăză, игъi</i> [Марий йылме мутер] <i>ига</i> [LingvoDoc]	‘сын’ [UEW:109]
Пермские		удмуртский	<i>нылли, пинал</i> [Wichmann: 169, 196]	слово <i>нылли</i> указано в гнезде ‘дочь’ [Wichmann: 169]
		коми-зырянский	<i>кага</i> [Безносикова и др. 2000: 251]	этимология не установлена [Лыткин, Гуляев 1970: 114]
Угорские		венгерский	<i>gyermek, gyerek,</i>	заимств. из тюрк. [Gábor 2006: 253].
	Обско-угорские	мансийский	<i>няврам (nāwram)</i> Ромбандеева, Кузакова 1982: 78], [Мункачи: 359]	* <i>ñōyər</i> ‘жеребёнок’ [Honti 1982: 169]
		севернохантыйский	<i>ньаврэм</i> [Соловар 2014: 217]	[DEWOS: 1084]
		восточнохантыйский	<i>ньэврэм</i> [Волкова, Соловар 2016: 75]	
Самодийские		тундровый ненецкий	<i>ңацекы</i> ‘ребёнок’, чаще вост. ‘слуга, работник’ [Терещенко 1965: 84]	этимология не установлена
		энецкий	<i>не</i> [Сорокина, Болина 2009: 266]	ПСам. * <i>ñiā</i> (?* <i>ñiāj</i>) ‘ребёнок, юноша’ [Janhunen 1977: 111]
		нганасанский	<i>нюо</i> [Костеркина и др. 2001: 124]	
		селькупский	<i>иҫа/иңа</i> [Быконя и др. 2005: 27]	* <i>(j)EkV</i> ~ * <i>(j)EγV</i> [UEW:

		<i>илмады ~ илмат ~ илматы ~ ильмат ~ ильматты</i> [Быконя и др. 2005: 29] <i>кыба / кыбайчэ ~ кыбачэ, кыбакор / кыбамар / кыбаняја</i> [Быконя и др. 2005: 56]	109] этимология не установлена этимология не установлена
--	--	--	--

Самые древние слова, обозначающие детей, зафиксированы в марийских и селькупских идиомах: они восходят к ПУ **(j)EkV ~ *(j)EγV* ‘сын’ [UEW: 109] и применяются одинаково по отношению к людям, животным и птицам.

Особенно стабильными в пределах целой группы выглядят прибалтийско-финские континуанты **lapci* ‘ребёнок’, восходящие к ПУ **lapcV, (*lapśV)* ‘колыбель’ [UEW: 260]. Когнаты со значением ‘колыбель’ отмечены в мордовских, марийских, тундровом ненецком, энецком, нганасанском, селькупском и камасинском языках, а также в мордовских диалектах отмечено значение ‘детёныш’: мокш. *ľefkskä*, эрз. *ľevks, ľevkske* [LingvoDoc]. Семантический переход ‘колыбель’ > ‘ребёнок’ актуализировался в ненецком языке (с помощью морфологической деривации): тундр. ненец.: *ебцота* 1) самый младший, последний ребёнок в семье (букв. пользующийся люлькой) (В контекстах типа мой отец был младшим ребёнком); 2) маленький (ласковое обращение родителей к младшему ребёнку) при *ебцотă(сь)* ‘быть в люльке, пользоваться люлькой’, *ебц* ‘люлька, зыбка, колыбель’ [Терещенко 1965: 84].

В саамских языка не наблюдается единообразия в номинации детей: употребляются ПСаам. **mānā* ‘ребёнок’ и заимствованное **parne*.

В самодийской ветви реконструируется общая лексема **ñuâ* (?*ñuâj) ‘ребенок, юноша’ [Janhunen 1977: 111]. В мордовских языках реконструируется **ejdi*, но дальнейшая этимология дискуссионна.

В обско-угорских языках ‘ребёнок’ обозначается лексемами, не отмеченными в этимологических словарях [DEWOS] и [Honti 1982]. Однако можно предположить образование *ньврсм* и его когнатов от ПОУг. **ндүэр* ‘жеребёнок’ [Honti 1982: 169]. Определённая вежа развития, возможно, зафиксирована в словаре В. Штейница:

ńewər ‘жеребёнок’, при иртыш. *ńewər-тох* ‘жеребёнок’, низям., каз. *ńewər-рѡѣх* ‘маленький жеребёнок’ [DEWOS: 1084]. Слова *тох* и *рѡѣх* сами по себе являются обозначениями потомства с полисемией ‘яйцо, ребенок, детёныш’ и находятся в дистрибуции по группам диалектов. Хантыйские обозначения детёнышей образуются регулярно путем прибавления к слову *мок* или *пошэх* основы, обозначающей животного: *амп пошэх* - щенок, *охсар пошэх* - лисёнок, *дов пошэх* - жеребёнок, *кати пошэх* - котёнок, *васы пошэх* - утенок, *щищки пошэх* – птенчик [Вальгамова и др. 2011: 106]. Однако по отношению к ребёнку это слово употребляется без уточняющих компонентов: *Пѡшэх, муй вердэн? – Ребѣнок, что делаешь?*

Таким образом, можно проследить семантический переход *ńewər* ‘жеребёнок’ > *ньврсм* ‘ребёнок’.

В Базе данных семантических переходов DarSemShift у семантического перехода ‘детёныш’ > ‘ребёнок’ отмечено 34 реализации, из них 2 в уральских языках — мокшанском и луговом марийском. Однако в уральской языковой семье полисемия в обозначении детей и детёнышей широко распространена, помимо упомянутых хантыйских слов *мок* и *пошэх*.

В коми-зырянском языке у *кага* наряду с ‘ребёнок, младенец’ отмечено диал. ‘птичка’ [Безносилова и др. 2000: 251]. В селькупских диалектах варианты *ига* ‘ребёнок’ обозначают и детёнышей: *шѣка игайндсэ матқыт эса* ‘собака со щенками-её в чуме была’ [Быконя и др. 2005: 27]. Распространённая в других селькупских диалектах лексема *кыба* тоже обозначает как детей, так и детёнышей, особенно в составе сложных слов, а лексема *кыбаняја* имеет полисемию ‘ребёнок, детёныш (утёнок)’. В архивном карельском Евангелии 1820 г. лексема *пойять* (фин., ка-

рел. *pojat* ‘сыновья’) глоссируется и как ‘дети’, и как ‘детеньши’ [LingvoDoc].

Итак, в уральских языках в номинации детей отмечены следующие семантические переходы:

- 1) сын > ребёнок, детёныш (селькупский, карельский)
- 2) ребёнок, детёныш > сын (тундровый ненецкий, энецкий)
- 3) дочь > ребёнок (удмуртский)
- 4) “колыбельный”: ‘колыбель’ > ‘ребенок’ (прибалтийско-финские, ненецкий ‘младший ребёнок’)
- 5) ‘работник’ — ‘ребёнок’ (тундровый ненецкий)
- 6) ‘яйцо’ - ‘птенец’ – ‘ребёнок’ (хантыйские языки)
- 7) ‘жеребёнок’ > ‘ребёнок’ (обско-угорские языки).

В коми-зырянском, мордовских, хантыйских, селькупских и отчасти карельских идиомах наблюдается связь значений ‘дети’ и ‘детёныши’, что проявляется в полисемии, синкретизме, семантической эволюции и морфологической деривации.

Сокращения. Языки и диалекты

- диал. — диалектное
ПМорд. — прамордовский
ПС — прасамодийский
ПСаам. — прасаамский
ПУ — прауральский
карел. — карельский
ненец. — ненецкий (тундр. — тундровый)
фин. — финский
хант. — хантыйский (диалекты: иртыш. — иртышский,
каз. — казымский, низям. — низямский)
энец. — энецкий

Литература

Безносикова Л.М., Айбабина Е.А., Коснырева Р.И. Коми-роч кывчукор (Коми-русский словарь) / Отв. ред.

- Л.М.Безноскова; ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000.
- Быконя В. В., Кузнецова Н. Г., Максимова Н. П. Селькупско-русский диалектный словарь. Томск, 2005.
- Вальгамова С. И., Кошкарева Н. Б., Онина С. В., Шиянова А. А. Диалектологический словарь хантыйского языка (шурьшкарский и приуральский диалекты) / под общ. ред. Н. Б. Кошкаревой. Екатеринбург: Баско, 2011
- Вершинин В. И. Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Том I. (Аба-Кеверь) Йошкар-Ола, 2004
- Динисламова О. Ю. Периодизация детского возраста в мансийской языковой картине мира: сопоставительный аспект // Вестник урovedения. 2021. Т. 11. № 2, 251–259
- Костеркина и др. 2001 — Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский / Н.Т. Костеркина, А. Ч. Момде, Т. Ю. Жданова; В. Ю. Гусев – отв. ред. — СПб.: филиал изд-ва «Просвещение», 2001.
- Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970.
- «Марий йылме мутер» / «Словарь марийского языка» в 10 томах. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1990-2005. Электронная версия: <https://dict.fu-lab.ru/dict?id=37767>
- Ромбандеева Е. И., Кузакова Е.А. Словарь мансийско-русский и русско-мансийский. Л.: Просвещение, 1982.
- Соловар В.Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Тюмень: ООО "ФОРМАТ", 2014.
- Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. М., 1965.
- Gábor Z. (ed.). *Etimológiai szótár: Magyar szavak és toldalékok eredete* ('Dictionary of Etymology: The origin of Hungarian words and affixes'). Budapest: Tinta Könyvkiadó, 2006
- Janhunen 1977 — Janhunen J. *Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien*. Helsinki, 1977.
- Koponen E., Ruppel K., Aapala K. (eds.) *Álgu database: Etymological database of the Saami languages*. Helsinki: Research Institute for the Languages of Finland. 2002–2008. <https://kaino.kotus.fi/algui/index.php?t=etusivu>

- Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto. Helsinki, Suomalais-ugrilainen Seura, 1989.
- LingvoDoc —Лингвистическая платформа ЛингвоДок
<http://lingvodoc.ispras.ru/>
- Rießler M. Kildin Saami vocabulary. In: Haspelmath, Martin & Tadmor, Uri (eds.) 2009. World Loanword Database. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology.
<http://wold.clld.org/vocabulary/14>
- SKES — Suomen kielen etymologinen sana-kirja. I–VI. Lexica Societatis Fenno-Ugricae 12. Helsinki: Suomalais-Ugri-lainen Seura 1955–1978
- Wichmann Y., Uotila T. E. , Korhonen M. Wotjakisches Wortschatz. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 1987.

О.В. Чёха

Институт славяноведения РАН, Москва
(tchoekha@gmail.com)

Луна и ребенок в языке балканского фольклора

Сменяющие друг друга лунные фазы привлекли внимание человека уже в глубокой древности и не только «показали ему время в конкретном смысле», по выражению М. Элиаде [Элиаде 1999: 154], но и стали причиной возникновения представлений о том, что подобно людям месяц рождается и умирает (см. загадку «Молодой был – молодцом глядел, под старость устал – меркнуть стал, новый родился – опять развеселился» [Даль 1957: 950]). Уподобление лунного цикла времени человеческой жизни и их взаимное сопоставление (появляющийся на небе серпик молодой луны – младенец, растущий месяц – молодой человек, убывающий месяц – старик, безлунье – смерть) в сочетании с «семантикой» лунных фаз (осмысление растущего месяца как светлого, свежего, мягкого, а убывающего – как темного, сухого, крепкого и т.д. [Чёха 2006]) привело к повсеместной вере в способность луны передавать часть своих свойств и качеств людям, рожденным в тот или иной отрезок лунного времени, определять продолжительность их жизни, здоровье, внешний вид, в редких случаях – даже пол¹ и время появления на свет², материальное бла-

¹ Считалось, что ребенок, зачатый в первой половине лунного месяца будет мальчиком, после полнолуния – девочкой [Κεφαλληνιάδης 1965: 13; Ковачев 1914: 33] или (реже) наоборот [Χρυσουλάκη 1957: 386], так что женщины, желающие сына, остерегались вступать в сексуальный контакт с мужем на «пропадающем месяце», чтобы не родить дочь [Οικονομόπουλος 1999: 259]. В заговоре, записанном на греческом Закинфе, женщина прогоняет от себя убывающую луну и просит ее о «сокровище», о мальчике: «Прочь! Далеко отсюда, / забитая женская ушербная луна, / появляющаяся в сумерках / в штопаной одежде! / Дай

гополучие и т.п. Со своей стороны, человек также стремился обернуть себе на пользу магию лунного времени и соотносил с лунным календарем значимые события своей жизни (крестины ребенка [Οικονομίδης 1962: 494], отлучение его от груди [Evseev 2001: 84; Маринов 1981: 49], свадьбу и т.д.) и различную хозяйственную деятельность (строительство дома, подрезание винограда, начало сева и жатвы, заготовка дров, забой домашних животных и т.п.).

Предлагаемая статья ставит своей задачей не столько обзор подобных представлений, известных всем народам мира и являющихся до определенной степени универсальными, сколько рассмотрение их отражения в языке – подбор и анализ лексических единиц, производящей основой для которых выступают названия луны (греч. *σελήνη*, *φεγγάρι*, *φέγγος*, болг. *месечина*, *месец*, серб. *месец*) или различных ее фаз (*χασοφεγγαριά*, букв. – «пропадающий, гибнущий месяц» ‘убывающая луна’, *λειψοφεγγαριά*, букв. – «неполный месяц» ‘убывающая луна’, *καλόφεγγα* – *κακόφεγγα*, букв. – «хорошая, добрая луна» и «плохая, злая луны» ‘первая и вторая половины лунного цикла’, *λιοφέγγαρο* ‘полнолуние’), служащих для обозначения людей (чаще – детей), родившихся в определенное время лунного месяца и вследствие этого наделяемых особыми свойствами.

• **Обозначения удачливых - несчастливых людей**

καλοφεγγίτης (ἄνθρωπος), букв. – «[человек] хорошей луны», ‘рожденный в полнолуние, удачливый человек’, кипр.

мне мальчика, душу мою и жизнь мою, сокровище мое» [Οξω! Μακρία ἀπὸ δῶ, / θηλικὸ ζουπακασμένο, φεγγάρι χαλασμένο! / Ποὺ βγαίνεις μέσ' τὸ σοῦρπωμα / σὰ ροῦχο μπαλωμένο. / Δῶσε μου серνικὸ παιδί, ψυχή μου καὶ ζωή μου, τὸ ἴδιο τὸ πουγγί μου] [Γιαννόπουλου 1950: 273].

² На Накосе верили, что если женщина не родила в первую четверть лунного месяца, то родит не раньше четвертой [Κεφαλληνιάδης 1965: 13], а в Албании преждевременные роды называли «родами без луны» [Elsie 2001: 181].

κακοφεντζ'ίτικα, букв. «[дети] плохой луны 'рожденные в последнюю лунную четверть дети, жизнь которых будет тяжелой'».

Считается, что рождение в период полнолуния предвещает ребенку счастье, удачу [Κόνσολας 1966: 235; Μέγας 1941: 143; Οικονομίδης 1972: 6; Σαρλής 2003: 224] и богатство [Капанци 1985: 171], в то время, как появление на свет на убывающей луне, означает тяжелую жизнь [Γιακούλλης 1994: 56] и неудачи [Οικονομίδης 1972: 6]. По болгарским представлениям, даже одежда у таких людей снашивается быстрее [Ковачев 1914: 33]. Самая горькая участь ждет родившихся в период безлуния – такие дети в будущем могут стать самоубийцами, ведьмами, двоедушниками и планетниками.

• **Обозначения здоровых и больных детей**

φεγγαρογέννητος, букв. «месяцорожденный», '[ребенок] родившийся в полнолуние, красивый, но предрасположенный к эпилепсии', *χασοφεγγαρίτικα*, букв. – «[дети] пропадающей луны», 'болезненные, слабые дети, родившиеся во время безлуния', *λειψόφεγγος*, *λειψοφεντζ'ίτικός*, букв. – «[ребенок] неполной луны», 'слабый ребенок, зачатый после полнолуния', а также обозначения младенческих болезней:

φεγγάρισμα, букв. – «облунение», 'расстройство кишечника, понос', 'младенческая сухота', *φεγγαρόπιασμα*, букв. – «прихватывание, схватывание луной», 'то же', *λιοφέγγαρο*, букв. – «полнолуние», 'диарея'.

Рожденный (реже – зачатый) в первой половине лунного цикла ребенок, считается не только удачливым, но также обладающим крепким здоровьем и красотой («ще има ангелско лице»)[БНМ 1999: 23; Ковачев 1914: 33; Οικονομόπουλος 1999: 246]. Напротив, у появившегося на свет на убывающей луне, с юности будет старческое лицо³, его ожидают болезни или ранняя смерть

³ См. в этой связи фракийскую масленичную песню о веселых старухах, которым удалось обмануть Хароса (Смерть) и выдать себя за молодых женщин, когда на вопрос, отчего у них нет зубов, они находчиво ответили, что им не повезло родиться на убывающей луне: «Когда мать ро-

[БНМ 1999: 23; Οικονομόπουλος 1999: 259]. Кроме того, человек может подвергнуться вредоносному воздействию лунного света в независимости от времени своего рождения и заболеть эпилепсией, желтухой, золотухой и т.д. [Чёха, 2008]. В данном отношении луна особенно опасна для рожениц⁴ и младенцев. По этой причине, например, сербы избегали произносить слово *месяц* в присутствии маленького ребенка, которому не исполнилось четырех месяцев, и в разговоре иносказательно именовали луну *дедом* [Кулишић, Петровић 1970: 201].

Балканские народные представления о том, что луна «пьет» или (реже) «ест» детей, которые из-за этого «сохнут» и слабеют, нашли отражение в новогреческих диалектных названиях младенческого рахита и худосочности – *φεγγάρισμα* [облунение] и *φεγγαρόπιασμα* [лунное хватание] [Οικονομόπουλος 1999: 246], а также в названии растения коровяк (лат. *Verbáscum*), отваром которого отпаивали больных – *φεγγαρόχορτο*, букв. – «лунная трава» [там же: 246]. К луне, как виновнице заболевания, способной, однако, и исцелить страдающих детей, обращались во время лечения: понтийские греки клали больного младенца на хлебную лопату, которую держал старший ребенок в семье, и показывали луне со словами: «Эй, месяц, возьми его и дай ему руки и ноги» [ἔ, φέγγον, γιά ἔλαρ' ἔτο γιά δῶσ' ἄτο χέρα καὶ ποδάρα] [Αθανασιάδης 1931: 224]. В некоторых случаях с целью обезопасить новорожденного совершались превентивные ритуалы. Например, в сев-зап. Болгарии (с. Драшан) повитуха грызла специально выпеченную питу и на вопрос «Бабушка, что ты куса-

жала нас, / была у бы в а ю щ а я л у н а , / вот зубы у нас и выпали» [Ὀντας μᾶς γέννα μάννα μας, / ἦταν χασοφεγγαριά, / πέσαν καὶ τὰ δόντια μας] [Μανασείδος 1936/37: 45]. Примечательно, что Смерть удовлетворилась таким ответом.

⁴ В юго-вост. Болгарии молодой матери запрещалось в течение первых сорока дней после родов смотреть на луну, чтобы ночью к ней не явились дьяволы [Сакар 2002: 232]; на греческом острове Гидра занавешивали окна спальни с приговором: «Пусть не увидит месяц грудь роженицы» [Χαλιόρης 1931: 61].

ешь?» отвечала, что кусает лепешку, «чтобы солнце и месяц не кусали ребенка» [Седакова 2007: 146].

Мысль о том, что луна «пьет», т.е. обезвоживает, младенца, в традициях греков и албанцев получает дальнейшее развитие – у ребенка, на которого попал лунный свет, случится понос. По этой причине в северной Албании детям до года не позволяли смотреть на луну, чтобы они не заболели диареей [Elsie 2001: 181]. В греческих говорах диарея и расстройство кишечника называется «полнолунием» [λιοφέγγαρο] [Γιαννόπουλου 1950: 273] и «облуниванием» [φεγγάρισμα] [Γαρεφαλάκης 2002: 781], в текстах заговоров от диареи говорится, что «месяц держит ребенка», не позволяя ему ни поест, ни попить [Γαρεφαλάκης 2002: 781]. Особенный интерес представляет один из критских заговоров, в котором знахарка перечисляет названия различных лунных фаз, желая тем самым защитить ребенка от любого проявления болезни: «Нарождающийся месяц, полная луна, двухдневный месяц, месяц пятого дня, уходи из его ног, уходи из его кишков. Как крепнет зерно в колосе, так пусть укрепится кишечник у младенца <...> [Το νιοφέγγαρο, το (η)λιοφέγγαρο, των ιδυό μερώ φεγγάρι, των πέντε μερώ φεγγάρι, να φύγει από τα πόδια ντου, να φύγει απ' τ'αντεράκια ντου. Ως πήσει το στάρι στη старριά, να πήξει και του κοπελιού η κοιλιά <...>] [Ρηγάτος 1992: 112].

Одновременно с представлениями о том, что луна «опустошает», младенцев, существовали и другие – месяцу приписывалась способность «наполнять» их, т.е. сообщать им здоровье. На греческой Эвбее на растущей луне больных детей протаскивали сквозь корни деревьев со словами: «Как наполняется месяц, так пусть толстеет (досл. «наполняется») и ребенок такой-то» [Ὅπως γεμίζει το φεγγάρι, να γεμίσει και το ... τάδε παιδί], после чего оставляли детскую одежду под деревом со словами «Оставляю вместе со своей одеждой и свою худосочность, и как наполняется месяц, так пусть и такой-то или такая-то толстеют [Παλαποστόλος 1966: 61–62]. В Сербии больного ребенка выносили в полнолуние на улицу и, обращаясь к месяцу, говорили: «Мјесече, или ову тикву налиј или разбиј» [Месяц, ты эту тыкву налей или разбей]

[Јанковић 1951: 102], надеясь, что ребенок после этого поправится.

- Обозначения детей, родившихся в один лунный месяц:
болг. *едномесечета*, *едномесеци*, макед. *месечинци*, *едномесечинци*, серб. *једномесечићи*, *једномесечари*.

Для традиций балканских славян характерны представления о том, что между людьми, рожденными в течение одного лунного цикла, устанавливается своеобразное родство (в заговорах они именуются братьями), и связь эта настолько крепка, что смерть одного из *едномесечников* влечет за собой гибель другого. Во избежание этого, детей «разъединяли» (напр., давали им съесть яйцо с двумя желтками [Пирински край 1980: 45]) или изготавливали «замену» оставшемуся в живых ребенку – клали в гроб умершему половину гребня, кочерги, цветочные букетики со словами: «Това ти е братчето, да не тераш друго» [Вот твой братец, не преследуй другого] [БНМ 1999: 24] (см. также Плотникова, 2004). *Едномесечники* воспринимались как двойники и встречи их были нежелательны (в частности, им запрещалось присутствовать на свадьбах друг друга), если же случалось встретиться их матерям, то им следовало обменяться каким-либо предметом (напр., платками), чтобы с детьми не случилось ничего плохого [БНМ 1999: 25; Родопи 1994: 11].

Литература:

- Енциклопедия Българска народна медицина / Етнографски институт и музей при Българската академия на науките; съставителство и обща редакция М. Георгиев. София: Издателска къща «Петър Берон», 1999.
- Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957.
- Јанковић Ђ.Н. Астрономија у предањима, обичајима и умотвори­нама Срба // Српски етнографски зборник, LXIII; Друго одељење: Живот и обичаји народни. Београд: Српска краљевска академија, 1951.

- Капанци. Бит и култура на старото българско население в Североизточна България. Етнографски и езикови проучвания / Българска академия на науките, Етнографски институт с музей; [ред. колегия: Д. Тодоров (отг. ред.), Г. Михайлова, М. Василева, М. Младенов]. София: Издателство на Българската академия на науките, 1985. (Етнографски проучвания на България).
- Ковачев Й.Д. Народна астрономия и метеорология // Сборник за народни умотворения и народопис / издава Българската академия на науките. Кн. 30. София: Печатница на д-[ружест]во «Балкан», 1914. 1–85.
- Маринов Д. Избрани произведения, Т. I. Народна вяра и религиозни народни обичаи (сост. и ред. Маргарита Василева). София: Наука и изкуство, 1981.
- Пирински край. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания / Българска академия на науките, Етнографски институт с музей; [ред. колегия: В. Хаджиниколов (отг. ред.), М. Велева, Г. Георгиев, Д. Тодоров]. София: Издателство на Българската академия на науките, 1980. (Етнографски проучвания на България).
- Родопи. Традиционна народна духовна и социалнонормативна култура / [ред. колегия: Р. Попов (отг. ред.), С. Гребенарова]. София: Етнографски институт с музей при БАН, 1994. (Етнографски проучвания на България).
- Сакар. Етнографско, фолклорно и езиково изследване / Българска академия на науките; ред. колегия: Р. Попов (отг. ред.), С. Гребенарова. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2002. (Етнографски проучвания на България).
- Седакова И.А. Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст. М.: «Индрик», 2007. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования).
- Плотникова А.А. «Одномесячници», «однодневници» // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти тт. / Под общей ред. Н. И. Толстого. М.: «Международные отношения», 2012. Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка). 533–534.

- Кулишић Ш., Петровић П.Ж., Пантелић Н. Српски митолошки речник. Београд: Нолит, 1970. – (Библиотека Синтезе).
- Чёха О.В. Языковой и культурный образ лунного времени в полесской традиции (молодой и старый месяц) // Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста. [Вып. 10] / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Издательство «Индрик», 2006. 485–501.
- Чёха О.В. Греко-славянские параллели в области традиционной культуры: луна в лечебной магии // Славяноведение. 2008. № 6. 31–44.
- Элиаде М. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения. Перев. с англ. — М.: Ладомир, 1999.
- Αθανασιάδης Ε. Προλήψεις και δεισιδαιμονίαι Σάντας // Αρχεῖον Πόντου. Σύγγραμμα Περιοδικόν Εκδιδόμενον υπό της Επιτροπής Ποντιακῶν Μελετῶν. Τ.3. Αθήνα, 1931. 221–225.
- Γαρεφαλάκης Ν.Θ. Λεξικό ιδιωματισμῶν Κρητικῆς διαλέκτου (περιοχῆς Σητείας). Έκδοση Δήμου Σητείας. Σητεια Κρήτης, 2002.
- Γιαγκούλλης Κ.Γ. Λεξικό ετυμολογικό και ερμηνευτικό της κυπριακῆς διαλέκτου. Στρόβολος; Λευκῶσια, 1994.
- Γιαννόπουλου Μ.Ε. Ζακυθινά ξόρκια // Λαογραφία. Δελτίο της ελληνικῆς λαογραφικῆς εταιρείας. Θεσ-νίκη, 1950-1951. Τ. ΙΓ'. 263–276.
- Κεφαλληνιάδης Ν. Από την λαογραφία μας. Η Σελήνη στις Ναξιακές παραδόσεις. Νάξος, 1965.
- Κόνσολας Ν.Ν. Λαογραφικά Ολύμπου Καρπάθου. Κεφαλαῖον Γ'. Ζητήματα σχετικά με το παιδίον // Λαογραφία. Δελτίο της ελληνικῆς λαογραφικῆς εταιρείας. Αθήνα, 1966. Τ. ΚΔ'. 228–253.
- Μανασσείδης Σ. Λαογραφικά Αίνου // Αρχεῖον του Θρακικού λαογραφικού και γλωσσικού θησαυρού. Τ. 3. Αθήνα, 1936–37. 74–84
- Μέγας Γ.Α. Ζητήματα ελληνικῆς λαογραφίας // Επετηρίς του λαογραφικού αρχείου. Εκδιδομένη επιμελεία του διευθυντού του αρχείου. Αθήνα, 1941 – 1943. Τριτο έτος.

- Οικονομίδης Δ.Β. Ονομα και ονοματοθεσία εις τας δοξασίας και συνηθείας του ελληνικού λαού // Λαογραφία. Δελτίο της ελληνικής λαογραφικής εταιρείας. Αθήνα, 1962. Τ. Κ'. 446–542.
- Οικονομίδης Δ.Β. Η τύχη εις την προφορικήν παράδοσιν τῶν ελληνικῶν λαῶν // Λαογραφία. Δελτίο της ελληνικής λαογραφικής εταιρείας. Αθήνα, 1972–1973. Τ. ΚΗ'. 2–26.
- Οικονομόπουλος Θ.Χ. Ελληνικό Λαογραφικό Λεξικό για τη Μάνα και το Παιδί. Έκδοση Ελληνικής Παιδιατρικής Εταιρείας - Φυτράκη, Αθήνα 1999.
- Παπαποστόλος Τ. Λαογραφικά της Ευβοίας. Έπαινος Ακαδημίας Αθηνών. (Ανάτυπο από τον ΙΓ' τόμο του Αρχείου Ευβοϊκών Μελετών). Αθήνα, 1966.
- Ρηγάτος Γ.Α. Η υγεία του παιδιού στη λαϊκή μας παράδοση. Εκδόσεις: Δωδώνη – Ίδρυμα ερευνών για το παιδί. Αθήνα; Γιάννινα, 1992.
- Σαρλής Β.Π. Λαογραφικά σύμμεικτα του Δήμου Φενεού Κορινθίας (Καταγραφή 1962-2000). Τ.2. Επιμέλεια: Αικατερίνη Πολυμέρου – Καμηλάκη. Αθήνα, 2003.
- Χαλιορής Ν.Γ. Υδρεϊκά λαογραφικά: ήτοι ήθη - έθιμα - δεισιδαιμονίες - προλήψεις στην Ύδρα. Πειραιεύς, 1931.
- Χρυσουλάκη Α. Έθιμα των Σφακιών της Κρήτης // Λαογραφία. Δελτίο της ελληνικής λαογραφικής εταιρείας. Αθήνα, 1957. Τ. ΙΖ'. 382 – 404.
- Elsie R. A Dictionary of Albanian Religion, Mythology and Folk Culture. C. Hurst & Co. Publishers, 2001. Printed in India.
- Evseev I. Dicționar de simboluri și arhetipuri culturale. Timișoara: Editura «Amarcord», 1994.

Е. Б. Яковенко
Институт языкознания РАН, Москва
(yakovenko_k@rambler.ru)

Обозначения ребенка в древнеанглийском языке

На протяжении истории английского языка понятие ‘ребёнок’ репрезентировалось различными средствами; более того, в разные периоды отдельные признаки понятия: «человек в состоянии детства; лицо, не достигшее зрелости», «потомок», «член семьи, нуждающийся в силу возраста в заботе и уходе», «ученик», и, шире, «объект воспитания» – приобретали различную релевантность и, соответственно, различное языковое выражение.

В задачи данного исследования входит: 1) выявление номинантов указанного понятия в древнеанглийском языке, установление их параллелей с другими древнегерманскими языками; 2) анализ дистрибуции номинантов понятия и определяющих ее внутренних и внешних факторов; 3) общий обзор изменений, которым подверглось номинативное поле понятия в последующие периоды. Материалом настоящего исследования выступают разножанровые тексты древнеанглийского языка: переводы Евангелий, псалмов, Ветхого завета, проповеди Эльфрика и Вульфстана, древнеанглийские поэмы («Беовульф», «Бытие», «Поучение отца сыну»), законы древнеанглийских королей, «Англосаксонская хроника» и др. В работе также используются данные лексикографических источников [Bosworth-Toller 1898, 1921; Cleasby 1957] и Хельсинкского корпуса древнеанглийского языка [XML].

В ходе анализа нами был выявлен ряд древнеанглийских лексем, в семантической структуре которых присутствуют семы «ребёнок» и «сын» (или по крайней мере одна из них): *bearn*, *cild*, *sunu* и *magi*, а также отдельные их производные с той же или сходной семантикой (см. далее). Высокая частотность и частая взаимозаменяемость этих единиц приводят к определенным трудностям при их дифференциации. Для нас наибольший интерес моменты, связанные с изменением семантики и перераспределением значимостей исследуемых единиц в системе.

Анализ значительного количества контекстов (в общей сложности около 1000) позволяет отметить следующее: в древнеанглийском основным номинантом понятия выступает лексема *bearn* (*barn*), являющейся субстантивированным причастием глагола *beran* «приносить; рожать» и имеющей корреляты во многих древних и современных германских языках (гот., двн., др.-и. *barn*, совр. фриз. *bern*, дат., шв., норв., исл. *barn*). В др.-и. *barn* активно участвует в дальнейшем словообразовании (ср. *barn-aldr*, *barn-dómr*, *barn-eskja* (ср. гот. *barniski*), все со значением «детство», *barn-gaman*, *barn-leikar* «детская игра» и др. Любопытно, что в гот. зафиксирован диминутив *barn – barnilo* «дитяtko», не имеющих аналогов в других древнегерманских языках:

þaruh qaf du imma: *barnilo*, þu sinþeino miþ mis [wast jah] is, jah all þata mein þein ist [GB, Lk 15: 31] - «Тогда сказал он ему: дитяtko, ты всегда со мной, и все, что мое, – твое» (здесь и далее курсив в оригинальных примерах и русский перевод наши – Е.Я.).

Bearn охватывает практически все перечисленные выше признаки понятия и появляется в текстах разных жанров. В гимне Кэдмона (VII в.) видим:

He ærest sceop eorðan *bearnum*
heofon to hrofe [Caedmon's Hymn: West Saxon Version].

«Он создал прежде всего для детей земли небо как крышу».

В поэме «Беовульф» наблюдается, по данным XML, 42 употребления *bearn*; главный герой приобретает почти постоянный эпитет «сын Эггтеова» (почти всегда *bearn* *Ecgþeowes* и лишь единожды, окказионально, *maga* *Ecgþeowes* [Beowulf, l. 2587]):

Beowulf maðelode, *bearn* *Ecgþeowes*...

«Молвил Беовульф, сын Эггтеова» [Beowulf, l. 1070].

Однако в «Беовульфе» нередки употребления *bearn* и в значении «воин»:

Beornas gearwe / On stefn stigon [Beowulf, l. 211–212].

«Воины поспешно поднялись на борт корабля».

В древнеанглийской религиозной литературе *eall manna bearn* «всякий сын человеческий» (мн.ч. *manna bearnas*) означает «род людской, человечество» [OEP, Ps. 30:21, 48:2, 52:3 и др.).

Древнеанглийское *cild* «дитя, ребёнок» (ср. гот. *kilþei* «утроба», *inkilþo* «беременная» с тем же корнем) используется по отношению к младенцу или очень маленькому ребенку:

Ʒæt heo mihte mæden beon and eac *cildes* moder [Homily for the Feast of the Virgin Mary, цит. по MED]

... «что она могла быть девой и в то же время матерью ребенка».

Морфема *cild-* входит в состав древнеанглийских композитов *hysecild* «ребёнок мужского пола, мальчик» и *mædencild* «ребёнок женского пола. девочка». Ср. у Эльфрика:

Gif hit *hysecild* byþ ofslēaþ ðæt gif hit sī *mædencild* healdað ðæt!
[AOT, Ex. 1: 16].

«Если это мальчик, пусть будет умерщвлен, если это девочка, оставьте её!».

Ælc *hysecild* betwux ēow bēo ymbsniden [AOT, Gen. 17: 10].

«Каждый мальчик среди вас да будет обрезан».

Seo munecene wasað, tæcende þam *mædencildum* [AG, 26].

Эта монахиня бдительна, обучая девочек».

Sunu – существительное индоевропейского происхождения, имеющее корреляты во всех германских и многих негерманских индоевропейских языках, – функционирует в древнеанглийских текстах в своем главном значении – «сын»; генерализующая семантика «ребёнок, отпрыск, потомок» для него в этот период не типична.

Эльфрик широко использует в своем переводе Ветхого Завета» *sunu* при выражении конкретных родственных отношений. Так, в отрывке о обмане Исаака Иаковом (Gen. 27: 1-29) присутствует в общей сложности 11 употреблений лексемы как в самом нарративе, так и в прямой речи Исаака, Ревекки и Иакова:

sunu mīn, hlyste mine lāre (AOT, Gen. 27:8)

«сын мой, внимли моему учению».

Sunu (как и *dohtor*) используется при необходимости обозначения пола, но при одновременном употреблении обеих лексем во мн.ч. они приобретают значение «дети»:

Heo hæfde swæsra þy læs

sunu ond *dohtra*, þy heo swa dyde [Riddle 9, 11–12].

«У нее (кукушки) было меньше детей (букв. сыновей и дочерей), потому что она так делала (подкладывала яйца в чужие гнёзда)».

Древнеанглийская единица *magu*, восходящая к и.-е. **maghu* (ср. гот. *magus* «мальчик; слуга», др.-с. *magu* «ребёнок», др.-и. *mögr* «сын», совр. англ. *maid, maiden* «дева, девушка», нем. *Magt, Mädel, Mädchen* «девушка; девочка») могла обозначать ребёнка,

сына, молодого человека, слугу. Существительное *mag* того же происхождения обозначало молодого человека, парня, воина (ср. русск. *детина*).

ond þinum *magum* læf folc ond rice [Beowulf, l. 907]

«оставь своим детям народ и государство».

*mag*o Caines [Genesis, l. 1160].

«сын Каина».

Интерес представляет функционирование лексем *bearn*, *sunu* и *magi* в дидактической поэме «Поучение отца сыну» (“Precepts”), где, относясь к одному и тому же референту, они оказываются взаимозаменяемыми:

Dus frod fæder *freobearn* lærde [Precepts, l. 1]

«Мудрый отец поучал своего высокороджденного сына»

Fæder eft his *sunu* frod gegrette

oþre siþe [Ibid., ll. 15–16]

«Мудрый отец во второй раз обратился к сыну»

Ðriddan siþe þoncsnottor guma

breost-gehygdum his *bearn* lærde [Ibid., ll. 21–22]

«Мудрый отец в третий раз сообщил сыну свои сокровенные мыс-

ли»

Feorþan siþe fæder eft lærde

modleofne *magan* [Ibid., ll. 27–28]

«Отец поучал своего любимого сына в четвертый раз»

Fiftan siþe fæder eft ongon

breostgeþoncum his *bearn* læran [Ibid., ll. 32–33]

«В пятый раз отец начал сообщать своему сыну сокровенные мыс-

ли»

Siextan siþe swæs eft ongon

þurh bliðne geþoht his *bearn* læran [Ibid., ll. 43–44]

«В шестой раз начал [он] поучать своего сына доброй мыслью»

Seofeþan siþe hi *sunu* lærde

fæder, frod guma [Ibid., ll. 52–53]

«В седьмой раз учил своего сына отец, мудрый человек»

Eahtopan siþe eald fæder ongon / his *mag*o monian mildum wordum [Ibid., ll. 59–60] - «В восьмой раз старый отец начал поучать своего сына мягкими словами».

Композиция поэмы образована десятью фрагментами – заповедями отца сыну; в девятом и десятом фрагментах обозначения сына не присутствуют.

Помимо «Поучения отца сыну», наблюдаются и другие случаи появления в идентичных контекстах исследуемых лексем, т.е. их взаимозаменяемости:

Modor ne rædeð, ðonne heo *magan* cenneð, hu him weorðe geond worold widsið sceapen.

Oft heo to bealwe *bearn* afedeð... [Solomon and Saturn, ll. 373–387].

«Когда мать рождает (букв. познает) ребенка, она не может сказать, каким сложится его широкий путь в мир. Иногда она вскармливает ребёнка во зло...».

þu on *māgan* wlitest, / ðīn āgen *bearn* [Genesis, ll. 2397–2398].

«Ты смотришь на ребёнка, своего собственного ребёнка».

Таким образом, в древнеанглийском наблюдается ряд единиц с семантикой «ребёнок, сын, потомок», вступающих в синонимические отношения. Доминантой этого ряда является *bearn* как единица, вбирающая в себя максимальное количество значений («ребенок», «сын», «потомок», «взрослый человек, мужчина, воин»). Другие члены этого ряда: *magu* «ребёнок, сын», *sunu* «сын, потомок», *cild* «ребёнок, младенец», – имея по меньшей мере одну общую сему с *bearn*, употребляются нередко в тех же контекстах. Отсутствие у единиц стилистической маркированности, характерное для лексики древнеанглийского периода в целом, лишь способствует их смешению. *Sunu* и *cild* демонстрируют, наряду с общими, и специфические признаки (что и позволяет этим единицам сохраниться в языке), но референтная область *bearn* полностью поглощает референтную область *magu*, не оставляя ему шансов на выживание.

После XI в. лексема *bearn* угасает в английском языке, все чаще заменяясь на *child*, хотя отдельные словоупотребления наблюдаются еще в XIV в. Отчасти это вызвано смешением *bearn* с *baron* в силу паронимической аттракции:

Æuerælche eorle & æuerælche *beorne* [Lazamon, Brut; цит. по: OED]
«все ярлы и все бароны»,

но главным образом, как нам представляется, в силу диффузной семантики *bearn*.

Magu, смешавшись в средний период с *мага* «мужчина», вышло из употребления (вследствие редукции окончаний оба слова стали звучать одинаково и оппозиция «ребёнок – взрослый человек» оказалась нейтрализованной, что затрудняло употреб-

ление лексем). С конца древнего периода (X-XI вв.) резко возросло число контекстов с *child* (*cild*), получившим распространение в религиозной прозе эпохи бенедиктинского возрождения. В тот же период *sunu* (позднее *son*, *son*) и *dohtor* (позднее *doughter*) приобрели переносные значения. С конца среднего периода субстантивный ряд с семантикой «ребенок» пополняется еще двумя единицами – *babe* (вероятно, звукоподражательного происхождения) и заимствованным *infant*; чуть позже появляются *baby* как диминутив *babe* и *kid* (первоначально «козлёнок»), и номинативное поле понятия оказывается в ранненованглийском окончательно сформированным.

Литература

- AOT – The Old English Heptateuch; and, Ælfric’s Libellus de Veteri Testamento et Novo. Oxford: Oxford University Press for the Early English Text Society, 2008. 426 p.
- Beowulf // The Anglo-Saxon Poetic Records. Vol. IV. Beowulf and Judith. Ed. by E. van Kirk Dobbie. New York: Columbia University Press, 1953. Pp. 1–98.
- Bosworth-Toller – An Anglo-Saxon Dictionary. By Joseph Bosworth and T. Northcote Toller. Oxford: Clarendon Press, 1898 and 1921. Электронный ресурс. URL: <http://www.bosworthtoller.com> Последнее обращение: 10.08.2023.
- Cleasby – An Icelandic-English dictionary / initiated by Richard Cleasby, subsequently revised, enlarged and completed by Gudbrand Vigfusson, M.A. Oxford : Clarendon Press, first edition 1874, second edition 1957.
- Caedmon’s Hymn: West Saxon Version // The Complete Corpus of Anglo-Saxon Poetry. Электронный ресурс. URL: https://sacred-texts.com/neu/ascp/a32_02.htm Дата последнего обращения: 10.08.2023.
- GB – Die gotische Bibel. F.L.Stamm’s Ulfilas oder die uns erhaltenen Denkmäler der gothischen Sprache. Paderborn, 1872.
- Genesis // The Complete Corpus of Anglo-Saxon Poetry. Электронный ресурс. URL: <https://sacred->

texts.com/neu/ascp/a01_01.htm Дата последнего обращения:
10.08.2023.

MED – Middle English Dictionary. Ed. Robert E. Lewis, et al. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1952-2001. Online edition in Middle English Compendium. Ed. Frances McSparran, et al. Ann Arbor: University of Michigan Library, 2000-2018. Электронный ресурс. URL: <http://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary> Последнее обращение: 10.08.2023.

OED – The Oxford English Dictionary. Электронный ресурс <https://www.oed.com> Последнее обращение: 10.08.2023.

OEP – Old English Psalms Edited and Translated by P. P. O’Neill. London: Dumbarton Press, 2016. 717 p.

Peterborough Chronicle // Two of the Saxon Chronicles, eds. C. Plummer and J. Earle, vol. 1 (1892; reprint 1952).

Precerpts // The Complete Corpus of Anglo-Saxon Poetry. Электронный ресурс. URL: https://sacred-texts.com/neu/ascp/a03_08.htm Дата последнего обращения: 10.08.2023.

Riddle 9 // The Complete Corpus of Anglo-Saxon Poetry. Электронный ресурс. URL: https://sacred-texts.com/neu/ascp/a03_2209.htm Дата последнего обращения: 10.08.2023

Solomon and Saturn // The Complete Corpus of Anglo-Saxon Poetry. Электронный ресурс. URL: <https://sacred-texts.com/neu/ascp/a13.htm> Дата последнего обращения: 10.08.2023.

XML – XML Helsinki Browser. Electronic Resource. URL: <https://helsinki.corpus.arts.gla.ac.uk> Дата последнего обращения: 10.08.2023.

Children: in Language and Culture : A workshop. 23–24 of November 2023. Institute of Linguistics RAS. Moscow: MAKS Press, 2023. – 152 p.

ISBN 978-5-317-07068-7

<https://doi.org/10.29003/m3572.978-5-317-07068-7>

The conference is oriented towards two aspects of child images in language and culture. The first aspect deals with nomination of children in languages of the world, both in synchrony and diachrony. A special attention is given to the oppositions ‘children – adult persons’ as well as ‘baby – boy/girl’. The material of local dialects is involved into the analysis as well as basic dictionaries data. The evolution of the semantic field ‘child’ in Eurasia languages is described. The second aspect of the work represents the child as an object of traditional culture (folklore, rituals, psychoanalysis etc).

Key words: Nomination of the ‘child’, semantic shifts, traditional culture, speech, child language.

Научное издание

ДЕТИ: В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ
(избранные) материалы конференции
23–24 ноября 2023 г.

Подготовка оригинал-макета:

Издательство «МАКС Пресс»

Главный редактор: *Е.М. Бугачева*

Обложка: *А.В. Кононова*

Подписано в печать 17.09.2023 г.

Формат 60x90 1/16. Усл. печ. л. 9,5. Тираж 60 экз. Заказ 157.

Издательство ООО «МАКС Пресс» Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.

119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова,

2-й учебный корпус, 527 к.

Тел. 8(495)939-3890/91. Тел./Факс 8(495)939-3891.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н

